

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ І ПРАВАВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ

НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНЫ І ІНФАРМАЦЫЙНА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

2'2010

Заснавальнік і выдавец –
прыватная ўстанова адукацыі
«БІП – Інстытут правазнаўства»

Выдаецца з удзелам

Інстытута Інстытута
сацыялогіі гісторыі
НАН Беларусі НАН Беларусі

Часопіс зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь.

Пасведчанне аб рэгістрацыі № 2407

Выдаецца штоквартальна з верасня 2005 г.

Часопіс уключаны ў Пералік навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па юрыдычных і эканамічных навук.

Адрас рэдакцыі: вул. Караля, 3, 220004, г. Мінск. Тэл. / факс 2110158

Мінск 2010

Галоўны рэдактар –
доктар эканамічных навук **С. А. Самаль**

Рэдакцыйная калегія:

- Я. М. Бабосаў**, акадэмік НАН Беларусі, доктар філасофскіх навук, прафесар
В. К. Банько, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт
М. П. Бяляцкі, доктар эканамічных навук, прафесар
У. А. Вітушка, доктар юрыдычных навук, прафесар
намеснік галоўнага рэдактара –
А. Ф. Вішнеўскі, доктар гістарычных навук, прафесар гісторыі, прафесар права
А. А. Каваленя, доктар гістарычных навук, прафесар
В. С. Камянкоў, доктар юрыдычных навук, прафесар
І. В. Катляроў, доктар сацыялагічных навук, прафесар
А. М. Літвін, доктар гістарычных навук, прафесар
У. А. Мельнік, доктар палітычных навук, прафесар
В. Ф. Мядзведзеў, член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар эканамічных навук, прафесар
С. В. Рашэтнікаў, доктар палітычных навук, прафесар
А. М. Сарокін, доктар гістарычных навук, прафесар
В. І. Семянкоў, член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар юрыдычных навук, прафесар
С. Ф. Сокал, доктар юрыдычных навук, прафесар
Г. А. Хацкевіч, доктар эканамічных навук, прафесар
В. Г. Ціхіня, член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар юрыдычных навук, прафесар
Л. Ф. Яўменаў, член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар філасофскіх навук, прафесар

Рэдактар С. Лукашанец
Камп'ютарная вёрстка, дызайн М. Лебедзеў
Карэктар Т. Кугейка
Падпісана ў друк 15.07.2010.
Папера афсетная. Друк афсетны. Фармат 70x100 1/16.
Ум.-друк. арк. 14,3. Ул.-выд. арк. 11. Тыраж 300 экз. Заказ №625.
Надрукавана ў друкарні «Ходр» ГА «БелТІЗ» з дзяпязітываў заказчыка.
Ліцэнзія ЛП №02330 / 0056661 ад 29.03.2004.
220004, г. Мінск, вул. Вызвалення, 9.

НАВУКОВЫ ПОШУК

- 4** *Лыч Г. М.*
Наука, образование, производство: обеспечение их активного взаимодействия.
- 17** *Вишнеўскі А. Ф., Ганчарэнка М. Ф.*
Правовое рэгуляванне пазасудовых паўнамоцтваў рэпрэзінтных органаў савецкай дзяржавы (1922–1934 гг.).
- 31** *Землякоў Л. Я., Шчокін М. С.*
Рэлігія і адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: палітыка-прававыя аспекты.
- 51** *Беляцкі Н. П., Рудак І. К.*
Влияние информационных технологий на управление персоналом.

ДЫСКУСІ

- 59** *Руденков В. М., Пилютик А. А.*
Природа и истоки кризисов в мировой экономике: история и анализ.

ПРАСТОРА ПРАВА

- 78** *Ананько А. В.*
Юридические факты, порождающие электронные гражданские правоотношения.
- 92** *Ковкель Н. Ф.*
Проблемы структурирования и единства правового языка.
- 104** *Маджарова В. А.*
Этапы развития научных исследований в области языка и стиля нормативных правовых актов от античности до периода нового времени.

- 114** *Паращенко В. В.*
Доказательства в гражданском процессе: понятие, дискуссии.
- 127** *Примаченок Г. А.*
Пространство как всеобщая среда, экономический ресурс и объект собственности.
- 140** *Ханкевич Л. А.*
Бюджетное право и бюджетное законодательство.
- 150** *Чуприс О. И.*
Служба представительных органов как вид государственной службы Республики Беларусь.

ЭКАНОМІКА І КІРАВАННЕ

- 158** *Говзич В. Г., Николаевский В. В.*
Инвестиционное право как регулятор экономических инвестиционных отношений.
- 166** *Солодовников С. Ю., Жуковская О. Ю.*
Влияние социального капитала на конфигурацию рыночной системы Республики Беларусь в контексте национальной безопасности.
- 181** *Щербин В. К.*
Концепт «научно-технический потенциал» среди сопредельных понятий.
- 192** *РЕЗЮМЕ*
- 196** *SUMMARY*

* Усе артыкулы рэцензуюцца

Рэдакцыя можа не падзяляць пазіцыі аўтараў апублікаваных прац
© Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні

Г. М. Лыч

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОИЗВОДСТВО: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИХ АКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Лыч Генадзь Міхайлавіч – акадэмік НАН Беларусі, доктар эканамічных навук, прафесар. Даследуе праблемы эканамічнага суверэнітэту, міждзяржаўнай эканамічнай інтэграцыі, пераходнай эканомікі, а таксама сацыяльна-эканамічныя праблемы экалагічнай бяспекі і ўстойлівасці чалавечага развіцця. Многія вынікі навуковых даследаванняў маюць практычнае прымяненне. Аўтар больш чым 290 навуковых работ, у т. л. 16 манаграфій.

Переход экономики на инновационный путь развития ставит перед политиками и учеными-обществоведами целый ряд весьма сложных и в то же время важных задач. Одно из центральных мест среди них занимает обеспечение активного взаимодействия науки, образования и производства. Пока эти важнейшие – с точки зрения инновационного развития – сферы общественной жизнедеятельности функционируют, по сути, обособленно друг от друга. В результате, наука порой генерирует новые знания, которые годами остаются невостребованными практикой. Учреждения образования нередко выпускают специалистов, которые либо вовсе не находят себе применения в реальной жизни согласно полученной специальности, либо годами осваивают свою профессию прежде чем заработают в полную силу. Производство обходится преимущественно старыми знаниями, из года в год демонстрируя свою невосприимчивость к новейшим достижениям науки и техники.

Негативные последствия обособленного развития

Подобные явления, безусловно, не могут оставаться без негативных последствий. В частности, они сказываются на отношении общества, в том числе политиков, к рассматриваемым сферам жизнедеятельности, на их материальном и финансовом обеспечении, престиже труда и социальном обеспечении занятых в них работников.

Так, научных сотрудников нередко обвиняют в иждивенчестве, а научные организации получают финансирование

в последнюю очередь. И наоборот, обычно с них начинают экономить, когда надо спасать от финансового голода те организации, которые приносят прибыль. Такое отношение государства к отечественной науке наблюдалось на протяжении многих лет существования централизованно планируемой экономики и последующего перехода ее к рынку. В основу его было положено неизменное применение так называемого остаточного принципа финансирования.

Особенно пагубным оказалось его влияние на белорусскую науку во время системного кризиса 90-х годов прошлого столетия. Потери, понесенные в те годы наукой из-за резкого сокращения объемов финансирования, оказались столь большими, что их не удалось восполнить по настоящее время. Больше всех пострадали отраслевая (ведомственная) и заводская науки, в отношении которых финансирование по остаточному принципу соблюдалось наиболее последовательно. В условиях финансового кризиса предприятия не нашли лучшего способа собственного выживания, как ограничение сверх всякой разумной меры финансирования своих научных подразделений. Примерно так же поступили и отраслевые министерства: чтобы помочь подведомственным предприятиям, терпящим финансовые бедствия, остаться на плаву, они радикально перераспределили подконтрольные им финансовые потоки в пользу предприятий, посадив на «голодный паек» свои научно-исследовательские и проектные институты. В итоге, практически все ведомственные научно-исследовательские и проектные институты были вынуждены максимально сжаться в своих размерах, проведя резкое сокращение кадров, некоторые из них и вовсе прекратили свое существование.

Сокращение кадрового потенциала белорусской науки, начавшееся с 1991 г., удалось остановить только в 2005 г. Годом раньше было приостановлено сокращение объемов ее финансирования. Однако преодоление этих негативных тенденций в развитии отечественной науки, проявившихся в 90-е гг., происходило весьма медленно. Так что по сей день остаются невосстановленными как ее докризисный кадровый потенциал, так и объемы финансирования.

О крайне неудовлетворительном финансовом обеспечении науки красноречиво свидетельствует наукоемкость валового внутреннего продукта. По данным Белстата, в наступившем столетии этот показатель ни разу не превысил 0,8%. Между тем многие авторитетные зарубежные ученые наукоемкость

ВВП в размере, ниже 1,0% оценивают как критическую. По их мнению, если она на таком уровне сохраняется на протяжении нескольких лет подряд, то в стране неизбежно происходит деградация научно-технического потенциала. И наша реальная действительность, к сожалению, может служить тому убедительным подтверждением.

В НАУКЕ ОСТАЛИСЬ ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ПОЖИЛЫЕ СОТРУДНИКИ, А ТАКЖЕ БЕЗЫНИЦИАТИВНЫЕ НИЗКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ РАБОТНИКИ, НЕ СПОСОБНЫЕ ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕЛА ПРЕЖНИХ ЛИДЕРОВ НАУЧНЫХ ШКОЛ

Одним из наиболее очевидных признаков деградации отечественного научно-технического потенциала является развал многих научных школ. Он произошел вследствие массового ухода из науки в 90-е гг. наиболее активных молодых сотрудников и не был компенсирован приемом на работу в научно-исследовательские институты выпускников высших учебных заведений. В результате, в науке остались главным образом пожилые сотрудники, а также безынициативные низкоквалифицированные работники, не способные взять на себя продолжение дела прежних лидеров научных школ.

К сожалению, такое положение с кадрами во многих научных организациях сохраняется по сей день. И главная причина тому – все та же низкая заработная плата, в особенности сотрудников, которые не имеют ученых степеней и званий. К слову сказать, и нынешняя средняя зарплата кандидата наук, работающего в НИИ, также не может удовлетворить сегодняшних молодых людей, хотя для ее получения недавнему выпускнику высшего учебного заведения приходится потратить до пяти и более лет напряженного труда, лишаящего многих жизненных удовольствий. И уж совсем парадоксальной выглядит ситуация, когда даже ученая степень доктора наук вкупе с ученым званием профессора еще не гарантирует работникам науки материального достатка. Многие доктора наук сегодня получают заработную плату, которая нисколько не выше (а зачастую даже ниже) той, которую получают водители городского транспорта, высококвалифицированные строители и другие работники, занятые физическим трудом в материальном производстве, не говоря уже о государственных чиновниках и сотрудниках силовых структур, притом не самой высокой квалификации.

Еще одной проблемой белорусских ученых является безнадежно устаревшая материально-техническая база отечественных научно-исследовательских организаций. По этой причине многие научные работники не могут рассчитывать на получение результатов, претендующих на научное

открытие, достойное мирового признания. Следовательно, у них практически нет реальных шансов оказаться на вершине мирового научно-технологического прогресса, стать желаемыми авторитетными участниками престижных международных научно-практических конференций, регулярно получать от соответствующих международных организаций солидные денежные гранты на дальнейшее проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Крайне неудовлетворительно решаются у нас сегодня и вопросы социального обеспечения ученых. Прежде всего, это касается размера получаемой пенсии. По данному показателю научного сотрудника фактически приравнивали к дворнику жилищно-коммунального хозяйства и уборщице.

При таких обстоятельствах говорить о престижности труда ученого не приходится. А потому и не спешат в науку выпускники высших учебных заведений, отдавая предпочтение другим, более престижным сферам общественной жизнедеятельности, гарантирующим более высокую заработную плату. Те же из немногих выпускников вузов, которые поступили на работу в НИИ, чаще всего сделали этот выбор вовсе не потому, что почувствовали у себя склонность к научной деятельности. Многие из них просто побоялись трудностей, которые ожидали их в случае устройства на работу по специальности на производстве. Другие рассчитывали сразу же поступить в очную аспирантуру (сегодня это не запрещено никакими нормативно-законодательными актами) и таким образом избежать призыва в армию. Третьи использовали возможность поступить на работу в НИИ для того, чтобы остаться в городе, избежать распределения на сельскую местность. Поэтому не удивительно, что в последние годы только единицы к моменту окончания аспирантуры успевают подготовить кандидатскую диссертацию; что не соискатели подолгу ждут в очереди защиты своей диссертации в совете, а, наоборот, советы месяцами, а то и годами ждут того момента, когда, наконец, объявится соискатель со своей просьбой о защите диссертации; что теоретический уровень и практическая значимость диссертаций с годами не повышается, а, скорее, падает.

Не намного лучше положение отечественного образования, в частности высшей школы, венчающей собой образовательный процесс. Вузы часто критикуют и по поводу того, что они обучают студентов не по тем специальностям, которые больше всего нужны народному хозяйству, и за то, что их выпускники

недостаточно подготовлены к практической деятельности, не располагают надлежащими навыками творческой работы и т. д. Хотя высшие учебные заведения, как и научно-исследовательские институты, государство финансирует по остаточному принципу, не гарантирующему им надлежащей устойчивости финансового положения. По этой причине в 90-е гг. прошлого столетия отечественная высшая школа испытала шок ничуть не меньший, чем наука. Логическим следствием его также явился массовый отток из вузов молодых, наиболее квалифицированных и социально активных кадров. Одни молодые специалисты предпочли заняться предпринимательской деятельностью, другие перешли на работу в более доходную и быстро развивающуюся банковскую сферу, а кое-кто в поисках лучшей жизни подался за границу. А поскольку подготовка новых преподавательских кадров высокой квалификации в те годы резко сократилась, во многих высших учебных заведениях страны сразу же начался кадровый голод, преодолеть который опять-таки не удалось по сегодняшний день.

ВУЗЫ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ В СОСТОЯНИИ ДАТЬ СТУДЕНТАМ НУЖНЫЕ ЗНАНИЯ О НОВЫХ, ПРОГРЕССИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ, НАИБОЛЕЕ СОВЕРШЕННЫХ И ЭКОНОМИЧНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ И МАТЕРИАЛАХ, А ТАКЖЕ ПРЕДОСТАВИТЬ НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ УСПЕШНОГО ЗАНЯТИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Немало накопилось в образовании под влиянием существенного недофинансирования и других бед, не позволяющих высшей школе должным образом выполнять свою миссию. Как и в науке, это, прежде всего, морально устаревшая и физически сносившаяся материально-техническая база, включая лабораторное оборудование. По этой причине вузы практически не в состоянии дать студентам нужные знания о новых, прогрессивных технологиях, наиболее совершенных и экономичных технических средствах и материалах, а также предоставить необходимые условия для успешного занятия научно-исследовательской деятельностью.

А ведь без этого практически невозможно постоянно поддерживать преподавание на должном теоретико-методологическом уровне и готовить высококвалифицированных специалистов, способных придать надлежащее ускорение инновационному развитию национальной экономики. Ибо преподаватель, не занимаясь непосредственно выполнением научных исследований, неизбежно начинает все более отставать в своем интеллектуальном развитии; а студент, выполняя практические задания на устаревшем оборудовании, лишенный всякой возможности заняться проведением подлинных научных исследований, никогда не сможет за время учебы в университете овладеть по-настоящему новыми, прогрессивными

технологиями, а также приобрести навыки творческой деятельности, необходимые для работы на производстве.

Положение усугубляется тем, что и производственную практику студенту далеко не всегда удается проходить на передовом предприятии. Хотя предприятие, в принципе, заинтересовано в приобретении специалистов, обладающих богатым арсеналом новых знаний и практических навыков, необходимых для дальнейшего развития производства на основе инноваций, оно, как правило, не спешит навстречу студенту-практиканту в его стремлении к приобретению указанных знаний. В значительной мере по этой причине организация производственной практики порой становится трудно разрешимой проблемой. Это касается, прежде всего, студентов экономических специальностей. Отдельные хозяйственные руководители боятся, что студенты в процессе подготовки своих курсовых и дипломных работ и магистерских диссертаций могут вскрыть имеющиеся серьезные недостатки в работе предприятия и сделать их достоянием общественности и органов государственного управления, в ведении которых находится предприятие. Чтобы избежать подобных неприятностей, многие руководители предприятий предпочитают отказаться от приема к себе на практику студентов экономических вузов, а если и дают на это согласие, то стараются максимально ограничить их доступ к данным, характеризующим экономическую эффективность производственно-хозяйственной деятельности. Обычно это делается якобы из-за необходимости сохранения коммерческой тайны. В итоге, с одной стороны, предприятия лишают себя возможности с помощью студентов-практикантов выявить дополнительные внутренние резервы повышения экономической эффективности своей работы; а с другой – студенты за время производственной практики не получают возможности приобрести необходимые практические навыки проведения экономического анализа, а также подготовить добротную курсовую, дипломную работу либо магистерскую диссертацию, гарантирующую получение желаемой высокой оценки.

Недостаточные знания многих сегодняшних выпускников отечественных вузов в значительной мере объясняются также мизерными стипендией и заработной платой, которые получают студенты во время учебы, а молодые специалисты – в первые

ОТДЕЛЬНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ БОЯТСЯ, ЧТО СТУДЕНТЫ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СВОИХ КУРСОВЫХ И ДИПЛОМНЫХ РАБОТ И МАГИСТЕРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ МОГУТ ВСКРЫТЬ ИМЕЮЩИЕСЯ СЕРЬЕЗНЫЕ НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ ПРЕДПРИЯТИЯ И СДЕЛАТЬ ИХ ДОСТОЯНИЕМ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

годы работы по специальности. Нынешняя студенческая стипендия по своей покупательной способности даже меньше стипендии, которую получали студенты в 50-е гг. прошлого столетия, т. е. всего через десять лет после опустошительной войны. В те годы на свою стипендию студент мог три раза в день поесть в общественной столовой. Сегодняшним же студентам и магистрантам стипендии едва хватает на одноразовое питание. Поэтому многим молодым людям, в частности, происходящим из малообеспеченных семей, которых в Беларуси ныне немало, приходится много времени отнимать от учебы на поиски дополнительных заработков. После окончания учебы таких студентов также ожидает низкая заработная плата. Поэтому не случайно среди молодежи ныне принято говорить, что после окончания университета они едут по направлению не на работу, а на «отработку». Ожидать от студентов неустанного целеустремленного труда по овладению новыми знаниями при таких условиях, конечно же, не приходится.

Немало бед, обусловленных обособлением от науки и образования, вынуждено переживать и производство. По этой причине оно испытывает, в частности, большие трудности с приобретением в нужном количестве новых, прогрессивных технологий, технических средств и материалов, внедрением наиболее совершенных способов организации труда и управления производством, а также с приглашением на работу высококвалифицированных специалистов, в полной мере отвечающих современным требованиям инновационной экономики. В результате, отечественное производство все более отстает от мирового уровня в технико-технологическом и организационно-управленческом отношениях и становится все менее способным выпускать высококачественную продукцию, конкурентоспособную на мировом рынке. А это, в свою очередь, неизбежно влечет за собой нарастающее сокращение доходов производственных предприятий и сужение их воспроизводственных возможностей, падение заработной платы рабочих и ухудшение окружающей среды из-за чрезмерной экономии на природоохранных мероприятиях.

Все это ведет к нарастанию технологической и финансовой зависимости белорусской экономики от экономик промышленно развитых и наиболее продвинутых в инновационном отношении развивающихся стран. Тем самым создается прямая угроза экономическому, а через него и политическому суверенитету страны, ее государственной независимости. Вот

почему преодоление сложившейся в прошлом пагубной разобщенности науки, образования и производства и обеспечение их более тесного и эффективного взаимодействия сегодня стало для нас поистине судьбоносной задачей.

Слово за производством

При решении данной задачи крайне важно правильно определиться, с чего начинать. Как известно, до последнего времени основные упреки относительно отсутствия надлежащей взаимосвязи между составляющими рассматриваемой триады раздавались в адрес науки и образования и, прежде всего, от их работников требовали повернуться лицом к производству. Но заметных сдвигов к лучшему так и не добились. На наш взгляд, ничего удивительного в этом нет. Дело в том, что базисным компонентом в триаде «наука-образование-производство» является производство, а следовательно, именно от него должна исходить инициатива по налаживанию прочных и эффективных связей между всеми компонентами триады. Наука же и образование по отношению к производству были и остаются обслуживающими отраслями, и их главная задача заключается в том, чтобы своевременно и возможно более адекватно отвечать на запросы производства. Последнее, конечно, не исключает проявления инициативы и со стороны науки и образования, к примеру, в порядке внесения предложений, какие нововведения производству на данном этапе наиболее целесообразно внедрять и каких специалистов надо привлекать, чтобы от использования предлагаемых нововведений получить максимально быструю и высокую отдачу.

С учетом вышесказанного вина в том, что до сего дня у нас нет надлежащего взаимодействия между наукой, образованием и производством, в первую очередь, ложится на работников производства. Именно отсутствие с их стороны четких и своевременных запросов относительно инноваций и специалистов, которые должны обеспечить их эффективное внедрение, приводило к тому, что и наука, и образование в значительной степени развивались сами по себе, без должного учета требований производства.

Надо думать, что работников производства к такому поведению подталкивала экономическая среда, в которой им приходилось работать. Наукой и многолетним опытом доказано:

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРОИЗВОДСТВУ БЫЛИ И ОСТАЮТСЯ ОБСЛУЖИВАЮЩИМИ ОТРАСЛЯМИ, И ИХ ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТОБЫ СВОЕВРЕМЕННО И ВОЗМОЖНО БОЛЕЕ АДЕКВАТНО ОТВЕЧАТЬ НА ЗАПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА

человек весьма неохотно меняет привычный для него образ жизни и делает это в исключительных случаях – лишь тогда, когда приходит к глубокому осознанию, что иначе поступить он просто не может, что это для него жизненно необходимо. Особенно неохотно идет человек на перемену образа своей жизни в тех случаях, когда это связано с риском. А именно таковым для работников производства является применение нововведений с привлечением новых специалистов. Притом чем масштабнее и радикальнее нововведения, чем большего дополнительного количества специалистов разных профилей требует их внедрение, тем больше и разнообразнее риск как для предприятия, так и для его руководителя. В случае неудачи предприятие рискует своими доходами и имуществом, а руководитель – своей должностью. При особо неблагоприятном стечении обстоятельств он может быть даже привлечен к уголовной ответственности.

Как свидетельствует мировая практика, хозяйственные руководители активно занимаются инновациями лишь тогда, когда иного им просто не дано, когда ускоренное развитие инновационной деятельности является для них жизненной необходимостью в полном смысле этого слова.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ АКТИВНО ЗАНИМАЮТСЯ ИННОВАЦИЯМИ ЛИШЬ ТОГДА, КОГДА ИНОГО ИМ ПРОСТО НЕ ДАНО, КОГДА УСКОРЕННОЕ РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ НИХ ЖИЗНЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА

У нас ничего подобного не было ранее при централизованно планируемой экономике, управляемой административно-командной системой, и нет сегодня при переходе к рыночной экономике.

В советские годы руководители производственных предприятий ограничивались, в основном, обеспечением выполнения доводимых до них плановых заданий по внедрению новой техники и при этом особенно не беспокоились за судьбу вверенного им предприятия. Ведь они прекрасно понимали: ни при каких обстоятельствах административно-командная система не даст предприятию погибнуть, непременно позаботится и о его ресурсном обеспечении, и о сбыте произведенной продукции, и о ценах, позволяющих возместить осуществленные затраты.

Не стало в нашей стране инновационное развитие приоритетом номер один и сегодня. Хотя руководство страны порой и ставит перед хозяйственниками задачу ускорения инновационного развития, но в еще большей мере оно требует от них обеспечения безусловного выполнения доведенных в директивном порядке показателей прироста производства продукции. Последнее же, кстати говоря, обычно вступает

в противоречие с ускорением инновационного развития, особенно если оно предполагает остановку производства, пусть даже на непродолжительный период. Поэтому руководители предприятий концентрируют свои усилия, прежде всего, на достижении запланированных показателей прироста выпуска продукции, откладывая на потом внедрение инноваций.

Нет у нынешних руководителей белорусских предприятий настоящей, жизненной необходимости заботиться о рентабельности своей производственно-хозяйственной деятельности с тем, чтобы иметь возможность из года в год накапливать инвестиционные ресурсы для своевременного обновления на качественно новой технико-технологической основе своих основных фондов. В случае крайней нужды, как и в недавние советские годы, они могут обратиться с просьбой о финансовой помощи к государству, и оно непременно поможет им остаться на плаву. Особенно если на предприятии заняты десятки тысяч рабочих.

Все это позволяет хозяйственным руководителям годами работать в привычном для них старом режиме, не обременяя себя рискованными нововведениями, не гарантирующими получение запрограммированного результата. Значит, им совершенно ни к чему утруждать себя поисками деловых контактов с научными организациями, доставляющими им одни только беспокойства, связанные с внедрением полученных результатов исследований. Ну а если научные организации попытаются со своей стороны проявить инициативу в деле налаживания активного взаимодействия с производством, имеющего своей целью внедрение тех или иных новаций, то хозяйственные руководители при нынешних экономических условиях, скорее, ее проигнорируют.

Отсюда следует вывод: добиться тесного и эффективного взаимодействия между производством, наукой и образованием без радикального изменения нынешней экономической среды практически невозможно. При этом экономическая среда должна измениться таким образом, чтобы широкое и ускоренное развитие инноваций стало для предприятий жизненной необходимостью, чтобы у них не осталось никаких иных реальных возможностей для выживания и дальнейшего развития, чтобы от банкротства предприятий терпели не только рядовые рабочие, но и в еще

ДОБИТЬСЯ ТЕСНОГО И ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ПРОИЗВОДСТВОМ, НАУКОЙ И ОБРАЗОВАНИЕМ БЕЗ РАДИКАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ НЫНЕШНЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ПРАКТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНО

большей мере директора, руководители структурных подразделений и инженерно-технические работники, несущие непосредственную ответственность за развитие инновационной деятельности.

Судя по мировому опыту, такую экономическую среду можно сформировать лишь посредством создания в стране полноценного конкурентного рынка, дополненного последовательным проведением достаточно жесткой бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, которая, с одной стороны, побуждала бы предприятия максимально использовать имеющиеся у них внутренние резервы и возможности для всемерного повышения эффективности производства и конкурентоспособности выпускаемой продукции, а с другой – создавала бы все необходимые для этого предпосылки. Сказанное выше ни в коем случае не следует понимать как призыв к отстранению государства от управления производством. Речь идет всего лишь о формировании в стране посредством создания полноценного конкурентного рынка экономической среды, которая побуждала бы хозяйствующих субъектов к активному занятию инновационной деятельностью и налаживанию во имя этого тесных, устойчивых и эффективных деловых связей с наукой и образованием, которые генерируют новые знания и готовят их носителей, способных воплотить новые знания в конкретные практические результаты, полезные для общества и государства.

УСПЕШНОЕ РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИЙ В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ПРЕДПОЛАГАЕТ ПРИМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ЕГО ПРОГНОЗИРОВАНИЮ, ПЛАНИРОВАНИЮ, ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЮ, А ЭТО ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕРОГАТИВОЙ ГОСУДАРСТВА

При этом роль государства в управлении производством несколько не умалется. Скорее, наоборот, с его переходом на инновационный путь развития она будет только возрастать, притом по многим направлениям. Дело, прежде всего, в том, что успешное развитие инноваций в обязательном порядке предполагает применение стратегических подходов к его прогнозированию, планированию, организации и управлению, а это является прерогативой государства, поскольку рыночная саморегуляция базируется на учете главным образом сиюминутных выгод субъектов рынков. Поэтому частный бизнес предпочитает заниматься разработкой и реализацией только таких проектов, которые гарантируют ему получение достаточно весомой экономической выгоды уже в ближайшие годы, и, как правило, избегает проектов, реализация которых может дать желаемый результат лишь в отдаленном будущем. Проекты же, по которым вообще нет

никакой гарантии получения положительного результата, не принимаются категорически, между тем такое в научно-инновационной деятельности случается довольно часто.

К примеру, практически все фундаментальные и поисковые научные исследования можно отнести к числу инновационных проектов, положительный практический результат от реализации которых может быть получен лишь в отдаленной перспективе, а то и не получен вовсе. Несмотря на это, обойтись без них никак нельзя. Если не проводить в нужном объеме фундаментальные и поисковые исследования, то рано или поздно неизбежно будут обречены на стагнацию и постепенное вымирание и прикладные исследования, и научно-технические разработки, что, в свою очередь, приведет к полному застою во всей инновационной деятельности. К слову, именно фундаментальные и поисковые исследования позволяют получить научный результат, способный обеспечить подлинный прорыв по тому или иному направлению научно-технологического прогресса и таким образом поднять конкурентоспособность национальной экономики на качественно новый, более высокий уровень.

Кроме того, инновационные проекты, особенно крупные и прорывного характера, не только связаны с большими рисками, но и требуют для своей реализации больших финансовых ресурсов, которыми часто не располагают предпринимательские структуры. И здесь также необходимо присутствие государства с его способностью аккумулировать в своем бюджете доходы, создаваемые в различных отраслях народного хозяйства, с целью их последующего концентрированного использования для решения приоритетных задач, в том числе связанных с инновационным развитием отечественного производства.

Как видим, роль государства в управлении производством и после создания конкурентного рынка остается не только весьма существенной, но и практически незаменимой. С учетом этого отдать на откуп стихийным силам рынка управление инновационным развитием производства, а вместе с ним науку и образование, которые задают исходный импульс всему инновационному процессу, было бы непростительной ошибкой. Так можно погубить и отечественную науку, и национальную систему образования, и саму идею перевода национальной экономики на инновационные рельсы.

ОТДАТЬ НА ОТКУП СТИХИЙНЫМ СИЛАМ РЫНКА УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ ПРОИЗВОДСТВА, А ВМЕСТЕ С НИМ НАУКУ И ОБРАЗОВАНИЕ, КОТОРЫЕ ЗАДАЮТ ИСХОДНЫЙ ИМПУЛЬС ВСЕМУ ИННОВАЦИОННОМУ ПРОЦЕССУ, БЫЛО БЫ НЕПРОСТИТЕЛЬНОЙ ОШИБКОЙ

Очувившись в качественно новой, конкурентной экономической среде, вынуждающей предприятия во имя выживания работать с полным напряжением сил, хозяйственные руководители должны будут по-новому относиться и к инновациям как решающему фактору устойчивости социально-экономического развития, и к своему сотрудничеству с наукой и высшей школой. Надо думать, они не будут, как это делали раньше, избегать деловых контактов с ними, а, наоборот, начнут настойчиво стремиться к их налаживанию и всемерному упрочнению. Однако одного этого, на наш взгляд, еще не достаточно для того, чтобы достигнуть надлежащего, эффективного взаимодействия производства с наукой и образованием. Надо, чтобы и наука с образованием также осуществили у себя соответствующие преобразования.

Працяг у наступным нумары.

Список использованных источников

1. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2008 года. Аналитический доклад. – Минск, 2009.
2. Бузгалин, А. Человек, рынок и капитал в экономике XXI в. / А. Бузгалин, А. Колчанов // Вопросы экономики. – 2006. – № 3.
3. Кольчугина, М. Синергия образования и науки как инновационный ресурс / М. Кольчугина // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 10.

Дата поступления в редакцию 24.02.2010.

**А. Ф. Вішнеўскі
М. Ф. Ганчарэнка**

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛЯВАННЕ
ПАЗАСУДОВЫХ ПАЎНАМОЦТВАЎ
РЭПРЭСІЎНЫХ ОРГАНАЎ
САВЕЦКАЙ ДЗЯРЖАВЫ
(1922 – 1934 гг.)**

Вішнеўскі Аляксей Фёдаравіч – прафесар права, доктар гістарычных навук, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь. Вядомы спецыяліст у галіне тэорыі і гісторыі дзяржавы і права. Аўтар больш 165 навуковых прац, у тым ліку 8 манаграфій і 15 вучэбных выданняў.

Праблема фарміравання пазасудовых паўнамоцтваў спецыяльных органаў савецкай дзяржавы не з’яўлялася прадметам усебаковага разгляду навукоўцаў. У першую чаргу гэта датычыцца аналізу прававых актаў вышэйшых органаў улады, якія рэгламентавалі іх арганізацыю і дзейнасць, ролі рэвалюцыйных трыбуналаў у рэалізацыі палітыкі савецкай улады, невядомых старонак станаўлення Усерасійскай надзвычайнай камісіі (УНК), прычын пераўтварэння яе ў Дзяржаўнае палітычнае ўпраўленне (ДПУ) і інш.

Разам з тым, некаторыя праблемныя пытанні станаўлення палітычнай юстыцыі і парушэння законнасці ў СССР разглядаюцца ў працах акадэміка У. М. Кудраўцава, А. В. Хляўнюка, пытанні ўмацавання савецкай таталітарнай сістэмы і асаблівасцей яе фарміравання ў Беларусі – у манаграфіях акадэміка М. П. Касцюка і Т. С. Процькі, тлумачэнні некаторых нормаў прававых актаў, якія рэгулявалі дзейнасць органаў дзяржаўнага права, – у даследаваннях Б. А. Віктарава, А. Ф. Вішнеўскага, В. У. Каровіна і інш. Праблемы прававога рэгулявання пазасудовых паўнамоцтваў спецыяльных органаў СССР у гады ўмацавання савецкай улады, станаўлення аўтарытарнага (а потым і таталітарнага) рэжыму ў краіне не з’яўляліся прадметам спецыяльнага аналізу. Прапануемы артыкул з’яўляецца спробай у некаторай ступені запоўніць існуючыя недахопы ў гісторыка-прававой навуцы.

Ганчарэнка Міхаіл Фёдаравіч – дацэнт кафедры апэратыўна-вышуковай дзейнасці Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь, к.ю.н., з 1977 па 2003 г. – начальнік Упраўлення па арганізаванай злачыннасці і карупцыі на Мінскай вобласці. Аўтар шэрага навуковых прац па праблемам супрацьдзеяння карупцыйным і іншым формам арганізаванай злачыннасці.

Рашэнне пра ўтварэнне сіл дзяржаўнай бяспекі – Усерасійскай надзвычайнай камісіі па барацьбе з контррэвалюцыяй і сабатажам – было прынята Саветам народных камісараў (СНК) 7 (20) снежня 1917 г. Факты сведчаць, што УНК стваралася ў абставінах сакрэтнасці. У прыватнасці, тэкст пастановы СНК ад 7 (20) снежня не быў апублікаваны, а ў «Известиях ЦИК» ад 10 снежня 1917 г. з’явілася толькі кароткае паведамленне аб тым, што Саўнаркам утварыў УНК па барацьбе з контррэвалюцыяй і сабатажам, і прыводзіўся адрас яе размяшчэння ў Петраградзе. Нават у «Зборы ўзаканенняў і распараджэнняў РСФСР» за 1917–1918 гг. пра УНК не згадваецца. Упершыню няпоўны тэкст пастановы СНК ад 7 (20) снежня 1917 г. быў надрукаваны ў 1920 г., а больш поўны – у 1926 г. Арыгінальная (сапраўдная) версія гэтага дакумента з’явілася ў друку толькі ў 1958 г. – у гады хрушчоўскай адлігі¹. Таму можна пагадзіцца з вядомым амерыканскім даследчыкам Р. Пайпсам, які сцвярджае: «Тое, што ў момант утварэння НК не былі перададзены галоснасці яе функцыі і паўнамоцтвы, мела сапраўды жахлівыя наступствы, гэта дало ёй магчымасць прэтэндаваць на такія прывілеі, якія зусім не прадугледжваліся спачатку»².

Згодна з пастановай СНК ад 7 (20) снежня 1917 г. асноўнымі задачамі УНК былі наступныя: «1) спыняць і ліквідаваць усе контррэвалюцыйныя і сабатажныя спробы і дзеянні па ўсёй Расіі, з боку каго б яны ні зыходзілі; 2) выдача суду рэвалюцыйнага трыбунала ўсіх сабатажнікаў і контррэвалюцыянераў і выпрацоўка мер барацьбы з імі; 3) камісія вядзе толькі папярэдняе следства... камісія падзяляецца на аддзелы: інфармацыйны, арганізацыйны і непасрэдна баявы. Меры – канфіскацыя, высяленне, пазбаўленне картак, апублікаванне спісаў ворагаў народа і г. д.»³. Як бачым, перад УНК стаяла задача раскрыцця, дазнання, папярэдняга следства і спынення злачынстваў супраць дзяржавы. Разам з тым, юрыдычны аналіз пастановы СНК ад 7 (20) снежня 1917 г. дазваляе сцвярджаць, што заканадаўцам не дакладна не акрэслены ўсе правы супрацоўнікаў НК. Змест прававой нормы (п. 3) быў сфармуляваны такім чынам, што органы УНК мелі магчымасць пашырана тлумачыць свае паўнамоцтвы і, як следства, парушаць законнасць, правы і свабоды грамадзян.

УНК, дзякуючы пашырэнню сваіх функцыянальных абавязкаў, у канцы Грамадзянскай вайны стала самым уплывовым узброеным органам савецкай дзяржавы.

З увядзеннем нэпа прадугледжваліся сур’ёзныя змены ў карнай палітыцы дзяржавы, формах і метадах працы

¹ *Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии... С. 79.*

² *Пайпс Р. Русская революция... С. 492.*

³ *Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии... С. 79.*

спецслужб. Невыпадкова яшчэ ў студзені 1921 г. Ф. Дзяржынскі акцэнтаваў увагу НК на змене метадаў яе працы. «Усіх падазроных, – гаварыў ён, – неабходна трымаць на ўліку, высветліць, праверыць... Гэта гіганцкая інфармацыйная работа павінна выступіць на першы план. Грубыя прыметы, падзел на свайго ці не на свайго па класавай прымеце – кулак, былы афіцэр, дваранін і інш. – можна было прымяняць, калі Савецкая ўлада была слабаю»⁴.

Згодна з рашэннем IX Усерасійскага з'езда Саветаў аб рэарганізацыі УНК 6 лютага 1922 г. Усерасійскі цэнтральны выканаўчы камітэт (УЦВК) прыняў пастанову ліквідаваць Надзвычайную камісію і яе мясцовыя органы. Для выканання задач, якімі раней займалася УНК, пры НКУС РСФСР было ўтворана Дзяржаўнае палітычнае ўпраўленне (ДПУ), старшынёй якога стаў народны камісар унутраных спраў Ф. Дзяржынскі. У гэты ж дзень УЦВК зацвердзіў Палажэнне аб Дзяржаўным палітычным упраўленні. Функцыі ДПУ былі накіраваны на папярэджанне і падаўленне адкрытых контррэвалюцыйных выступленняў, барацьбу са шпіянажам, бандытызмам, выкрыццё контррэвалюцыйных арганізацый і інш.

Такім чынам, УЦВК надаў органам дзяржбяспекі правы органаў дазнання і папярэдняга следства. Яны мелі права арышту, вобыску, выемкі, маглі карыстацца ў аператыўна-службовай дзейнасці рознымі сродкамі і метадамі, праводзіць вышукковыя і іншыя аператыўныя мерапрыемствы (агентурнае назіранне за злачынцамі ці падазронымі асобамі, групамі, арганізацыямі і г. д.), праглядаць унутраную і замежную паштова-тэлеграфную і іншую карэспандэнцыю, даваць дазвол на выезд за мяжу і ўезд у краіну, высылаць з краіны палітычна ненадзейных замежных грамадзян, патрабаваць ад кіраўнікоў арганізацый, ўстаноў і прадпрыемстваў розныя даведкі, выпіскі і г. д.⁵

Рэформа органаў дзяржбяспекі 1922 г. прадугледжвала адмену паза-судовых паўнамоцтваў УНК. Узмацніўся нагляд і кантроль за іх працай з боку органаў савецкай улады і, перш за ўсё, юстыцыі. На жаль, гэта працягвалася нядоўга. Ужо 9 сакавіка 1922 г. Палітбюро ЦК РКП(б) разглядае пытанне аб наданні ДПУ права непасрэднай расправы ў адносінах да асоб, якія ўдзельнічалі ва ўзброеных рабаваннях, крымінальнікаў-рэцэдывістаў, злоўленых на месцы злачынства. ДПУ надаваліся правы ссылкі ў Архангельск і зняволення ў архангельскі канцлагер «падпольшчыкаў», анархістаў і левых эсэраў, крымінальнікаў-рэцэдывістаў.

⁴ *Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии... С. 418–419.*

⁵ *Положение о Государственном политическом управлении от 6 февраля 1922 г. С. 124–125.*

⁶ Мазохин О. Б. *Вся страна – концлагерь...* С. 41.

Праз месяц пазасудовыя паўнамоцтвы ДПУ яшчэ больш пашырыліся. Так, 27 красавіка 1922 г. Палітбюро ЦК РКП(б) разгледзіла пытанне аб наданні ДПУ права непасрэдных расстрэлаў тых бандытаў, якія будуць захоплены на месцы злачынства. Гэта рашэнне Палітбюро, як і папярэднія, было зацверджана УЦВК у якасці нарматыўнага прававога акта⁶. Летам і восенню 1922 г. заканадаўца (УЦВК) пайшоў па шляху яшчэ большага пашырэння паўнамоцтваў ДПУ. Дэкрэт УЦВК ад 10 жніўня 1922 г. надаў ДПУ права адміністрацыйнай высылкі асоб, якія мелі дачыненне да контррэвалюцыйных злачынстваў, тэрмінам да трох гадоў уключна. Разгляд гэтых спраў ускладаўся на «Асобую камісію пры НКУС» пад старшынствам наркама і прадстаўнікоў ад НКУС і НКЮ, якія зацвярджаліся УЦВК. На перыяд адміністрацыйнай высылкі асобы пазбаўляліся актыўнага і пасіўнага выбарчага права.

Супрацоўнікі ДПУ ў сваёй аператыўна-службовай дзейнасці, перш за ўсе ў галіне барацьбы з дзяржаўнымі злачынствамі, абавязаны былі кіравацца прынятымі ў 1922 г. Крымінальным і Крымінальна-працэсуальным кодэксамі. Заканадаўца ў лік дзяржаўных злачынстваў уключыў контррэвалюцыйныя злачынствы (шпіянаж, сабатаж, кантрабанда) і ўсе злачынствы

СУПРАЦОЎНІКІ ДПУ Ў СВАЁЙ АПЕРАТЫЎНА-СЛУЖБОВАЙ ДЗЕЙНАСЦІ, ПЕРШ ЗА ЎСЕ Ў ГАЛІНЕ БАРАЦЬБЫ З ДЗЯРЖАЎНЫМІ ЗЛАЧЫНСТВАМІ, АБАВЯЗАНЫ BYЛІ КІРАВАЦЦА ПРЫНЯТЫМІ Ў 1922 Г. КРЫМІНАЛЬНЫМІ І КРЫМІНАЛЬНА-ПРАЦЭСУАЛЬНЫМ КОДЭКСАМІ

супраць парадку кіравання (знявага прадстаўніка ўлады, падробка дакументаў і інш.). Спецыяльных артыкулаў, якія рэгулявалі работу органаў дзяржаўнай бяспекі, у кодэксах не было. Таму заканадаўца (УЦВК) палічыў неабходным асобымі (сакрэтнымі) пастановамі рэгуляваць іх аператыўна-службовую дзейнасць. Так, 16 кастрычніка 1922 г. УЦВК прыняў пастанову аб узмацненні барацьбы з бандытызмам. У адпаведнасці з гэтым нарматыўным прававым актам з мэтай хутчэйшага спынення бандыцкіх налётаў і ўзброеных рабаванняў органам ДПУ надавалася права пазасудовай расправы аж да расстрэлу ў дачыненні да асоб, якія былі затрыманы на месцы злачынства. Названым дакументам абмяжоўваліся функцыі пракурорскага нагляду за дазнаннем і следствам па палітычных справах, а таксама па абвінавачанні ў шпіянажы (арт. 55–73 і 213 КК).

УЦВК пайшоў па шляху пашырэння кола асоб, у дачыненні да якіх узмацнялася карная палітыка. Так, у першай частцы другога артыкула пастановы сказана: «У дапаўненне і развіццё пастановы УЦВК аб парадку высылкі асоб, якія прызнаны сацыяльна-небяспечнымі (дэкрэт УЦВК ад 10 жніўня 1922 г. – *Аўт.*), надаць утворанай згодна з Дэкрэтам аб высылцы камісіі

пры НКУС права высылыць і заключаць у лагер прымусовай працы на месцы высылкі на той жа тэрмін (не больш за 3 гады):

а) дзеячаў антысавецкіх палітычных партый (арт. 60, 61, 62 Крымінальнага кодэкса);

б) асоб, якія двойчы судзімыя за злачынствы, што прадугледжаны арт. 76, 85, 93, 140, 170, 171, 176, 180, 182, 184, 189, 190, 191 і 220 Крымінальнага кодэкса»⁷.

Такім чынам, калі ў Дэкрэце УЦВК ад 10 жніўня 1922 г. аб адміністрацыйнай высылцы гаворка ішла пра асобы, які мелі дачыненне да контррэвалюцыйных злачынстваў, то ў пастанове ад 16 кастрычніка 1922 г. высылцы падлягалі асобы, якія прызнаваліся сацыяльна-небяспечнымі, перш за ўсё, дзеячы антысавецкіх палітычных партый (анархісты, эсэры). Больш за тое, пастанова надавала права органам ДПУ не толькі высылыць, але і заключаць у лагер прымусовай працы на месцы высылкі сацыяльна-небяспечных асоб.

Абмежаванне права пракурорскага нагляду за дазнаннем і следствам па палітычных справах, справах аб шпіянажы, службовых злачынствах супрацоўнікаў дзяржбяспекі прывяло да рэальнага парушэння органамі ДПУ крымінальна-працэсуальных норм, законнасці, што стала відавочным пазней, у канцы 1920–1930-х гг.

Пасля ўтварэння СССР (30 снежня 1922 г.) пастановай Цэнтральнага выканаўчага камітэта (ЦВК) Саюза ССР 15 лістапада 1923 г. было ўтворана Аб'яднанае дзяржаўнае палітычнае ўпраўленне пры СНК СССР і зацверджана Палажэнне аб ім і яго органах на месцах. Старшынёй АДПУ быў прызначаны Ф. Дзяржынскі. Згодна з Палажэннем аб АДПУ СССР і яго органах на месцах для кіраўніцтва працай службы дзяржбяспекі ствараўся інстытут паўнамоцных прадстаўнікоў АДПУ пры СНК саюзных рэспублік. Функцыі нагляду за законнасцю дзеянняў АДПУ ўскладаліся на Пракурора Вярхоўнага Суда Саюза ССР. Прававое становішча органаў АДПУ было замацавана ў артыкулах 61–63 Канстытуцыі СССР 1924 г. Згодна з пастановай ад 15 лістапада 1923 г. органы АДПУ на пасяджэннях Калегіі АДПУ мелі права разглядаць справы аб дыверсіях, выбухах, пашкоджаннях машынных устаноў, а таксама аб іншых відах шкодніцтва з прымяненнем усіх мер рэпрэсій. Такім чынам, з органа калектыўнага разгляду найбольш складаных пытанняў аператыўна-службовай дзейнасці Калегія АДПУ фактычна ператваралася ў пазасудовы орган.

⁷ *Постановление ВЦИК от 16 октября 1922 г. С. 136–138.*

АБМЕЖАВАННЕ ПРАВА ПРАКУРОРСКАГА НАГЛЯДУ ЗА ДАЗНАННЕМ І СЛЕДСТВАМ ПА ПАЛІТЫЧНЫХ СПРАВАХ, СПРАВАХ АБ ШПІЯНАЖЫ, СЛУЖБОВЫХ ЗЛАЧЫНСТВАХ СУПРАЦОЎНІКАЎ ДЗЯРЖБЯСПЕКІ ПРЫВЯЛО ДА РЭАЛЬНАГА ПАРУШЭННЯ ОРГАНАМІ ДПУ КРЫМІНАЛЬНА-ПРАЦЭСУАЛЬНЫХ НОРМ, ЗАКОННАСЦІ, ШТО СТАЛА ВІДАВОЧНЫМ ПАЗНЕЙ, У КАНЦЫ 1920–1930-х гг.

28 сакавіка 1924 г. Прэзідыум СССР зацвердзіў Палажэнне аб правах АДПУ ў частцы адміністрацыйных высылкаў, ссылак і зняволення ў канцэнтрацыйных лагерах. Гэтым нарматыўным актам ён перадаў АДПУ ў дачыненні да асоб, якія прызнаныя органамі дзяржаўна-небяспечнымі, наступныя правы:

- «высылаць такіх з мясцовасцей, дзе яны пражываюць, з забаронай далейшага пражывання ў гэтых мясцовасцях на тэрмін не больш за 3 гады;
- высылаць з абавязковым пражываннем у вызначаных мясцовасцях па спецыяльнаму ўказанню АДПУ і абавязковым у гэтых выпадках галосным наглядам мясцовага аддзела ДПУ на той жа тэрмін;
- заключаць у канцэнтрацыйны лагер тэрмінам да 3-х гадоў;
- высылаць за межы Саюза ССР на той жа тэрмін»⁸.

⁸ Мазохин О. Б. *Вся страна – концлагерь...* С. 41.

Вынясенне пастановы аб высылцы ўскладалася на Асобую нараду, якая фарміравалася старшыней АДПУ з трох членаў Калегіі АДПУ. Вынясенне пастаноў аб высылцы ўскладалася і на асобыя нарады, якія ствараліся з членаў Калегій ДПУ саюзных рэспублік пад старшынствам паўнамоцных прадстаўнікоў АДПУ СССР.

Асобыя нарады саюзных рэспублік мелі права высылкі ў межах тэрыторыі дадзенай рэспублікі ў дачыненні да тых асоб, якія падазраваліся ў бандыцкіх налётах, рабаваннях і разбоях, і калі не было дастатковых дадзеных аб накіраванні іх спраў у судовыя органы⁹. Пастанова Асобай нарады ДПУ саюзнай рэспублікі аб высылцы за яе межы і зняволенні ў канцэнтрацыйныя ўстановы ў сілу пасля яе зацвярджэння Асобай нарадай АДПУ СССР.

⁹ Там же.

Такім чынам, калі першым органам пазасудовай расправы, згодна з пастановай ЦВК СССР ад 15 лістапада 1923 г., стала Калегія АДПУ, то другім пазасудовым органам – Асобая нарада пры АДПУ, створаная пастановай ЦВК СССР 28 сакавіка 1924 г. для ажыццяўлення адміністрацыйных высылкаў, ссылак і зняволення ў канцэнтрацыйных лагерах. Пачатак стварэння органаў пазасудовай расправы ў маштабе СССР, як бачым, быў пакладзены ўжо ў першыя гады існавання новага дзяржаўна-палітычнага ўтварэння – Саюза ССР.

Многія нарматыўныя прававыя акты, якія датычыліся арганізацыі і дзейнасці АДПУ, прымаліся пад уплывам яго старшыні – Ф. Дзяржынскага. Гісторыя сведчыць, што менавіта ён садзейнічаў пашырэнню пазасудовых функцый АДПУ. Напрыклад, 29 студзеня 1924 г. Ф. Дзяржынскі напісаў пісьмо

ў Палітбюро ЦК РКП(б), у якім прапанаваў для барацьбы з бандытызмам падпарадкаваць у аператыўных адносінах міліцыю і крымінальны вышук органам дзяржаўнай бяспекі, а таксама дазволіць апошнім пазасудовы разгляд спраў усіх удзельнікаў бандыцкіх фарміраванняў. Цікава, што з прапановамі Ф. Дзяржынскага былі не згодны некаторыя наркамы урада. «Далейшае пашырэнне правоў АДПУ на пазасудовы разгляд спраў калегія НКЗС лічыла б небяспечным», – пісаў наркам замежных спраў г. Чычэрын. Ад наркама юстыцыі падобны пункт гледжання выказаў М Крыленка: «Лічу неабходным катэгарычна выказацца супраць прапановы т. Дзяржынскага... За апошні час АДПУ засвоіла сабе практыку пашыраць сваю падсуднасць шляхам звароту ў Прэзідыум ЦВК на дазвол разгледзець тую ці іншую справу ў несудовым парадку, прычым спачатку разглядае справу і выносіць прыгавор, а потым просіць ЦВК зацвердзіць гэты прыгавор»¹⁰. Тым не менш Палітбюро ЦК РКП(б) і Прэзідыум ЦВК Саюза ССР 9 мая 1924 г. прынялі прапанову старшыні АДПУ Ф. Дзяржынскага. Органы АДПУ па дамоўленасці з мясцовымі ўладамі атрымалі не толькі права пазасудовай расправы ў дачыненні да удзельнікаў і саўдзельнікаў бандыцкіх фарміраванняў у форме высылкі з дадзенай мясцовасці, зняволення ў канцэнтрацыйных лагерах тэрмінам да трох гадоў, але і права прымянення да іх вышэйшай меры пакарання – расстрэлу. У сувязі з гэтым нельга не пагадзіцца з вядомым даследчыкам органаў савецкай міліцыі і дзяржаўнай бяспекі прафесарам В. Някрасавым, які піша: «Палітбюро і Прэзідыум ЦВК задаволілі просьбу Ф. Дзяржынскага таму, што рашучае слова было ўжо за Сталінам і за яго ўстаноўкамі»¹¹.

Далейшая гісторыя дзейнасці органаў АДПУ развівалася па шляху надання ім новых пазасудовых паўнамоцтваў. Напрыклад, 4 лістапада 1925 г. Прэзідыум ЦВК СССР з мэтай барацьбы са злачыннымі здзелкамі з прадметамі шырокага ўжытку і спекуляцыі імі дазволіў органам дзяржбяспекі прымяняць адміністрацыйную высылку асоб, якія займаліся такой дзейнасцю або ў ёй падазраваліся. 3 мая 1926 г. Прэзідыум ЦВК СССР даў паўнамоцтвы (тэрмінам на шэсць месяцаў) Асобай нарадзе пры АДПУ на высылку, ссылку і зняволенне ў лагер да 3 гадоў асоб, якія былі выкрыты ў кантрабанднай дзейнасці. У дачыненні да кантрабандыстаў, якія аказвалі ўзброенае супраціўленне супрацоўнікам памежнай аховы, органам АДПУ надавалася права пазасудовай расправы, уключаючы расстрэл. Але на гэта патрабавалася спецыяльная пастанова ЦВК СССР¹².

¹⁰ Вишневский А. Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг... С. 187–188.

¹¹ Некрасов В. Ф. Десять железных наркомов: уроки истории.

¹² Коровин В. В. История отечественных органов безопасности. С. 28–29.

Да замежных грамадзян у пазасудовым парадку магла быць прыменена толькі высылка за межы СССР.

Сакрэтная пастанова Прэзідыума ЦВК Саюза ССР ад 4 красавіка 1927 г. давала права АДПУ разглядаць у пазасудовым парадку, аж да прымянення вышэйшай меры пакарання, справы па дыверсіях, падпалах, пашкоджанні машынных устаноў як са злым намерам, так і без яго¹³. 9 чэрвеня 1927 г. Прэзідыум ЦВК даў АДПУ права разгляду ў пазасудовым парадку спраў у дачыненні да белагвардзейцаў, шпіёнаў і бандытаў, уключаючы прымяненне да іх вышэйшай меры пакарання – расстрэлу¹⁴.

Такім чынам, утварэнне органаў пазасудовай расправы і наданне ім надзвычайных правоў ва ўмовах мірнага часу не можа быць апраўдана. Хутчэй за ўсё, такія меры насілі прэвентыўны, папэраджальны характар. Невыпадкава ў 1920-я гады ў многіх прававых актах органаў улады і кіравання, рашэннях і пастанавах ЦК РКП(б) – УК УКП(б) і асабліва ў загадах і інструкцыях шырокае распаўсюджанне атрымалі такія тэрміны, як «сацыяльна-небяспечныя элементы», «варожае асяроддзе», «сацыяльна-чужое асяроддзе» і інш. Такая пастаноўка пытання ўжо сама па сабе супярэчыла законнасці, таму што ў названыя катэгорыі фактычна трапляла тая частка насельніцтва, якая да кастрычніка 1917 г. адносілася да інтэлігенцыі, афіцэраў, гандлёва-прамысловай буржуазіі, заможных сялян і г. д.

Асабліва шырока пазасудовыя рэпрэсіі пачалі выкарыстоўвацца з канца 1929 г. – пачатку 1930 г. Так, 23 верасня 1929 г. АДПУ прапанавала ўзмацніць прымяненне рэпрэсіўных мер па высылцы заможных сялян (так званых кулакоў), якія ўхіляліся ад выканання заданняў па хлебанарыхтоўках, і спекулянтаў збожжам. Справы, якія патрабавалі неадкладных рэпрэсій, па дамоўленасці з партыйнымі органамі маглі разглядацца ў пазасудовым парадку. Прычым паўнамоцныя прадстаўніцтвы АДПУ па дамоўленасці з партыйнымі інстанцыямі маглі самастойна выносіць меру пакарання.

Асобая роля ў пазасудовым разглядзе спраў у перыяд калектывізацыі ўскладалася на так званыя «тройкі». У публіцыстычных выданнях, гістарычнай і юрыдычнай літаратуры нярэдка можна сустрэць меркаванне, што толькі ў перыяд ліквідацыі кулака як класа былі створаны «тройкі», якія займаліся рэпрэсіямі ў пазасудовым парадку. Між тым у органах дзяржбяспекі «тройкі» былі ўзноўлены ў 1923 г., а праз шэсць год (у 1929 г.) у складзе АДПУ функцыянавала ўжо восем «троек».

У рэгіёнах для пазасудовай расправы над праціўнікамі Савецкай улады рашэннем Прэзідыума ЦВК СССР ад 9 чэрвеня

¹³ Вішнеўскі А. Ф. *Асаблівасці палітыка-прававога рэжыму савецкай дзяржавы і яго вытокі (1917–1953 гг.)*. С. 186.

¹⁴ Коровин В. В. *История отечественных органов безопасности*. С. 29.

1927 г. ствараліся мясцовыя «тройкі». Усе іх прыгаворы дасылаліся на зацвярджэнне ў Калегію АДПУ. Згодна з загадам АДПУ № 44/21 ад 2 лютага 1930 г., з мэтай «арганізаванага правядзення ліквідацыі кулака як класа» справы на арыштаваных «кулацка-белагвардзейскіх контррэвалюцыйных элементаў» (першая катэгорыя)... заканчваюцца следствам у тэрміновым парадку і разглядаюцца тройкамі пазасудовым разглядам спраў, якія будуць утвораны пры ПП (паўнамоцныя прадстаўнікі – *Аўт.*) АДПУ. Асноўная колькасць такіх арыштаваных заключаецца ў канцлагеры; у дачыненні да найбольш злоснага і махровага актыву к.-р. арганізацый і групавак і адзіначак – павінны прымяняцца рашучыя меры пакарання нават да ВМП»¹⁵.

Па ініцыятыве абкамаў партыі стварэнне «троек» асабліва актывізавалася ў рэгіёнах усеагульнай калектывізацыі ў канцы 1929 г. Паводле слоў І. М. Варэйкіса, першага сакратара абкама УКП(б) Цэнтральна-Чарназёмнай вобласці, ў раёнах усеагульнай калектывізацыі без усялякіх на тое юрыдычных падстаў стваралі «тройкі», у якія ўваходзілі першыя сакратары райкамаў партыі, старшыні райвыканкамаў і начальнікі мясцовых органаў ДПУ¹⁶.

Цікава адзначыць, што ў канцы 1920-х – пачатку 1930-х гадоў органы ўлады і кіравання СССР настолькі прывыклі да паняцця «тройка», што не толькі тэрмін, але і яго змест выкарыстоўвалі ў штодзённым кіраўніцтве так званымі кулацкімі пасяленнямі ў месцах высылкі. Напраклад, сакрэтная інструкцыя ЦВК і СНК СССР ад 4 лютага 1930 г. «Аб мерапрыемствах па высяленні і раскулачванні кулакоў, канфіскацыі іх маёмасці» прадугледжвала наступнае: «...акружнымі выканаўчымі камітэтамі павінны быць указаны месцы рассялення з тым, каб пасяленні ў адведзеных мясцовасцях дазваляліся толькі невялікімі пасёлкамі, кіраванне якімі ажыццяўляецца спецыяльнымі камітэтамі (тройкамі)...»¹⁷ У 1933 г. былі арганізаваны працоўныя пасёлкі АДПУ. Для адбору і накіравання зняволеных і членаў іх сямей у гэтыя пасёлкі пры паўнамоцных прадстаўніцтвах АДПУ былі таксама ўтвораны «тройкі» ў складзе прадстаўніка АДПУ, пракуратуры і краявога альбо абласнога суда. «Тройкам» даручалася высвятленне кантынгенту і колькасці зняволеных, якіх трэба было накіраваць у працоўныя пасёлкі, а таксама колькасці членаў сям’і, якая падлягала высяленню, зыходзячы з вызначанага для дадзенага краю (вобласці) ліміту.

У пачатку 1930-х гадоў «тройкі» разглядалі справы і ў дачыненні да нэпманскіх элементаў, былых афіцэраў царскай

¹⁵ Без грифа «Секретно». С. 39–40.

¹⁶ Мазохин О. Б. *Вся страна – концлагерь...* С. 43.

¹⁷ Без грифа «Секретно». С. 41–43.

¹⁸ Вишневский А. Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг... С. 188.

арміі, членаў былых апазіцыйных партый, значнай часткі старой інтэлігенцыі. У ліку рэпрэсіраваных «тройкамі» апынулася шмат людзей, якія даўно адышлі ад варожай дзейнасці супраць савецкай улады ці зусім ёй не займаліся¹⁸.

З пачаткам калектывізацыі рэзка ўзрасла колькасць так званых спецперасяленцаў. У сувязі з гэтым 20 чэрвеня 1931 г. у ГУЛАГу АДПУ быў арганізаваны аддзел па спецперасяленцах. Каб прыпыніць уцёкі так званых кулакоў, якія былі высланы ў паўночныя раёны, Сібір, на Урал і ў іншыя месцы, усім паўнамоцным прадстаўніцтвам АДПУ было загадана узмацніць рэпрэсіўныя меры ў дачыненні да асоб, якія пакінулі месца пасялення, а ў выпадку выяўлення антысавецкай дзейнасці прысудзіць іх да зняволення ў канцлагеры і нават да вышэйшай меры пакарання.

У многіх публікацыях можна сустрэць меркаванне, што праз сістэму «троек» праходзілі справы толькі тых людзей, якіх абвінавачвалі ў палітычных злачынствах. Гэта не зусім так. 5 снежня 1931 г. загадам АДПУ № 736 на начальнікаў упраўленняў і аддзелаў АДПУ была ўскладзена задача забеспячэння разгляду «тройкамі» крымінальных спраў, якія паступалі з мясцовых органаў дзяржбяспекі, у дзесяцідзённы тэрмін.

З мэтай лепшага ўліку насельніцтва ў краіне пастановай ЦВК і СНК СССР ад 27 снежня 1932 г. уводзілася адзіная пашпартная сістэма. Прапіску неабходна было завяршыць на працягу 1933 г., «ахапіўшы, у першую чаргу, жыхароў Масквы, Ленінграда, Кіева, Мінска, Уладзівастока...»¹⁹

¹⁹ Без грифа «Секретно». С. 45–46.

Ажыццяўленне пашпартызацыі насельніцтва і прапіскі ўскладалася на савецкую рабоча-сялянскую міліцыю (РСМ). Органы міліцыі павінны былі прымяняць меры пазасудовых рэпрэсій ў дачыненні да асоб, «якія адмовіліся добраахвотна выехаць з мясцовасці, у якой ім пражыванне забаронена ў сувязі з адмовай у выдачы пашпарта, і якія вярнуліся... ў мясцовасць, у якой ім было забаронена пражыванне (рэжымная тэрыторыя)»²⁰. Для гэтай мэты пры паўнамоцных прадстаўніцтвах АДПУ былі арганізаваны спецыяльныя «тройкі» ў складзе памочніка паўнамоцнага прадстаўніка (старшыні) і 2 членаў – начальніка пашпартнага аддзела і начальніка апэратыўнага аддзела. За дзейнасцю «тройкі» прадугледжваўся пракурорскі нагляд. Як правіла, «тройка» разглядала справы ў дачыненні да парушальнікаў пашпартнага рэжыму згодна са спісамі, якія перадавалі ўпраўленні (аддзелы, аддзяленні) рабоча-сялянскай міліцыі.

²⁰ Мазохин О. Б. Вся страна – концлагерь... С. 44.

Можа ўзнікнуць пытанне, чаму вышэйназваныя «тройкі», якія займаліся праблемамі пашпартнага рэжыму, падпарадкоўваліся органам дзяржбяспекі. Справа ў тым, што 27 снежня 1932 г. ЦВК і СНК СССР прынялі пастанову аб утварэнні Галоўнага ўпраўлення РСМ пры АДПУ СССР і зацвердзілі палажэнне аб ім. Тым самым кіраванне міліцыяй было выключана з непасрэднага распараджэння саўнаркамаў саюзных і аўтаномных рэспублік і перададзена АДПУ СССР і яго рэспубліканскім і мясцовым органам. Ускладанне функцый аховы грамадскага парадку на органы АДПУ сведчыла пра далейшае пашырэнне іх паўнамоцтваў. Начальнік Галоўнага ўпраўлення міліцыі пры АДПУ становіўся адным з намеснікаў старшыні АДПУ. З падначаленнем міліцыі АДПУ, як сведчыць практыка, ішло паслабленне сувязі паміж органамі аховы грамадскага парадку і барацьбы з крымінальнымі злачынствамі і органамі ўлады як у цэнтры, так і на месцах. Міліцыя становілася са-стаўной часткай рэпрэсіўнага механізму краіны²¹.

На наш погляд, прыняцце ЦВК і СНК СССР пастановы ад 15 снежня 1930 г. «Аб ліквідацыі народных камісарыятаў унутраных спраў саюзных і аўтаномных рэспублік» сведчыла, што суверэннітэт і паўнамоцтвы вышэйшых органаў улады саюзных і аўтаномных рэспублік у галіне аховы грамадскага парадку і барацьбы з крымінальнай злачыннасцю на сваіх тэрыторыях у значнай ступені прыгняталіся. «Ліквідацыю... наркаматаў унутраных спраў саюзных і аўтаномных рэспублік, на наш погляд, нельга прызнаць правамоцнай, бо яны раней былі ўтвораны вышэйшымі органамі дзяржаўнай улады гэтых рэспублік, г. зн. цэнтральнымі выканаўчымі камітэтамі ці іх прэзідыумами», – робіць выснову В. Каровін²².

Узмацненне карнай палітыкі савецкай дзяржавы, асабліва ў сферы барацьбы органаў АДПУ з дзяржаўнымі злачынствамі, перш за ўсё, са здрадай Радзіме, знайшо месца ў пастанове ЦВК СССР ад 8 чэрвеня 1934 г. Шпіянаж, выдача ваеннай ці дзяржаўнай тайны, пераход на бок ворага, уцёк ці пералёт за мяжу караліся вышэйшай мерай – расстрэлам з канфіскацыяй усёй маёмасці, а пры змякчаючых абставінах – пазбаўленнем волі тэрмінам на 10 гадоў з канфіскацыяй усёй маёмасці. Тыя ж злачынствы, якія былі здзейснены ваеннаслужачымі, караліся вышэйшай мерай крымінальнай адказнасці – расстрэлам з канфіскацыяй усёй маёмасці. У выпадку ўцёку ці пералёту за мяжу ваеннаслужачага дарослыя члены яго сям’і, калі яны не садзейнічалі здрадзе, але ведалі пра яе і не паведамілі органам улады, караліся пазбаўленнем волі тэрмінам ад 5 да 10 гадоў з канфіскацыяй усёй

²¹ Вишневский А. Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг... С. 83.

²² Каровин В. В. История отечественных органов безопасности. С. 35.

маёмасці. Астатнія дарослыя члены сям’і здрадніка, якія разам з ім пражывалі ці знаходзіліся на яго ўтрыманні да моманту здзяйснення злачынства, падлягалі пазбаўленню выбарчых правоў і ссыльцы ў аддаленыя раёны Сібіры на 5 гадоў. Зразумела, што ўвядзенне такой антыгуманнай нормы ў КК было неверагодным парушэннем правоў і свабод асобы.

Падобныя змены былі ўнесены ў крымінальныя кодэксы ўсіх саюзных рэспублік у адпаведнасці з пастановай ЦВК СССР ад 8 чэрвеня 1934 г.

Можна канстатаваць, што дзейнасць органаў АДПУ пайшла не па шляху выканання імі канстытуцыйных норм, захавання законнасці, а наадварот, іх парушэння і проста зневажання. Апошняе не павінна нас здзіўляць. Справа ў тым, што ў канцы 1920-х гадоў вышэйшыя органы дзяржаўнай

**ДЗЕЙНАСЦЬ ОРГАНАЎ АДПУ
ПАЙШЛА НЕ ПА ШЛЯХУ ВЫКА-
НАННЯ ІМІ КАНСТЫТУЦЫЙНЫХ
НОРМ, ЗАХАВАННЯ ЗАКОННАС-
ЦІ, А НААДВАРОТ, ІХ ПАРУШЭН-
НЯ І ПРОСТА ЗНЕВАЖАННЯ**

улады і кіравання СССР адышлі ад практыкі перыядычнага разгляду і абмеркавання пытанняў дзейнасці службы бяспекі. З’езды саветаў, сесіі ЦВК і пасяджэнні СНК СССР спецыяльна ні разу не абмяркоўвалі работу АДПУ і яго органаў на месцах. У парушэнне Канстытуцыі СССР іх функцыі цалкам перайшлі да Палітбюро ЦК УКП(б) і асабіста да Сталіна. Нагляд Пракурора Вярхоўнага Суда

СССР у межах яго кампетэнцыі за дзейнасцю спецслужбаў на практыцы не ажыццяўляўся. Шэраг ведамасных нарматыўных актаў (загады, інструкцыі і інш.) супярэчылі заканадаўству, парушалі правы і свабоды грамадзян. Таму можа быць прыкладам загад АДПУ № 25/13 ад 19 студзеня 1930 г. «Аб недахопах у кіраўніцтве масавай інфармацыйна-асведамляльнай сеткай». З самой назвы загаду бачна, што ў органах АДПУ была створана сетка інфарматараў і асведамляльнікаў, пад негалосным наглядом якіх знаходзілася фактычна ўсё насельніцтва краіны (г. зн. існаваў палітычны вышук). У загадзе, у прыватнасці, гаварылася: «...для асвятлення батрацкіх, бядняцкіх і серадняцкіх пластоў вёскі і рабочай масы вербаваць сексотаў (асведам.) толькі абсалютна правяраных...». У цыркулярным пісьме АДПУ № 20/СОУ ад 19 студзеня 1930 г. «Аб агентуры» даваўся крытычны аналіз працы сакрэтных агентаў, якія былі завербаваны на падставе кампраметуючых матэрыялаў з ліку прадстаўнікоў былых эксплуатацыйных класаў. Гэта катэгорыя агентуры асвятляла настрой сераднякоў, беднякаў, рабочых, выяўляла недахопы ў працы дзяржаўных органаў і грамадскіх арганізацый. Зразумела, што агенты, як адзначалася ў пісьме, дзэінфармавалі органы АДПУ ў дачыненні да канкрэтных асоб,

савецкіх устаноў і арганізацый, рабілі даносы на сумленных грамадзян²³. Менавіта на гэтай глебе фабрыкаваліся справы ў дачыненні да савецкіх грамадзян, у тым ліку прадстаўнікоў творчай і тэхнічнай інтэлігенцыі, ваеннаслужачых і г. д.

Такім чынам, з самага пачатку свайго ўтварэння савецкія органы дзяржаўнай бяспекі атрымалі права пазасудовага разгляду спраў аб контррэвалюцыйных злачынствах, буйных спекуляцыях, дыскрэдытацыі Савецкай улады, кантрабандзе, бандытызме, нежаданні падтрымліваць палітыку калектывізацыі, парушэнні пашпартнага рэжыму і г. д. Пачынаючы з сярэдзіны 1920-х гадоў, пазасудовыя паўнамоцтвы былі пакладзены ў аснову дзейнасці АДПУ. Асабліва шырока яны пачалі прымяняцца з канца 1920-х – пачатку 1930-х гадоў, калі савецкая ўлада пачала ліквідацыю так званага кулака як класа. Да гэтага перыяду (1920-я гады) адносіцца падаўленне апазіцыйных УКП(б) партый і ўдзел органаў бяспекі ў ліквідацыі так званых шкодніцкіх гнёздаў у народнай гаспадарцы.

Наданне органам дзяржаўнай бяспекі і органам аховы грамадскага парадку ў барацьбе з крымінальнай злачыннасцю пазасудовых паўнамоцтваў сведчыла, што іх дзейнасць у гэты перыяд была антыдэмакратычная. У дэмакратычнай дзяржаве адно і тое ж ведамства не магло весці следства па справе, выносіць па ёй рашэнне і прыводзіць вынесены прыгавор у выкананне. Калегія і Асобая нарада АДПУ свае пазасудовыя паўнамоцтвы працягвалі ажыццяўляць да ўтварэння НКВС СССР (ліпень 1934 г.).

Узмацненне карнай палітыкі савецкай дзяржавы, увядзенне расстрэлу за здзяйсненне шэрага дзяржаўных злачынстваў, пакарання сваякоў асуджаных за няздзейсненае злачынства, пашырэнне сферы дзейнасці органаў АДПУ, ажыццяўленне ў краіне палітычнага вышуку, органаў пазасудовай расправы, масавай агентурна-асведамляльнай сеткі – усё гэта сведчыла пра слабасць грамадска-палітычнай сістэмы краіны, паніжэнне яе аўтарытэту сярод розных слаёў насельніцтва, асабліва інтэлігенцыі.

Па сутнасці, у разглядаемы перыяд праваахоўныя органы сталі паслухмяным інструментам у справе станаўлення і падтрымкі аўтарытарнага рэжыму і ператварэння яго ў канцы 1920-х – пачатку 1930-х гадоў у таталітарны палітыка-прававы рэжым.

²³ Коровин В. В. *История отечественных органов безопасности*. С. 34.

НАДАННЕ ОРГАНАМ ДЗЯРЖАЎНАЙ БЯСПЕКІ І ОРГАНАМ АХОВЫ ГРАМАДСКАГА ПАРАДКУ Ў БАРАЦЬБЕ З КРЫМІНАЛЬНАЙ ЗЛАЧЫННАСЦЮ ПАЗАСУДОВЫХ ПАЎНАМОЦТВАЎ СВЕДЧЫЛА, ШТО ІХ ДЗЕЙНАСЦЬ У ГЭТЫ ПЕРЫЯД БЫЛА АНТЫДЭМАКРАТЫЧНАЯ

Список использованных источников

1. Кудрявцев, В. Политическая юстиция в СССР / В. Кудрявцев, А. Трусов. – М., 2000.
2. Хлевнюк, О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество / О. В. Хлевнюк. – М., 1992.
3. Касцюк, М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. Касцюк. – Мінск, 2000.
4. Протько, Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. С. Протько. – Минск, 2002.
5. Викторов, Б. А. Без грифа «Секретно»: записки военного прокурора / Б. А. Протько. – М., 1990.
6. Вішнеўскі, А. Ф. Прававыя асновы пазасудовых паўнамоцтваў сацыяльных органаў савецкай дзяржавы (1917–1922 гг.) / А. Ф. Вішнеўскі // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2007. – № 3 (9). – С. 107–124.
7. Коровин, В. В. История отечественных органов безопасности / В. В. Коровин. – М., 1998.
8. Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917–1921 гг.: сб. док. – М., 1958.
9. Пайпс, Р. Русская революция: в 2 ч. / Р. Пайпс. – М., 1994. – Ч. II.
10. Дзержинский Феликс Эдмундович. Биография. – 2-е изд. – М., 1983.
11. Положение о Государственном политическом управлении от 6 февраля 1922 г. // История отечественных органов безопасности / В. В. Коровин. – М., 1998.
12. Мазохин, О. Б. Вся страна – концлагерь (правовое регулирование внесудебных полномочий ГПУ – ОГПУ) / О. Б. Мазохин // Закон и право. – 1999. – № 10.
13. Декрет ВЦИК об административной высылке от 10 августа 1922 г. // История отечественных органов безопасности / В. В. Коровин. – М., 1998.
14. Постановление ВЦИК от 16 октября 1922 г. // История отечественных органов безопасности / В. В. Коровин. – М., 1998.
15. Положение об объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах от 15 ноября 1923 г. // История отечественных органов безопасности / В. В. Коровин. – М., 1998.
16. Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. – М., 1935.
17. Вишневский, А. Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг.: историко-правовые аспекты / А. Ф. Вишневский. – Минск, 2000.
18. Постановление Президиума ВЦИК СССР от 9 мая 1924 г. // История отечественных органов безопасности / В. В. Коровин. – М., 1998.
19. Некрасов, В. Ф. Десять железных наркомов: уроки истории / В. Ф. Некрасов // Комсомольская правда. – 1989. – 29 сент.
20. Вішнеўскі, А. Ф. Асаблівасці палітыка-прававога рэжыму савецкай дзяржавы і яго вытокі (1917–1953 гг.) / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск, 2006.
21. Без грифа «Секретно» / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. – Минск, 1997.

Дата паступлення ў рэдакцыю 12.06.2009.

**Л. Я. Землякоў
М. С. Шчокін**

РЭЛІГІЯ І АДУКАЦЫЯ Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ: ПАЛІТЫКА-ПРАВАВЫЯ АСПЕКТЫ

Землякоў Леанід Яўгенавіч – доктар палітычных навук, прафесар кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта БДУ. Аўтарытэты спецыяліст па праблемах рэлігіі і яе інстытутаў у Беларусі. Апублікаваў больш за 190 навуковых прац.

У апошні час у рэлігійным жыцці Рэспублікі Беларусь адбыліся значныя падзеі. Грамадскасць уважліва сачыла за ўз'яднаннем дзвюх праваслаўных цэркваў, святкаваннем 1020-годдзя хрышчэння Русі, выбраннем новага Прадстаяцеля Рускай Праваслаўнай Царквы, восьмым (25.09.09–28.09.09) апостальскім падарожжам Прадстаяцеля Рускай Праваслаўнай Царквы па беларускай зямлі. Узрастанне цікавасці да рэлігіі ў многім тлумачыцца духоўным адраджэннем краіны, змяненнем рэлігійнай свядомасці насельніцтва. Царква перастала ўспрымацца як рудыментарная з'ява і ператварылася ў важнейшы сацыяльны інстытут. Рэлігія ў цэлым і асобныя царкоўныя інстытуты сталі важным фактарам грамадска-палітычнага жыцця краіны. У пацвярджэнне гэтай думкі дастаткова назваць сустрэчы Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі з Прадстаяцелем Рускай Праваслаўнай Царквы, якія адбыліся ў Маскве (10.04.09), Мінску (25.09.09), і сустрэчу з Папам Рымскім Бенедыктам XVI у Ватыкане (27.04.09).

Значна палепшыліся адносіны дзяржавы з рэлігійнымі арганізацыямі, у першую чаргу, з Беларускай Праваслаўнай Царквой (БПЦ) і Рымска-каталіцкай Царквой (РКЦ).

У Рэспубліцы Беларусь адносіны дзяржавы і рэлігійных арганізацый будуцца на аснове прынцыпаў свабоды сумлення, неўмяшальніцтва дзяржаўных органаў у дзейнасць рэлігійных

Шчокін Мікалай Сяргеевіч – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дырэктар Інстытута дзяржаўнай службы Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь. Даследуе праблемы сацыяльнай філасофіі, цывілізацыйнай дынамікі хрысціянства, гісторыі рэлігіі. Мае больш 50 навуковых прац.

арганізацый і ў той жа час на аснове прызнання дзяржавай значнага ўкладу БПЦ і РКЦ у станаўленне беларускай дзяржаўнасці, развіццё нацыянальнай культуры і ў зацвярджэнне духоўна-маральных каштоўнасцей у грамадстве. Гэтыя ідэі складаюць аснову свецкай дзяржавы і маюць асобае значэнне для Рэспублікі Беларусь, краіны шматнацыянальнай і поліканфесійнай.

У свецкай дзяржаве (светапоглядна нейтральнай, роўнаададаленай, безацэннай, г. зн. дзяржаве, якая не аддае перавагі ніякаму светапогляду) свабода сумлення і іншыя фундаментальныя правы і свабоды чалавека не пазбаўлены маральнага вымярэння. Яны цесна звязаны з гонарам і годнасцю асобы, якія з'яўляюцца крытэрыямі духоўных, маральных і сацыяльных якасцей чалавека.

СВЕЦКАЯ ДЗЯРЖАВА – ГЭТА ТАКІ СПАСАБ АРГАНІЗАЦЫІ ПУБЛІЧНАЙ (ПАЛІТЫЧНАЙ) УЛАДЫ, ПРЫ ЯКІМ ДЗЯРЖАВА І РЭЛІГІЙНЫЯ АРГАНІЗАЦЫІ АДАСОБЛЕНЫ І Ў ТОЙ ЖА ЧАС УЗАЕМАДЗЕЙНІЧАЮЦЬ ПАМІЖ САБОЙ

У цяперашні час з'явіліся новыя элементы свабоды сумлення, у прыватнасці, такія, як права на альтэрнатыўную грамадскую службу, права на рэлігійную бяспеку. Акрамя таго, адбываецца пераасэнсаванне канстытуцыйнага права на рэлігійную адукацыю, з'яўляюцца дадатковыя магчымасці для яго рэалізацыі. Такім чынам, можна гаварыць пра пашырэнне зместу паняцця «свабода сумлення» ва ўмовах фарміравання свецкай дзяржавы.

Свецкая дзяржава – гэта такі спосаб арганізацыі публічнай (палітычнай) улады, пры якім дзяржава і рэлігійныя арганізацыі адасоблены і ў той жа час узаемадзейнічаюць паміж сабой, пры якім адсутнічае дзяржаўная або афіцыйная рэлігія, што забяспечвае роўнасць рэлігійных арганізацый перад законам, свабоду сумлення і раўнапраўе грамадзян незалежна ад адносін да рэлігіі з мэтай дасягнення балансу інтарэсаў асобы, дзяржавы і рэлігійных утварэнняў у розных сферах жыцця грамадства.

У той жа час свецкая дзяржава ў сучаснай Беларусі толькі робіць першыя крокі. Рэспубліка Беларусь не мае такога вопыту, як, напрыклад, Францыя, Англія, ЗША, Германія і іншыя краіны, якія ўзялі курс на свецкасць з пачатку XVIII ст. Фарміраванне свецкай дзяржавы ў Рэспубліцы Беларусь адбываецца ва ўмовах пастаяннага пашырэння канфесійнай прасторы, пошуку навуковага абгрунтавання асноў ідэалогіі беларускай дзяржавы, неабходнасці правядзення адпаведнай дзяржаўна-канфесійнай і міжканфесійнай палітыкі, у працэсе чаго на практыцы ўзнікае шэраг складанасцей.

Неад'емнай часткай свецкасці сучаснай беларускай дзяржавы з'яўляецца *свецкасць яе органаў*, і перш за ўсё, органаў

дзяржаўнай улады. Яна прадугледжвае асаблівае арганізацыі і дзейнасці дзяржаўных органаў, замацаванне палітыка-прававых асноў іх супрацоўніцтва з рэлігійнымі арганізацыямі і прыхільнікамі розных светапоглядаў.

Істотнымі рысамі свецкасці дзяржаўных органаў як палітыка-прававой катэгорыі з'яўляюцца наступныя: 1) свецкасць фарміравання органаў дзяржаўнай улады; 2) свецкасць іх функцыянавання; 3) свецкасць палітыка-прававога статусу асоб, надзеленых уладнымі паўнамоцтвамі; 4) свецкасць этыкі службовых асоб; 5) свецкасць дзяржаўнай сімволікі.

Надзённай праблемай з'яўляецца забеспячэнне рэлігійнай бяспекі грамадзян Рэспублікі Беларусь у кантэксце свецкасці. Існуе вялікі выбар светапоглядных сістэм, рэлігійных рухаў. Дзейнасць некаторых з іх прыносіць шкоду дзяржаве і грамадству, мае негатыўныя вынікі для насельніцтва. Пераканаўчым доказам таму з'яўляецца факт добраахвотнага зняволення групы людзей, сярод якіх былі і грамадзяне Рэспублікі Беларусь, у падземеллі яра, размешчанага каля сяла Нікольскае Бекаўскага раёна Пензенскай вобласці. Чаканне «канца свету» працягвалася 175 дзён і прывяло да смерці 2 пустэльнікаў.

Больш значнай становіцца прысутнасць рэлігійнага кампанента ў дзейнасці органаў дзяржаўнай улады, праваахоўных і армейскіх падраздзяленняў, устаноў адукацыі і аховы здароўя, што стварае пагрозу клерыкалізацыі дзяржаўных і сацыяльных інстытутаў.

Рэлігія ў апошнія два дзесяцігоддзі стала адным з найбольш істотных фактараў сучаснага беларускага сацыяльнага жыцця, у сувязі з чым асабліваю значнасць набывае форма яе ўплыву на станаўленне і развіццё розных сфер грамадскага жыцця, сярод якіх усё большую ўвагу прыцягвае да сябе дзяржаўная адукацыя. У гэтай сферы найбольшы грамадскі рэзананс выклікалі праблемы, звязаныя са спробамі ўключэння шэрага новых дысцыплін, якія змяшчаюць веды аб рэлігіі, у дзяржаўныя школы.

З аднаго боку, рэлігія непарыўна звязана з грамадствам і культурай, адукацыяй і выхаваннем. У масавай свядомасці, СМІ, некаторых рэлігійных і навуковых публікацыях гэтым адносінам часта надаецца вырашальнае значэнне, што з'яўляецца падставай для ўключэння ў школьную праграму традыцыйных у мінулым і новых форм рэлігійнай адукацыі.

БОЛЬШ ЗНАЧНОЙ СТАНОВИЦЦА ПРЫСУТНАСЦЬ РЭЛИГІЙНАГА КАМПАНАЕНТА Ў ДЗЕЙНАСЦІ ОРГАНАЎ ДЗЯРЖАЎНАЙ УЛАДЫ, ПРАВААХОЎНЫХ І АРМЕЙСКІХ ПАДРАЗДЗЯЛЕННЯЎ, УСТАНОЎ АДУКАЦЫІ І АХОВЫ ЗДАРОЎЯ, ШТО СТВАРАЕ ПАГРОЗУ КЛЕРЫКАЛІЗАЦЫІ ДЗЯРЖАЎНЫХ І САЦЫЯЛЬНЫХ ІНСТЫТУТАЎ

Безумоўна, веды аб рэлігіі з'яўляюцца неад'емным кампанентам адукаванасці сучаснага чалавека, агульнай і прафесійнай культуры спецыяліста. Але выкладанне гэтых ведаў можа ажыццяўляцца ў розных формах – свецкай, рэлігійнай, антырэлігійнай (атэістычнай). Найбольш актуальным з'яўляецца гэта пытанне для ўстаноў дзяржаўнай сістэмы адукацыі, у якіх могуць мець месца тэндэнцыі падмены свецкай адукацыі рэлігійнай, а рэлігіязнаўчых ведаў – тэалагічнымі.

Пранікненне рэлігіі ў сістэму адукацыі, якая да нядаўняга часу была даволі секулярызаванай, абвастрыла праблему «адукацыя і рэлігія», якая ўжо не першы год выклікае ў беларускім грамадстве вельмі гарачыя і не заўсёды канструктыўныя спрэчкі. Вырашэнне дадзенай праблемы знаходзіцца не столькі ў сферы выхавання, колькі ў сацыяльным, палітычным, прававым і іншых аспектах.

Развіццё свецкай і рэлігійнай адукацыі істотна апярэджвала прыняцце кіраўніцкіх рашэнняў у гэтай сферы, што аказвала ўплыў на сістэму адукацыі, ствараючы дадатковыя праблемы на існуючым палітыка-прававым полі. Марудны «канфлікт інтэрпрэтацый», які адбываецца ў дадзенай сферы, абумолены гістарычна.

**РАЗВІЦЦЁ СВЕЦКАЙ І РЭЛІГІЙ-
НАЙ АДУКАЦЫІ ІСТОТНА АПЯ-
РЭДЖВАЛА ПРЫНЯЦЦЕ КІРАЎ-
НІЦКІХ РАШЭННЯЎ У ГЭТАЙ
СФЕРЫ, ШТО АКАЗВАЛА ЎПЛЫЎ
НА СІСТЭМУ АДУКАЦЫІ, СТВА-
РАЮЧЫ ДАДАТКОВЫЯ ПРАБЛЕ-
МЫ НА ІСНУЮЧЫМ ПАЛІТЫКА-
ПРАВВАМ ПОЛІ**

Доўгі працэс секулярызацыі навукі сфарміраваў велізарную перавагу «безрэлігійнай» свецкай культуры над рэлігійнымі традыцыямі, у выніку чаго нават сама цікавасць да рэлігіі і патрэба ў ёй сфарміраваліся пад уплывам сацыякультурных працэсаў. У цяперашні час адбываецца зваротны працэс, і адукацыя як структураўтваральны элемент дзяржаўна-канфесійных адносін выступае

асноўным каналам, які вызначае працэс і вынікі асваення рэлігійнай сістэмы каштоўнасцей свецкай свядомасцю зараз і ў перспектыве.

Спосабы асваення рэлігійных каштоўнасцей, якія сфарміраваліся ў адукацыйнай практыцы, зводзяцца альбо да ліберальна-секулярнай мадэлі, арыентаванай на захаванне «чысціні» свецкай культуры пры пастуліраванні светапоглядна нейтральнага акадэмічнага рэлігіязнаўства, альбо да мадэлі, якая культывуе рэлігійныя сэнсы і каштоўнасці. Такая палярызацыя на практыцы прыводзіць да таго, што перавага аддаецца альбо аднаму, альбо другому пункту погляду. Сёння неабходна іншая пастаноўка пытання, якая прадугледжвае зняцце канфрантацыі.

Практыка вывучэння рэлігіі ва ўстановах адукацыі Рэспублікі Беларусь выглядае па-рознаму. Перш за ўсё, такія катэгорыі, як «гуманнасць», «духоўнасць» і г. д., сталі падмяняцца рэлігійнымі маральнымі каштоўнасцямі, ствараючы ўяўленне, што гуманнасць і духоўнасць могуць мець толькі рэлігійны змест.

Зварот да духоўнасці паставіў вучоных і выкладчыкаў-практыкаў перад неабходнасцю вырашыць шэраг важных праблем. Адна з іх – на якіх традыцыях яе выхоўваць? Духоўнасць – складанае паняцце, якое выкарыстоўваецца, перш за ўсё, у рэлігіі, рэлігійнай і ідэалістычна арыентаванай філасофіі, дзе яна звязваецца з дзеяннем самастойнай духоўнай субстанцыі, якой належыць функцыя вырашэння лёсаў свету і чалавека. У іншых філасофскіх традыцыях гэта паняцце не так вызначана і не знайшло свайго месца ні ў сферы паняццяў, якія характарызуюць ідэальную свядомасць, розум, нацыянальнасць, ні ў сферы сацыякультурнага жыцця чалавека. Разам з тым, у апошнія гады гэта паняцце стала шырока выкарыстоўвацца ў канцэпцыях «духоўнага адраджэння Беларусі», у даследаваннях працэсаў «духоўнай вытворчасці», «духоўнай культуры і яе відаў» і г. д. Але яго азначэнне па-ранейшаму застаецца дыскусійным.

Паняцце «духоўнасць», на наш погляд, можна выкарыстоўваць пры характарыстыцы ўнутранага, суб'ектыўнага свету чалавека як «духоўнага свету асобы». Але пры гэтым узнікаюць пытанні адносна таго, што ў гэты свет уваходзіць, па якіх крытэрыях вызначаць яго наяўнасць і развіццё. Ці дастаткова поўна розум, рацыянальнасць, культура мыслення, узровень і якасць ведаў раскрываюць змест паняцця духоўнасці, а адукацыя – шлях яго духоўнасці? Аднабаковы рацыяналізм аказваецца відавочна недастатковым для вызначэння духоўнай культуры асобы. Але, калі духоўнасць немагчыма звесці да рацыянальнага асваення свету чалавекам, тым больш немагчыма вызначыць гэту сферу як культуру перажыванняў і пачуццёва-валявога асваення свету чалавекам.

Духоўнасць можа быць свецкай і рэлігійнай. Гэта дзве розныя, але ўзаемазвязаныя лініі духоўнага развіцця чалавека. Было б няправільным атаясамліваць духоўнасць толькі з рэлігійнасцю. У такім выпадку можна звузіць і збядніць само паняцце духоўнасці, заўсёды звязанае з гуманістычнымі ідэямі, цэнтрам якіх былі адносіны чалавека не толькі да сябе, але і да іншых людзей, грамадства і г. д.

Арыентацыя сістэмы адукацыі на агульначалавечыя каштоўнасці выклікае праблемы, звязаныя з іерархіяй (асобасныя, сацыяльныя, дзяржаўныя).

Перш за ўсё, трэба адзначыць дваістасць разумення самай «свецкасці», якая ўнутры рэлігійнай суполкі (царквы, канфесіі, «грамадскай большасці») можа трактавацца як арыентацыя на асвету аднаверцаў, у той час як у поліканфесійным, плюралістычным грамадстве свецкае разумеецца як агульнаграмадзянскае.

Зыходным прыярытэтам, на нашу думку, павінна стаць фарміраванне свабоднай і адказнай асобы, здольнай канструктыўна працаваць у праблемных сітуацыях, якая спалучае прафесійную кампетэнтнасць з грамадзянскай адказнасцю,

Зыходным прыярытэтам, на нашу думку, павінна стаць фарміраванне свабоднай і адказнай асобы, здольнай канструктыўна працаваць у праблемных сітуацыях, якая спалучае прафесійную кампетэнтнасць з грамадзянскай адказнасцю, валодае належным светапоглядным кругоглядам і маральнай свядомасцю

і валодае належным светапоглядным кругоглядам і маральнай свядомасцю. Таму грамадзянскае выхаванне павінна пакідаць навучэнцу магчымасць рабіць уласны выбар, захоўваць незалежнасць і, разам з тым, павінна выхоўваць павагу да каштоўнасцей, без якіх немагчыма існаванне дэмакратычнай дзяржавы.

Існуючыя праблемы і супярэчнасці выкліканы, з аднаго боку, недасканаласцю заканадаўства. У заканадаўстве, і асабліва ў правапрымяняльнай практыцы, маюць месца істотныя недахопы і супярэчнасці. Іх пераадоленне магчыма праз змяненне адносін дзяржавы, органаў кіравання адукацыяй, а таксама школьнікаў, студэнтаў і выкладчыкаў да ведаў аб рэлігіі, да навучання, якое не зводзіцца да засваення і прыняцця ісцін таго ці іншага веравучэння або светапогляду, а носіць характар агульнакультурнага пазнавальнага працэсу.

З другога боку, існаванне праблем і супярэчнасцей выклікана актывізацыяй адукацыйнай дзейнасці рэлігійных арганізацый. У выніку ўстановы адукацыі Рэспублікі Беларусь аказаліся ўцягнутымі ў працэс пераацэнкі каштоўнасцей у дачыненні да рэлігіі.

Асноўнай праблемай беларускай прававой палітыкі ў сферы адукацыі з'яўляецца адсутнасць нарматыўных механізмаў рэалізацыі свабоды веравызнання ў адукацыйным праве, з аднаго боку, і замацаванне гэтага права ў палітыка-прававым полі – з другога.

Істотным недахопам прававой палітыкі ў сферы адукацыі трэба прызнаць канцэптuallyную нераспрацаванасць яе тэрміналогіі, якая выкарыстоўваецца ў актах рознага ўзроўню

і робіць нявызначаным палітыка-прававы парадак у дадзенай сферы адносін. Прынцып свецкасці адукацыі з'яўляецца адной з гарантый рэалізацыі чалавекам свабоды веравызнання, таму што толькі ва ўмовах свецкай адукацыі чалавек мае свабоду выбару светапогляду і знікае пагроза дыскрымінацыі на паставах рэлігіі.

У выпадку парушэння патрабаванняў свецкасці ўзнікаюць перашкоды для рэалізацыі свабоды сумлення. Свабода сумлення і веравызнання гарантуецца кожнаму Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь: «Кожны мае права самастойна вызначаць свае адносіны да рэлігіі, аднаасобна або сумесна з іншымі вызнаваць любую рэлігію або не вызнаваць ніякай, выказваць і распаўсюджваць перакананні, звязаныя з адносінамі да рэлігіі, удзельнічаць у выкананні рэлігійных культаў, рытуалаў, абрадаў, не забароненых законам» (арт. 31).

Нацыянальныя прававыя нормы ў сферы свабоды сумлення грунтуюцца на агульнапрызнаных прынцыпах і нормах міжнароднага права, якія ўтрымліваюцца, у першую чаргу, у дакументах, прынятых ААН.

НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ ПРАВАВЫЯ НОРМЫ ў СФЕРЫ СВАБОДЫ СУМЛЕННЯ ГРУНТУЮЦЦА НА АГУЛЬНАПРЫЗНАНЫХ ПРЫНЦЫПАХ І НОРМАХ МІЖНАРОДНАГА ПРАВА, ЯКІЯ ўТРЫМЛІВАЮЦЦА, У ПЕРШУЮ ЧАРГУ, У ДАКУМЕНТАХ, ПРЫНЯТЫХ ААН

Міжнароднае права разглядае рэлігійную адукацыю як асноўны элемент права на свабоду сумлення. Структурнымі элементамі катэгорыі свабоды сумлення з'яўляюцца наступныя: права вызнаваць любую рэлігію; права выконваць рэлігійныя абрады; права мяняць рэлігію; права не вызнаваць ніякай рэлігіі; права прапаганды рэлігіі; права весці атэістычную прапаганду; права на дабрачынную дзейнасць; права на рэлігійную адукацыю; культурна-асветніцкая рэлігійная дзейнасць; роўнасць усіх грамадзян перад законам незалежна ад іх адносін да рэлігіі.

Састаўной часткай права на свабоду сумлення з'яўляецца права на атрыманне рэлігійнай адукацыі. Міжнародныя акты вызначаюць як права грамадзян на рэлігійную адукацыю, так і права бацькоў на выбар адукацыі і выхавання дзяцей у адпаведнасці са сваімі перакананнямі.

Усеагульная дэкларацыя правоў чалавека 1948 г. прадугледжвае наступнае: «... бацькі маюць права прыярытэту ў выбары адукацыі для сваіх малалетніх дзяцей» (ч. 3, арт. 26).

Міжнародны пакт аб грамадзянскіх і палітычных правах 1966 г. абвяшчае, што «дзяржавы, якія ўдзельнічаюць у гэтым Пакце, абавязваюцца паважаць свабоду бацькоў і ў адпаведных выпадках законных апекуноў забяспечваць рэлігійнае

і маральнае выхаванне сваіх дзяцей у адпаведнасці са сваімі ўласнымі перакананнямі» (ч. 3, арт. 18).

Міжнародны пакт аб эканамічных, сацыяльных і культурных правах 1966 г. замацоўвае, што «дзяржавы, якія ўдзельнічаюць у гэтым Пакце, абавязваюцца павяжаць свабоду бацькоў і ў адпаведных выпадках законных апекуноў выбіраць для сваіх дзяцей не толькі заснаваныя дзяржаўнымі ўладамі школы, але і іншыя школы, якія адпавядаюць таму мінімуму патрабаванняў для адукацыі, які можа быць устаноўлены або зацверджаны дзяржавай, і забяспечваць рэлігійнае і маральнае выхаванне сваіх дзяцей у адпаведнасці са сваімі ўласнымі перакананнямі» (ч. 3, арт. 13).

У Дэкларацыі ААН аб ліквідацыі ўсіх форм нецярпімасці і дыскрымінацыі на аснове рэлігіі або перакананняў 1981 г. развіваюцца палажэнні, замацаваныя ў дакументах ААН агульнага значэння, якія прыведзены вышэй, а таксама выкарыстоўваецца паняцце «інтарэсаў дзіцяці», якое з'яўляецца кіруючым прынцыпам: «Калі дзіця не знаходзіцца на ўтрыманні сваіх бацькоў або законных апекуноў, то бяруцца належным чынам пад увагу воля або любыя праяўленыя волі, якія выказваюцца ім у пытаннях рэлігіі або перакананняў, прычым кіруючым прынцыпам з'яўляюцца інтарэсы дзіцяці». Дэкларацыя змяшчае паняцце дыскрымінацыі на аснове рэлігіі або перакананняў з боку любой дзяржавы, установы, груп асоб або некаторых асоб. Пад дыскрымінацыяй маецца на ўвазе любое адрозненне, абмежаванне або перавага, заснаваныя на рэлігіі або перакананнях, якія маюць сваёй мэтай або вынікам знішчэнне або прыніжэнне прызнання, карыстання або ажыццяўлення на аснове роўнасці правоў чалавека і асноўных свабод.

Артыкул 4 Дэкларацыі абавязвае дзяржавы прымаць адпаведныя меры для папярэджання і ліквідацыі дыскрымінацыі на аснове рэлігіі або перакананняў у прызнанні, ажыццяўленні і рэалізацыі правоў чалавека і асноўных свабод ва ўсіх галінах эканамічнага, палітычнага, сацыяльнага і культурнага жыцця. Усе дзяржавы прыкладаюць намаганні для таго, каб прыняць або адмяніць заканадаўства, калі гэта неабходна, каб забараніць любую падобную дыскрымінацыю, а таксама каб прыняць ўсе адпаведныя меры па барацьбе супраць нецярпімасці на аснове рэлігіі або іншых перакананняў у гэтай галіне (арт. 2, 3, 4).

Акрамя таго, арт. 6 Дэкларацыі прадугледжвае, што права на свабоду веравызнання ўключае свабоду весці выкладанне па пытаннях рэлігіі або перакананняў у месцах, якія падыходзяць для гэтай мэты. Выніковы дакумент Венскай сустрэчы

1989 г. прадстаўнікоў дзяржаў – удзельніц нарады па бяспецы і супрацоўніцтву ў Еўропе ў ліку гарантый забеспячэння свабоды асобы ўказвае на павагу дзяржавамі-ўдзельніцамі права кожнага даваць і атрымліваць рэлігійную адукацыю па сваім выбары, індывідуальна або сумесна з іншымі.

На аналагічных прававых нормах грунтуецца Канвенцыя аб барацьбе з дыскрымінацыяй у галіне адукацыі, прынятая Арганізацыяй Аб'яднаных Нацый у 1960 г.

Канвенцыя аб правах дзіцяці ААН, прынятая ў 1989 г., абвясчае наступнае: «... дзяржавы-ўдзельніцы павяжаюць правы і абавязкі бацькоў і ў адпаведных выпадках законных апекуноў кіраваць дзіцем у ажыццяўленні яго права метадам, што ўзгадняецца са здольнасцямі дзіцяці, якія развіваюцца» (п. 2, арт. 14).

На наш погляд, асноўнымі прынцыпамі рэгулявання правоў і свабод у сферы рэлігійнай адукацыі міжнароднага заканадаўства з'яўляюцца неабавязковасць і добраахвотнасць рэлігійнай адукацыі. Так, у арт. 5 Канвенцыі па барацьбе з дыскрымінацыяй у галіне адукацыі адзначана, што «нікому паасобку і ні адной групе асоб, узятай у цэлым, не трэба навязваць рэлігійнае навучанне і выхаванне, несумяшчальнае з іх перакананнямі».

Інстытут правоў і свабод чалавека змяшчае нормы, якія прадугледжваюць, што ў сферы адукацыі дзяржава павінна ствараць усю сукупнасць інстытуцыянальных умоў для рэалізацыі грамадзянамі права на адукацыю. Пры гэтым умяшальніцтва дзяржавы ў адукацыйны працэс павінна вызначацца інтарэсамі асобы, грамадства і дзяржавы, што, відавочна, таксама абумоўлена рэалізацыяй правоў і свабод чалавека, таму што права на адукацыю належыць да ліку асноўных правоў.

У адпаведнасці з прынятымі міжнароднымі падыходамі, права на адукацыю разглядаецца як свабода адукацыі і з'яўляецца натуральным, неадчужальным правам, належыць кожнаму ад нараджэння. Не існуе ніякіх падстаў, паводле якіх гэта права можа быць перададзена іншай асобе, групе асоб, грамадству, дзяржаве.

Міжнароднае заканадаўства, якое рэгулюе рэлігійныя адукацыйныя адносіны, фарміруе міжнародна-прававы парадок рэалізацыі права на рэлігійную адукацыю. Нормы, што ўстанаўліваюць міжнародныя нарматыўна-прававыя дакументы, уяўляюць сабой палітыка-прававую аснову рэлігійнай

АСНОЎНЫМІ ПРЫНЦЫПАМІ РЕГУЛЯВАННЯ ПРАВОЎ І СВАБОД У СФЕРЫ РЕЛІГІЙНАЙ АДУКАЦЫІ МІЖНАРОДНАГА ЗАКАНАДАЎСТВА З'ЯЎЛЯЮЦА НЕАБАВЯЗКОВАСЦЬ І ДОБРААХВОТНАСЦЬ РЕЛІГІЙНАЙ АДУКАЦЫІ

адукацыі, а дзяржавы, якія падпісалі дадзеныя дакументы, інтэгруюць іх як частку сваёй прававой сістэмы.

Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь (арт. 8, 21, 61) пра-дугледжвае наступнае: наша краіна прызнае прыярытэт агульнапрызнаных прынцыпаў міжнароднага права і забяспечвае адпаведнасць ім заканадаўства, што адкрывае магчымасць прамога дзеяння гэтых нормаў міжнароднага права, іх прымянення органамі ўлады, уключаючы суды. Судам пры ажыццяўленні правасуддзя трэба зыходзіць з таго, што агульнапрызнаныя прынцыпы і нормы міжнароднага права, замацаваныя ў міжнародных пактах, канвенцыях і іншых дакументах (у прыватнасці, ва Усеагульнай дэкларацыі правоў чалавека, Міжнародным пакце аб грамадзянскіх і палітычных правах, Міжнародным пакце аб эканамічных, сацыяльных і культурных правах), і міжнародныя дагаворы Рэспублікі Беларусь з'яўляюцца ў адпаведнасці з Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь састаўной часткай яе прававой сістэмы.

Згодна з арт. 137 Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь валодае прамым дзеяннем на тэрыторыі краіны. Яна ўтрымлівае як нормы, непасрэдна звязаныя са свабодай сумлення і становішчам рэлігійных арганізацый, так і нормы больш агульнага характару, якія ўключаюць прыватны выпадак права на свабоду сумлення (свабода думкі і слова, права на аб'яднанне, права на адукацыю), а таксама нормы, якія вызначаюць парадак і падставы абмежавання асноўных правоў і свабод чалавека.

Рэлігійная адукацыя ёсць інстытут адукацыйнага права, які рэгулюе канстытуцыйныя патрабаванні аб свабодзе сумлення і свабодзе адукацыі, уключае ў сябе нарматыўна-прававую сукупнасць, якая рэгулюе права на набыццё ведаў аб рэлігіі, выкладанне рэлігіі. Рэлігійная адукацыя падзяляецца на канфесійную і рэлігіязнаўчую.

Канфесійную і рэлігіязнаўчую адукацыю можна вызначыць як дзейнасць па трансляцыі спецыфічных відаў ведаў, каштоўнасцей, ладу жыцця і светаадчування, якая ажыццяўляецца прафесійна падрыхтаванымі людзьмі ў дачыненні да навучэнцаў. Паміж імі ёсць падабенства, але метадалагічна дакладным падыходам у вывучэнні рэлігіі застаецца ўсё ж такі прызнанне таго факта, што рэлігія абавіраецца на веру ў звышнатуральнае, а рэлігіязнаўства як галіна гуманітарнай навукі гэта звышнатуральнае вывучае даступнымі ёй метадамі і сродкамі. Адсюль і асноўнае адрозненне: для канфесійнай

**КАНФЕСІЙНУЮ І РЭЛІГІЯЗНАЎ-
ЧУЮ АДУКАЦЫЮ МОЖНА ВЫ-
ЗНАЧЫЦЬ ЯК ДЗЕЙНАСЦЬ ПА
ТРАНЛЯЦЫІ СПЕЦЫФІЧНЫХ
ВІДАЎ ВЕДАЎ, КАШТОЎНАСЦЕЙ,
ЛАДУ ЖЫЦЦЯ І СВЕТААДЧУВАН-
НЯ, ЯКАЯ АЖЫЦЦЯЎЛЯЕЦЦА
ПРАФЕСІЙНА ПАДРЫХТАВАНЫ-
МІ ЛЮДЗЬМІ Ў ДАЧЫНЕННІ ДА
НАВУЧЭНЦАЎ**

адукцыі веды выконваюць дапаможную ролю, а рэлігіязнаўства робіць рэлігію прадметам навуковага даследавання разам з іншымі сферамі грамадскага жыцця.

Пад канфесійнай адукацыяй трэба разумець дзейнасць па трансляцыі рэлігійных дактрын, вопыту, пачуццяў, спосабаў культавай практыкі, якая ажыццяўляецца канфесійна падрыхтаванымі асобамі (святарамі, рэлігійнымі педагогамі і г. д.), а таксама сістэму падрыхтоўкі педагагічных кадраў для саміх устаноў канфесійнай адукацыі. Усё гэта не можа ўваходзіць у задачу свецкіх устаноў адукацыі, нягледзячы на пэўнае падабенства ў змесце ведаў аб рэлігіі. Акрамя таго, ёсць пэўная неадпаведнасць паміж знешнімі нормамі, якія рэгулююць канфесійную адукацыю, і ўнутраным зместам, які вызначае сувязь паміж канфесійнай адукацыяй і рэлігіязнаўчай, рэлігійнай і свецкай адукацыяй, а знешнія формы нарматыўнай рэгуляцыі не зусім адпавядаюць сучасным рэаліям і будуць у далейшым змяняцца ў працэсе развіцця дзяржаўна-канфесійных адносін.

Тэрмін «рэлігійная адукацыя» ўвайшоў ў міжнародны лексікон як найбольш шырокае паняцце, якое ахоплівае розныя віды адукацыйнай дзейнасці, звязаныя з вывучэннем рэлігіі, выхаваннем рэлігійных пачуццяў і развіццём рэлігійнай свядомасці.

Тэрмін «рэлігійная адукацыя» ў шырокім сэнсе разумеецца як «форма далучэння да ведаў аб рэлігіі», што дазваляе адрозніваць яго ад «біялагічнай» або «філасофскай» адукацыі па зместу. Гэты змест мае ў сучаснай культуры дзве спецыялізаваныя і супрацьпастаўленыя формы адукацыі: «канфесійная», якая далучае да жыцця ў пэўнай «сапраўды праўдзівай традыцыі», і «рэлігіязнаўчая», якая далучае да ведаў аб любой рэлігіі, ні адна з якіх не лічыцца «адзіна сапраўднай».

У гэтай сувязі тэрмін «рэлігійная адукацыя», які часта атаамаляецца толькі з «канфесійнай адукацыяй», што бярэцца ў супрацьпастаўленні з «рэлігіязнаўчай» свецкай, патрабуе спецыяльнага вызначэння. Да ліку паняццяў, якія патрабуюць заканадаўчых дэфініцый, адносяцца катэгорыі свецкай і рэлігійнай адукацыі.

Свецкая адукацыя ёсць палітыка-прававая катэгорыя, якая адлюстроўвае аксіялагічную нейтральнасць сістэмы адукацыі да рэлігійнага светапогляду, выключае навучанне, навязванне якой-небудзь рэлігіі або нерэлігійных ідэалогій, правядзенне

СВЕЦКАЯ АДУКАЦЫЯ ЁСЦЬ ПАЛІТЫКА-ПРАВАВАЯ КАТЭГОРЫЯ, ЯКАЯ АДЛЮСТРОЎВАЕ АКСІЯЛАГІЧНУЮ НЕЙТРАЛЬНАСЦЬ СІСТЭМЫ АДУКАЦЫІ ДА РЭЛІГІЙНАГА СВЕТАПОГЛЯДУ, ВЫКЛЮЧАЕНАВУЧАННЕ, НАВЯЗВАННЕ ЯКОЙ-НЕБУДЗЬ РЭЛІГІІ АБО НЕРЭЛІГІЙНЫХ ІДЭАЛОГІЙ, ПРАВЯДЗЕННЕ БОГАСЛУЖЭННЯЎ, РЭЛІГІЙНЫХ АБРАДАЎ АБО ЦЫРЫМОНІЙ, НЕ НАКІРАВАННЫХ НА ПАДРЫХТОЎКУ СЛУЖЫЦЕЛЯЎ КУЛЬТУ

богаслужэнняў, рэлігійных абрадаў або цырымоній, не накіраваных на падрыхтоўку служыцеляў культуры.

Палітыка-прававыя асновы свецкасці адукацыі зводзяцца да пяці нарматыўных патрабаванняў:

- недапушчальнасць устанаўлення якога-небудзь светапогляду, у тым ліку рэлігійнага, у якасці абавязковага ў дзяржаўных установах адукацыі;
- недапушчальнасць умяшальніцтва рэлігійных і грамадскіх аб'яднанняў у кіраванне дзяржаўнымі ўстановамі адукацыі, якое прадугледжвае перадачу рэлігійным і грамадскім аб'яднанням паўнамоцтваў і функцый адміністрацый дзяржаўных устаноў адукацыі;
- забеспячэнне правоў навучэнцаў і выкладчыкаў на свабоду веравызнання і слова, так-сама і недапушчальнасці прымусу пры навучанні рэлігіі;
- недапушчальнасць правядзення ў дзяржаўных установах адукацыі рэлігійных абрадаў;
- недапушчальнасць накіраванасці адукацыі ў дзяржаўных установах адукацыі на прафесійную рэлігійную падрыхтоўку служыцеляў рэлігійнага культу.

Канфесійная адукацыя часта з'яўляецца аднабаковай з адзінай дапушчальнай сёння формай выхаваўчага, духоўнага ўздзеяння грамадства на асобу, супрацьпастаўленага адукацыі як перадачы ведаў, навуковай інфармацыі аб прадмеце. Грамадству неабходна пераасэнсаванне формы і мэты сучаснай адукацыі (канфесійнай і рэлігіязнаўчай), напрацаваных практык яе ўключэння ў нацыянальную сістэму адукацыі, таксама патрэбна знайсці тэарэтычную аснову для фарміравання новых дзяржаўна-канфесійных адносін у сферы адукацыі.

Найбольшыя цяжкасці выклікае пытанне аб фінансаванні канфесійнай адукацыі. Аднак яго вырашэнне знаходзіцца ў канстытуцыйна-прававым полі. Зыходзячы з прынцыпаў свабоды веравызнання, свецкасці дзяржавы, роўнасці рэлігійных арганізацый і іншых, дзяржава не павінна фінансаванне дзейнасць рэлігійных арганізацый, у тым ліку канфесійную адукацыю ў дзяржаўных установах адукацыі. Адзначаныя вышэй негатыўныя тэндэнцыі клерыкалізацыі дзяржаўнай адукацыі прыводзяць да таго, што падаткаплацельшчыкі-іншадумцы вымушаны фінансаванне канфесійную адукацыю.

Ва ўмовах станаўлення канфесійнай адукацыі павялічваецца значэнне далейшага развіцця рэлігіязнаўчай адукацыі як фактару фарміравання светапогляднай, рэлігійнай, нацыянальнай цярпімасці.

Пад рэлігізнаўчай адукацыяй у свецкай школе трэба разумець выкладанне ведаў аб рэлігіі ў яе навукова-культуралагічным разглядзе. Такая адукацыя ўключае шырокі комплекс дысцыплін, якія разглядаюць рэлігію ў гістарычным, філасофскім, паліталагічным, сацыялагічным і культуралагічным аспектах.

У адрозненне ад канфесійнай адукацыі, накіраванай на пашырэнне рэлігійнай веры, канфесійнае самавызначэнне і навучанне дагматам і абрадам пэўнай канфесіі, рэлігізнаўчая адукацыя спрыяе атрыманню навучэнцамі навуковых ведаў аб рэлігіі як сацыяльнай і культурнай з’яве, яе месцы ў духоўным жыцці грамадства, у гісторыі беларускага народа. Мэтай рэлігізнаўчай адукацыі з’яўляецца фарміраванне ўсебакова развітай асобы, якая валодае высокім культурным патэнцыялам і шырокім кругаглядам. У межах рэлігізнаўчай адукацыі адбываецца далучэнне да рэлігійнай культуры (культуры рэлігій і рэлігійных арганізацый) як часткі нацыянальнай і сусветнай культурнай спадчыны.

Спецыфіка канфесійнай і рэлігізнаўчай адукацыі праўляецца ў некалькіх аспектах:

- змесце ведаў, якія транслююцца;
- выніку адукацыйнай дзейнасці, які заключаецца ў выхаванні асобы, здольнай ажыццявіць асэнсаваны выбар светапогляднай устаноўкі;
- якасных характарыстыках канфесійнай і рэлігізнаўчай адукацыі (кансерватыўнасці, стабільнасці, нізкім узроўні дынамікі і інавацыйнасці, наяўнасці ірацыянальнага кампанента);
- характары суадносін элементаў навучання і выхавання ў навучальным працэсе.

Акрамя таго, канфесійная і рэлігізнаўчая адукацыя адрозніваюцца па шэрагу параметраў: мэтах, суб’ектах адказнасці, суб’ектах выканання. Разам з тым, дакладнае захаванне прынцыпу свецкага характару зместу адукацыі ў свецкіх установах адукацыі і канфесійнай адукацыі ў канфесійных навучальных установах не азначае немагчымасць супрацоўніцтва паміж рознымі сістэмамі адукацыі, міжканфесійнага дыялогу і ўзаемнага ўзбагачэння педагагічным вопытам. Падобнае супрацоўніцтва (пры распрацоўцы курсаў праграм, падручнікаў і навучальных дапаможнікаў па гісторыі рэлігій, рэлігізнаўства і г. д.) не супярэчыць Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, дзеючаму заканадаўству пры ўмове «светапогляднага нейтралітэту»

МЭТАЙ РЭЛІГІЗНАЎЧАЙ АДУКАЦЫІ З’ЯЎЛЯЕЦЦА ФАРМІРАВАННЕ ЎСЕБАКОВА РАЗВІТАЙ АСОБЫ, ЯКАЯ ВАЛОДАЕ ВЫСОКІМ КУЛЬТУРНЫМ ПАТЭНЦЫЯЛАМ І ШЫРОКІМ КРУГАГЛЯДАМ

і аб'ектыўнага падыходу да выкладання рэлігізнаўства. Гэта супрацоўніцтва можа спрыяць паглыбленню ведаў аб розных канфесіях выкладчыкаў і навучэнцаў свецкай школы і адначасова – большай цяжкімасці ў асяроддзі выкладчыкаў духоўнага сану ў канфесійных навучальных установах.

Кожны грамадзянін Рэспублікі Беларусь мае права на атрыманне адпаведнай канфесійнай і рэлігізнаўчай адукацыі па сваім жаданні на добраахвотнай аснове. Дадзенае права замацавана шэрагам міжнародных нарматыўных актаў і Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь.

Згодна з арт. 49 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь права на адукацыю з'яўляецца элементам сістэмы правоў і свабод чалавека, яно непасрэдна праяўляецца ў рэальнай адукацыйна-прававой практыцы ў выглядзе канкрэтнага суб'ектыўнага права як мера дазволенасці (магчымасці) дзеяння ўдзельнікаў адукацыйных адносін па задавальненню імі ў межах дзеючага заканадаўства сваіх адукацыйных патрэб, забеспячэнні і абароне адпаведных законных інтарэсаў.

Права на адукацыю мае патрэбу ў інстытуцыянальнай структуры, якая адпавядае нацыянальным інтарэсам. Па сутнасці, палітычнае і прававое поле, якое фарміруецца і рэгулюе сферу адукацыі, вызначаецца больш шырокім інстытуцыянальным кантэкстам, што забяспечвае рэалізацыю правоў і свабод

чалавека; таму паўната рэалізацыі дзяржавай права на адукацыю звязана з канцэптuallyным зместам нацыянальных інтарэсаў у сферы адукацыі, мэтамі і задачамі дзяржаўнай сацыяльнай і, адпаведна, адукацыйнай палітыкі.

ПАЎНАТА РЭАЛІЗАЦЫІ ДЗЯРЖАВАЙ ПРАВА НА АДУКАЦЫЮ ЗВЯЗАНА З КАНЦЭПТУАЛЬНЫМ ЗМЕСТАМ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ ІНТАРЭСАЎ У СФЕРЫ АДУКАЦЫІ, МЭТАМІ І ЗАДАЧАМІ ДЗЯРЖАўНАЙ САЦЫЯЛЬНАЙ І, АДПАВЕДНА, АДУКАЦЫЙНАЙ ПАЛІТЫКІ

З'яўляючыся неад'емнай часткай права на свабоду сумлення, права на канфесійную і рэлігізнаўчую адукацыю ажыццяўляецца з захаваннем тых абмежаванняў, якія прадугледжаны ў дачыненні да самога права на свабоду веравызнання. Многія

з іх звязаны з тым, што Рэспубліка Беларусь з'яўляецца свецкай дзяржавай, і адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь таксама з'яўляецца свецкай і не прадугледжвае навучанне і выхаванне грамадзян у адпаведнасці з якім-небудзь рэлігійным або атэістычным светапоглядам. У межах свецкай адукацыі не забараняецца выкладанне ведаў аб рэлігіі як сацыякультурным і гістарычным феномене. Формы ўзаемадзеяння інстытутаў свецкай і рэлігізнаўчай адукацыі рэгулююцца Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь, Законам «Аб адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь», Законам «Аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях».

Закон «Аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях» прадугледжвае, што дзяржава забяспечвае свецкі характар адукацыі ў дзяржаўных установах адукацыі, не перадае рэлігійным арганізацыям якія-небудзь дзяржаўныя функцыі, не ўмешваецца ў дзейнасць рэлігійных арганізацый, калі яна не супярэчыць заканадаўству Рэспублікі Беларусь.

З улікам права дзіцяці на свабоду сумлення і веравызнання яго выхаванне ажыццяўляецца бацькамі або асобамі, якія іх замяняюць, у адпаведнасці з Законам Рэспублікі Беларусь «Аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях», які прадугледжвае магчымасць атрымання рэлігійнай асветы.

Навучанне рэлігіі з'яўляецца неабходным элементам праваздольнасці рэлігійных арганізацый. Так, у арт. 13 Закона «Аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях» навучанне рэлігіі і рэлігійнае выхаванне паслядоўнікаў рэлігійных арганізацый разглядаюцца ў якасці прыметы рэлігійнай арганізацыі разам з іншымі: веравызнаннем, правядзеннем богаслужэнняў, іншых рэлігійных абрадаў і цырымоній. Разам з тым, права на атрыманне рэлігійнай адукацыі не рэгламентавана ў беларускім заканадаўстве. Арт. 1 Закона «Аб адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь» дэкларуе свецкі характар дзяржаўнай палітыкі ў сферы адукацыі, прыярытэт агульначалавечых каштоўнасцей, правоў чалавека. Аднак змест гэтых прынцыпаў не канкрэтызуецца, што выклікае шматлікія спрэчкі і дыскусіі наконт выкладання ў свецкіх навучальных установах канфесійна арыентаваных прадметаў.

У Рэспубліцы Беларусь ёсць заканадаўчая база, якая забяспечвае рэалізацыю права на адукацыю ў адпаведнасці з міжнароднымі стандартамі. Разам з тым, некаторыя аспекты беларускай адукацыйнай палітыкі патрабуюць далейшага ўдасканалвання. У сучасных умовах як у Рэспубліцы Беларусь, так і ў іншых краінах значная ўвага надаецца канфесійнаму фактару адукацыйнай палітыкі, які ўключае ў сябе сукупнасць палітычных і прававых умоў рэалізацыі свабоды сумлення ў сферы адукацыі. У дадзеным кантэксце відавочна непаслядоўнасць рэалізацыі прынцыпу свабоды адукацыі ў беларускім заканадаўстве, што прыводзіць да істотных палітыка-прававых калізій.

Недахопам з'яўляецца тое, што Закон «Аб адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь», нягледзячы на замацаванне роўнага доступу да адукацыі, не гарантуе роўнага абыходжання ў навучальным працэсе. Акрамя таго, няма прававой дакладнасці выкладання рэлігіі ў дзяржаўных установах адукацыі. Закон

«Аб адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь» не змяшчае норм аб рэлігійнай адукацыі. Закон Рэспублікі Беларусь «Аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях» толькі фармальна дае магчымасць для атрымання рэлігійнай адукацыі, але ў ім не ўказваецца, што атрыманне рэлігійнай адукацыі ў сям'і або ўстанове адукацыі з'яўляецца спосабам рэалізацыі права на свабоду сумлення.

Да ліку супярэчнасцей заканадаўства, што забяспечвае права на рэлігійную адукацыю, адносіцца прававы статус рэлігійных устаноў адукацыі, дыпламы якіх не прызнаюцца дзяржавай. Для прызнання дзяржавай дыпламаў гэтых устаноў неабходна іх дзяржаўная акрэдытацыя, што супярэчыць прынцыпу свецкасці адукацыі, замацаванаму Законам «Аб адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь». Тым самым можна канстатаваць супярэчнасць заканадаўства аб адукацыі адносна роўнасці правоў устаноў адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь.

Відавочна, нераспрацаванасць гэтага прававога механізму сведчыць пра непаслядоўнасць адукацыйнай палітыкі ў сферы забеспячэння права на адукацыю і свабоды сумлення, што істотна абмяжоўвае свабоду грамадзян атрымаць (або даць сваім дзецям) адукацыю ў адпаведнасці са сваімі рэлігійнымі і маральнымі перакананнямі.

Асноўнай праблемай рэалізацыі права на рэлігійную адукацыю з'яўляецца адсутнасць механізмаў яго забеспячэння ў кантэксце прынцыпу свецкасці адукацыі.

Недастаткова паслядоўная прававая палітыка ў галіне адукацыі прыводзіць да неадназначных трактовак месца і ролі рэлігійных арганізацый у свецкай школе. Дзейнасць рэлігійных арганізацый у свецкай школе (напрыклад, выкладанне «Асноў

НЕДАСТАТКОВА ПАСЛЯДОЎНАЯ ПРАВАВАЯ ПАЛІТЫКА Ў ГАЛІНЕ АДУКАЦЫІ ПРЫВОДЗІЦЬ ДА НЕАДНАЗНАЧНЫХ ТРАКТОВАК МЕСЦА І РОЛІ РЭЛІГІЙНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ У СВЕЦКАЙ ШКОЛЕ

праваслаўнай культуры», распрацоўка і прыняцце дзяржаўнага стандарту па тэалогіі) выклікала дыскусію ў навуковым асяроддзі, у шырокай грамадскасці. Многія даследчыкі, вучоныя і педагогі-практыкі разглядаюць выкладанне дадзенага курса як прамое парушэнне прынцыпу свецкасці адукацыі. Іншыя вучоныя мяркуюць, што выкладанне рэлігійных прадметаў на факультатыўнай аснове або нават уключаных у сетку гадзін не парушае канстытуцыйных правоў грамадзян Рэспублікі Беларусь і не супярэчыць дзеючаму заканадаўству.

На нашу думку, у адукацыйным сектары патрэбна захаваць прынцып свецкасці. Пры гэтым неабходна ўлічваць, што такія курсы, як «Асновы праваслаўнай культуры», па сваім

змесце з'яўляюцца светапогляднымі, таму павінны адпавядаць бінарнаму закону дыдактыкі, г. зн. павінны быць прадстаўлены ў сістэме адукацыі двойчы: у выглядзе навучальнага прадмета і ў выглядзе часткі іншых адукацыйных прадметаў, у тым ліку і ў пазанавучальнай выхаваўчай рабоце з дзецьмі, сямейным выхаванні, маладзёжнай культуры. Як навучальны прадмет дадзены курс не можа быць уключаны ў сетку гадзін з прычыны яго светапогляднай устаноўкі, але інтэграцыя яго зместу ў адукацыйныя прадметы цалкам дапушчальная.

Менавіта таму ў адпаведнасці з заканадаўствам Рэспублікі Беларусь установы адукацыі нашай краіны ў пытаннях выхаваўчай дзейнасці на падставе пісьмовых заяў законных прадстаўнікоў дзяцей (саміх паўналетніх навучэнцаў) у пазанавучальны час могуць узаемадзейнічаць з зарэгістраванымі рэлігійнымі арганізацыямі з улікам іх уплыву на фарміраванне духоўных, культурных і дзяржаўных традыцый беларускага народа. Парадак, умовы, змест і формы такога ўзаемадзеяння вызначаюцца Урадам Рэспублікі Беларусь пасля ўзгаднення з Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь.

Праблема свабоды сумлення ў сферы адукацыі з'яўляецца даволі складанай і супярэчлівай і, мабыць, не зводзіцца да дуалістычнага метаду яе вырашэння. Працістаянне дзвюх сістэм адукацыі (свецкай і рэлігійнай) з'яўляецца, па сутнасці, процістаяннем дзвюх сістэм каштоўнасцей. Яно абумоўлена цэлым шэрагам фактараў, у тым ліку і недахопамі сістэмы адукацыі, зместам яе навучальнай і пазанавучальнай работы. У выніку рэформ школа аказалася не падрыхтаванай да вырашэння такіх праблем. Пры гэтым школа (як вышэйшая, так і адукацыйная) з'яўляецца механізмам рэалізацыі палітыкі ў сферы ідэалогіі беларускай дзяржавы.

Трэба звярнуць увагу на тое, што праблема часта вырашалася на канферэнцыях, нарадах, «круглых сталах», Свята-Міхайлаўскіх чытаннях і г. д. з прыцягненнем грамадскай думкі людзей, далёкіх ад дадзенай праблематыкі і не заўсёды кампетэнтных у тых пытаннях, якія выносіліся на абмеркаванні. Пры гэтым мы выступаем не супраць грамадскага абмеркавання дадзенай важнай дзяржаўнай праблемы, а супраць дылетанцтва ў навуцы, у прыватнасці, педагагічнай. Можна ўлічыць вопыт і погляды дылетантаў, але нельга ігнараваць погляды прафесіяналаў, а вырашэнне праблемы больш мэтазгодна даручаць не грамадскім структурам, а Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, РІВШ БДУ і іншым даследчым цэнтрам.

Аналізуючы вопыт педагогаў у ажыццяўленні рэлігійнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь, можна канстатаваць, што сістэму прыярытэтаў і арыенціраў, неабходную не толькі для вырашэння, але і для самой пастаноўкі пытання «адукацыя і рэлігія», вырацавала само беларускае грамадства.

Тым не менш праблема рэалізацыі свабоды сумлення ў адукацыі – прадмет агульнага клопату дзяржавы і ўсяго грамадства, усеагульнага інтарэсу і ўсеагульнай адказнасці.

На сённяшні дзень дзяржава фактычна адасобілася ад вырашэння праблемы, спасылаючыся на прынцып свецкасці адукацыі і аргументуючы гэта толькі тым, што яна павінна быць нейтральнай у дачыненні да розных канфесій. Умяшальніцтва дзяржавы ў адукацыйную сферу часта абмяжоўваецца добрымі пажаданнямі ў адрас педагогаў, якія выкладаюць веды аб рэлігіі, хаця больш актуальнай была б дэталёвая распрацоўка норм, прынцыпаў і характару рэлігійнай адукацыі. Паколькі сёння практычна ўсе дзяржавы маюць нарматыўныя дакументы, якія тлумачаць і дапаўняюць канстытуцыйныя

**УМЯШАЛЬНІЦТВА ДЗЯРЖАВЫ
Ў АДУКАЦЫЙНУЮ СФЕРУ ЧАСТА
АБМЯЖОЎВАЕЦЦА ДОБРЫМІ
ПАЖАДАННЯМІ Ў АДРАС ПЕДА-
ГОГАЎ, ЯКІЯ ВЫКЛАДАЮЦЬ ВЕДЫ
АБ РЭЛІГІІ, ХАЦЯ БОЛЬШ АК-
ТУАЛЬНАЙ БЫЛА Б ДЭТАЛЁВАЯ
РАСПРАЦОЎКА НОРМ, ПРЫН-
ЦЫПАЎ І ХАРАКТАРУ РЭЛІГІЙНАЙ
АДУКАЦЫІ**

нормы, дэталізуюць прынцыпы і характар рэлігійнай адукацыі. Пры гэтым практычна ўсе сучасныя дзяржавы, фарміруючы або ўдасканалючы сваю сістэму адукацыі, узгадняюць яе з асноўнымі міжнароднымі дакументамі, якія датычацца прынцыпаў адносін дзяржавы і рэлігійных арганізацый.

Палітыка-прававы статус прадмета рэлігіі ў сістэме адукацыі розных дзяржаў адлюстроўвае гістарычна-культурныя і рэлігійныя асаблівасці кожнай асобна ўзятай краіны. Так, у многіх краінах рэлігія з'яўляецца такім жа навучальным прадметам, як і іншыя. У некаторых краінах выкладанне гэтага прадмета ажыццяўляюць рэлігійныя арганізацыі ў супрацоўніцтве з дзяржаўнымі ўладамі ў галіне адукацыі. У такім выпадку ўлічваецца неабходная ўмова: каб рэлігійныя суполкі мелі значную колькасць веруючых у дадзенай мясцовасці (там, дзе дзяржава з'яўляецца федэратыўнай, як, напрыклад, у ФРГ) або на ўсёй тэрыторыі краіны (як гэта адбываецца ў Аўстрыі і Бельгіі). У гэтых выпадках у навучэнцаў заўсёды ёсць магчымасць свабоднага выбару (пры згодзе бацькоў) – наведваць, альбо не наведваць заняткі па рэлігіі.

Вывучэнне еўрапейскага вопыту таксама паказвае, што адсутнічае уніфікаваная мадэль, адзіны падыход у галіне прававога рэгулявання і практычнай рэалізацыі рэлігійнай

адукацыі ў свецкай школе. Нацыянальная свядомасць кожнай краіны па-свойму распараджаецца сваім гістарычным набыткам і па-свойму фарміруе адносіны да духоўнай спадчыны, культурнай пераемнасці, у тым ліку і ў сферы нацыянальнай адукацыі. Разам з тым, ёсць і падобныя рысы: добраахвотнасць выбару, магчымасць выбару вывучэння рэлігійнай культуры сваёй канфесіі або курса нерэлігійнай этыкі, патрабаванне ўзгаднення зместу рэлігійнай адукацыі з прадстаўнікамі адпаведнай канфесіі.

Вопыт дадзеных краін можна выкарыстаць у беларускай сістэме адукацыі. Зразумела, трэба ўважліва выбіраць тое, што падыходзіць айчыннай школе, улічваць не толькі традыцыі выкладання савецкага і дарэвалюцыйнага перыяду, але і сучаснае сацыяльнае становішча, новыя прыярытэты ў адукацыі, асабліва для беларускага нацыянальнага менталітэту, пераймаючы лепшае з вопыту іншых краін, дзе традыцыі рэлігійнай адукацыі не перарываліся.

У многіх замежных краінах назіраецца ўзаемадзеянне рэлігійнай і свецкай адукацыі. Гэтыя сістэмы не супярэчаць адна адной пры ўмове дэталёвай распрацоўкі ў дзеючым заканадаўстве прынцыпаў і характару адукацыі, уліку ў заканадаўстве нацыянальных асаблівасцей і сталых традыцый. Нельга запазычваць замежны вопыт з мэтай яго выкарыстання ў Рэспубліцы Беларусь без уліку спецыфікі нашай краіны, яе традыцый, гісторыі. Аднак поліканфесійнасць Беларусі не з'яўляецца нечым выключным. Дадзены гістарычны факт не азначае, што існуюць непераадольныя перашкоды на шляху ўзаемадзеяння розных сістэм адукацыі, аднак і не дае падставы для іх аб'яднання ў адну сістэму. Няма падстаў і для іх супрацьпастаўлення.

На наш погляд, перспектывы фарміравання палітыка-прававога інстытута рэлігійнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь звязаны з распрацоўкай комплекснага нарматыўна-прававога акта, які здымае супярэчнасці і недахопы палітыка-прававога рэгулявання, уніфікуе заканадаўства, што рэгулюе дадзеную сферу грамадскіх адносін. У якасці асноўных задач гэтага заканадаўчага акта павінны разглядацца правая інстытуцыяналізацыя рэлігійнай адукацыі ў нацыянальнай сістэме адукацыі, акрэдытацыйныя правы канфесійных устаноў адукацыі выдаваць дыпламы дзяржаўнага ўзору.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФАРМИРОВАНИЯ ПАЛИТИКА-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА РЕЛИГИЙНОЙ АДУКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ СВЯЗАНЫ С РАСПРАЦОЎКАЙ КОМПЛЕКСНАГА НАРМАТЫЎНА-ПРАВОВОГА АКТА, ЯКІ ЗДЫМАЕ СУПЯРЭЧНАСЦІ І НЕДАХОПЫ ПАЛІТЫКА-ПРАВОВОГА РЕГУЛЯВАННЯ, УНІФІКУЕ ЗАКАНАДАЎСТВА, ШТО РЕГУЛЮЕ ДАДЗЕНУЮ СФЕРУ ГРАМАДСКІХ АДНОСІН

Адпаведна, дадзены акт павінен прадугледзець наступную сістэму палітыка-прававых мер:

- раскрыць прынцып свецкасці адукацыі і вызначыць гарантыі свецкасці адукацыі;
- даць заканадаўчае азначэнне рэлігійнай адукацыі;
- уключыць у змест права на свабоду веравызнання права на рэлігійную адукацыю;
- адлюстраваць галоўныя палітыка-прававыя асаблівасці рэлігійнай адукацыі, якія заключаюцца ў тым, што яна не можа быць агульнаабавязковай і павінна ажыццяўляцца на добраахвотнай аснове;
- урэгуляваць прававы статус устаноў адукацыі рэлігійных арганізацый;
- замацаваць прававы парадак узаемадзеяння нацыянальнай сістэмы адукацыі з рэлігійнымі арганізацыямі, які можа грунтавацца на прынцыпах супрацоўніцтва пры складанні і рэалізацыі адукацыйных праграм па вывучэнні рэлігійнай культуры, па падрыхтоўцы і павышэнні кваліфікацыі педагогічных кадраў. Дадзеныя меры дазваляць зарыентаваць беларускую адукацыйную палітыку на абарону нацыянальных інтарэсаў і інтарэсаў асобы, дзяржавы і грамадства.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 года (са змяненнямі і дапаўненнямі, прынятымі на рэспубліканскіх рэферэндумах 24 лістапада 1996 г. і 17 кастрычніка 2004 г.). – Мінск: Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Аб унясенні змяненняў і дапаўненняў у Закон Рэсп. Беларусь «Аб свабодзе веравызнанняў і рэлігійных арганізацый»: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 31 кастр. 2002 г. // Нац. рэстр прававых актаў Рэсп. Беларусь. – 2002. – № 1232/886.
3. Аб адукацыі: Закон Рэсп. Беларусь, 29 кастр. 1991 г. № 311–3: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 4 жніўня 2004 г. // Нац. рэстр прававых актаў Рэсп. Беларусь. – 2004. – № 1232/1060.

Дата наступлення ў рэдакцыю 09.02.2010.

**Н. П. Беляцкий
И. К. Рудак**

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ

Беляцкі Мікалай Пятровіч – загадчык кафедры арганізацыі і кіравання БДЭУ, доктар эканамічных навук, прафесар. Сфера навуковых інтарэсаў – бізнес-лідэрства, кіраванне чалавечымі рэсурсамі, менеджмент. Аўтар больш 190 работ у галіне кіравання персоналам.

Управление персоналом и постановка вопросов в области менеджмента знаний приобретают все большее значение в практике бизнеса.

Управлять знаниями – означает согласовывать имеющийся ресурс знаний с целями предприятия и направлять его для создания преимуществ в конкурентной борьбе. Менеджмент знаний способствует формированию важного качества работника – «лояльности к компании», позволяющего интегрировать ценности компании с ценностями самого работника. Более того, менеджмент знаний позволяет развивать креатив, способствуя повышению мотивации у работника. В целом, знание – это способность к действию.

На сегодняшний день знания становятся важным стратегическим ресурсом. Катализаторами менеджмента знаний являются:

- 1) информационные и коммуникационные технологии;
- 2) структуры и процессы;
- 3) менеджмент человеческих ресурсов.

Наиболее распространенными катализаторами считаются информационные и коммуникационные технологии. Однако возникает вопрос, являются ли они важными для менеджмента знаний. В поисках ответа на этот вопрос рассмотрим данные технологии более подробно.

Рыдак Інна Канстанцінаўна – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры арганізацыі і кіравання БДЭУ. Даследуе пытанні развіцця сістэмы кіравання персоналам. Мае шэраг публікацый па дадзенай тэматыцы.

На отечественных предприятиях зачастую игнорируется значимость новых информационных технологий при решении задач в области управления персоналом. Так, в результате проведенных исследований ряда отечественных предприятий было выявлено, что только 19% HR-специалистов используют в своей профессиональной деятельности интернет-технологии. Далекое не везде автоматизировано выполнение четко формализованных учетных задач; практически не задействованы технологии дистанционного обучения. Объяснением тому могут служить следующие положения:

- недостаточная осведомленность и компетентность работников кадровых служб в вопросах практического использования информационных технологий;
- психологическая неподготовленность персонала к работе, обучению, проверке знаний и умений, а также своих психофизиологических особенностей и возможностей в новых условиях;
- недостаточная оснащенность предприятий компьютерной техникой и средствами связи, вследствие чего ограничивается, или даже полностью исключается, внедрение и/или развитие применения прикладных систем.

Стоит отметить, что в настоящее время кадровые службы выходят на качественно новый уровень своего развития, поэтому работа с документами становится второстепенной по отношению к таким направлениям ее деятельности, как формирование и развитие корпоративной культуры, планирование карьеры, бюджетирование персонала, коучинг, моббинг, мониторинг управления персоналом и др. В связи с этим в рамках развития службы управления персоналом представляется важным разработка и внедрение либо выбор готовых автоматизированных систем хранения, учета и работы с данными о персонале. Использование такого рода технологий позволит значительно сократить время работы, связанной с документооборотом.

К тому же в последнее десятилетие появились новые информационные технологии, возможности которых позволяют работникам кадровых структур не только сократить время на ведение и учет документации, но и эффективно выполнять все последующие функции службы управления персоналом (подбор персонала, развитие и мотивация персонала, оценка персонала и т. д.). К таким программным продуктам можно отнести приложение «Управление персоналом» системы Oracle Applications от Oracle; модуль Renaissance CS Human Resources/Payroll системы Renaissance CS

НА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ЗАЧАСТУЮ ИГНОРИРУЕТСЯ ЗНАЧИМОСТЬ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

компании Ross Systems; программный продукт Босс-кадровик; систему «Парус 8.1»; модуль «Управление персоналом» системы «Галактика»; программный продукт SAP R/3.

На сегодняшний день наиболее популярным программным продуктом является SAP R/3, который включает три области: логистику, учет и отчетность, управление персоналом. Компоненты модуля HR (Human resources – человеческие ресурсы), который в данном случае представляет наибольший интерес, показаны в таблице¹.

Таблица 1.
Компоненты модуля HR SAP R/3

Компоненты	Обозначение на русском языке	Функция
ORG	Организация и планирование	Образование рабочих мест и описание должностей
P&C	Планирование и контроль	Квалификация Требования Планирование карьеры Последующее планирование
PAD	Администрирование	Делопроизводство Данные о кадровом составе
TIM	Управление временем	Внесение изменений в информацию о персонале
TRV	Командировки	Расчет командировочных расходов
PAY	Расчет персонала	Начисление зарплаты и вознаграждений
INT	Международные расчеты	Специфика отдельных стран
ALL	Ограничение информации и расчетов	Основные функции Информация и расчеты

Все эти компоненты являются элементами общей интегральной системы, в которой, однако, они четко разграничены. Внедрение комплексного стандартного программного продукта может быть рациональным только в рамках целостного проекта. Причем временные и содержательные аспекты отдельных фаз внедрения могут быть разделены, то есть различные компоненты модуля смогут вводиться и использоваться независимо от времени внедрения других.

Система HR SAP R/3 включает все функции управления персоналом, которые встречаются в производственной практике и деловых отношениях. При этом поддерживаются и развиваются все поля деловых и специальных задач, которые существуют в рамках менеджмента персонала.

¹ *Беляцкий Н. П. Интеллектуальная техника менеджмента. С. 124.*

Какие же функции должна содержать система управления персоналом? Наиболее частый ответ – ВСЕ, а именно:

- все, которые можно структурировать и описывать во взаимосвязи между собой;
- все, которые имеют отношение к работе с персоналом или информации о персонале;
- все, которые содействуют или поддерживают самый различный опыт и методы работы с персоналом и работы персонала;
- все, которые облегчают и упрощают обработку, подготовку и систематизацию информации о персонале;
- все виды трудовой деятельности персонала фирмы.

Система управления персоналом содержит не только те функции, которые необходимы для работы с персоналом на производстве, но и функции, которые относятся к следующим областям:

- быстрая и точная обработка информации о персонале;
- начисление заработной платы и пособий;
- простые и прямые расчеты затрат на персонал и поездки сотрудников;
- поддержка планирования персонала;
- содействие прикладным исследованиям характеристики персонала и коллективов;
- графическое представление и статистический анализ организационного планирования;
- составление штатного расписания;
- кадровое регулирование.

Этот перечень функций является далеко не полным. Отдельные блоки системы в свою очередь разделяются на еще более «мелкие» встроенные элементы подсистемы. Продемонстрируем это на примере планирования персонала, которое делится на такие компоненты, как описание рабочих мест и должностей; квалификация и потребность в специалистах; планирование карьеры; подготовка персонала к повышению квалификации; планирование стоимости персонала; планирование высвобождения персонала.

Модульный принцип построения системы SAP R/3 продолжается и в системе HR («Human Resource Management» – управление персоналом). Система HR обладает свойством имплементации, то есть речь идет о возможности включения в эту систему дополнительных элементов, ее расширении и развитии. Она является интернациональной и применяется на предприятиях США и Западной Европы. Здесь отражаются

специфические особенности каждой фирмы, прежде всего в областях, которые имеют отношение к движению денежных потоков, налогам и заработной плате сотрудников. Национальные особенности могут быть учтены относительно быстро через специфические версии развития системы HR. Трудности здесь связаны со следующими областями деятельности:

- специальные данные о персонале, которые должны учитывать имеющийся опыт и особенности управления персоналом на данном предприятии;
 - специальные требования к оценке персонала и его подбору.
- В целом, следует выделить преимущества, которые обеспечивает система HR SAP R/3:

- полное представление всего спектра задач по управлению персоналом – реализует системно-ситуационный подход к менеджменту персонала;
- расширение возможностей индивидуального развития персонала;
- полная интеграция с другими областями SAP R/3 как системы автоматизированного проектирования и управления фирмой;
- использование специфических возможностей и особенностей предприятия;
- возможность выхода на международный рынок;
- невозможность изолированных, «островных» решений;
- единство информации и руководства;
- повышение прозрачности;
- быстрая и актуальная информация;
- сокращение путей коммуникаций;
- гибкость и реакционные возможности при производственных, рыночных и налоговых изменениях;
- сокращение рутинной работы;
- незначительная зависимость от отдела.

При выборе программного продукта важно, чтобы модуль автоматизированной системы управления персоналом либо в целом программный продукт позволял одновременно формировать кадровую информацию и вести текущую работу с персоналом, а именно: формировать и вести штатное расписание; проводить анкетирование кандидатов и принимать их на работу; контролировать прохождение испытательного срока; вести и просматривать личные дела сотрудников; формировать трудовые контракты и вести кадровые документы и архивы; формировать и организовывать программы развития персонала; проводить оценку

и аттестацию персонала; получать кадровую отчетность и проводить кадровый анализ.

С целью повышения эффективности своей деятельности кадровым службам следует активно использовать интернет-технологии.

Популяризация Internet в Республике Беларусь открывает перед кадровыми службами новые возможности в решении профессиональных задач. С одной стороны, можно разместить на собственном или арендуемом интернет-сайте информацию о предприятии и его кадровых потребностях, а с другой – получить информацию, размещаемую на веб-страницах кадровыми агентствами и другими организациями.

Кадровым службам следует использовать возможность размещения информации в Internet для следующих целей:

- хорошие показатели в отчетах по анализу кадрового состава помогут создать положительный имидж предприятия (организации) в целом;
- информация о вакансиях позволит расширить круг претендентов и минимизировать расходы на рекрутинг.

Однако следует помнить, что сами по себе информационные технологии не могут качественно изменить уровень системы управления персоналом. Приобретение программного обеспечения не является панацеей от всех бед.

В традиционно-технократическом инновационном менеджменте и, особенно на европейских предприятиях, все еще преобладает заблуждение, что вычислительная техника сама по себе обладает магической силой и способна самостоятельно основательно изменить деловые процессы. Более того, участники данных процессов должны убеждаться на собственном опыте, что успех, прежде всего, зависит от их собственных усилий.

Собственный опыт определенного круга экспертов по обработке идей подтверждает, что эффективность использования компьютерных систем зависит от дисциплины круга пользователей. Например, можно интегрировать в одну систему любое количество устройств памяти, но собственная работа зависит от готовности и способности человека обслуживать систему.

«Заколдованный круг» доверия технологии вытекает из убеждения специалистов по информационным технологиям в том, что действительное достижение цели пользователи находится не в их компетенции, поэтому они не видят необходимости изучать методы менеджмента преобразований.

СОБСТВЕННЫЙ ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЭКСПЕРТОВ ПО ОБРАБОТКЕ ИДЕЙ ПОДТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ СИСТЕМ ЗАВИСИТ ОТ ДИСЦИПЛИНЫ КРУГА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Ведущие менеджеры полагаются на то, что высокие инвестиции в информационные технологии стоят своих денег. В свою очередь пользователи информационных технологий чувствуют себя неудобно, так как они подчинились технике, но их не вовлекли в процесс инжиниринга.

Несмотря на колоссальное значение информационных технологий в XXI в., последнее слово в принятии решения всегда остается за работником. Следует отметить, что именно уровень квалификации и внутренняя мотивация сотрудника оказывают решающее влияние на эффективность использования информационных технологий. Поэтому представляется целесообразным своевременное и всестороннее развитие персонала организации, а также мониторинг мотивационных установок и корректировка мотивационного механизма в целом.

Эффективность функций инновационного управления персоналом на основе информационных технологий (ИТ) включает следующие аспекты:

- понимание ИТ-специалистами основных идей интегрированного менеджмента персонала;
- преодоление отчужденности между ИТ-разработчиками и пользователями;
- первичность бизнес-процесса, так как именно процесс определяет программное решение и нуждается в программном обеспечении; техника сама не принимает решений;
- только человеческий капитал обеспечивает получение новой стоимости, поэтому конструировать систему управления персоналом надо таким образом, чтобы сотрудники могли использовать свои знания с максимальным коэффициентом полезного действия;
- ИТ-инвестиции оцениваются по производительности труда;
- информационные технологии выбираются в соответствии с бизнес-процессами, техника поддерживает управление персоналом и не всегда представляет собой самый интеллектуальный путь к увеличению прибыли предприятия;
- трансформация знаний в инновационный процесс интегрированного менеджмента персонала, который включает функцию управления этими знаниями;
- информационные технологии требуют повышенного внимания к маркетингу процессов развития персонала;
- эффективность бизнеса приоритетно определяется таким менеджментом категорий, который интегрирует знания сотрудников.

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ЦЕЛЕСОБРАЗНЫМ СВОЕВРЕМЕННОЕ И ВСЕСТОРОННЕЕ РАЗВИТИЕ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ, А ТАКЖЕ МОНИТОРИНГ МОТИВАЦИОННЫХ УСТАНОВОК И КОРРЕКТИРОВКА МОТИВАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА В ЦЕЛОМ

Список использованных источников

1. Бебяцкая, Т. Н. Антикризисное управление персоналом / Т. Н. Бебяцкая, Е. А. Идельчик, И. К. Рудак; под ред. Т. Н. Бебяцкой. – Молодечно: Победа, 2003. – 133 с.
2. Бебяцкий, Н. П. Интеллектуальная техника менеджмента: учеб. пособие / Н. П. Бебяцкий. – Минск: Новое знание, 2001. – 320 с.
3. Бебяцкий, Н. П. Управление персоналом: учеб. пособие / Н. П. Бебяцкий. – Минск: Современная школа, 2008. – 448 с.
4. Гринберг, А. С. Информационный менеджмент: учеб. пособие / А. С. Гринберг, И. А. Король. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2002. – 479 с.
5. Корнеев, И. К. Информационные технологии в управлении / И. К. Корнеев, В. А. Машурцев. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 158 с.

Дата поступления в редакцию 24.12.2009.

**В. М. Руденков
А. А. Пилютик**

ПРИРОДА И ИСТОКИ КРИЗИСОВ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ИСТОРИЯ И АНАЛИЗ

Рудзенкоў Уладзімір Міхайлавіч – доктар тэхнічных навук, кандыдат эканамічных навук, прафесар, загадчык аддзела знешнеэканамічнай дзейнасці Інстытута эканомікі НАН Беларусі. Сфера навуковых інтарэсаў: тэорыя і практыка знешнеэканамічных працэсаў, дыягностыка і механізмы стабілізацыі развіцця малых краін з адкрытай эканоміяй. Мае больш 180 публікацый па дадзенай тэматыцы.

Тема текущего кризиса в мировой экономике стала едва ли не основной в экономических изданиях многих стран. Ученые высказывают различные точки зрения относительно природы и истоков кризиса, предлагают свои варианты и фундаментальные подходы по его предвидению и предупреждению. Однако некоторые исследователи высказываются скептически относительно способности и достаточности современной экономической мысли объяснить и предвидеть эти процессы, прежде всего, в части их динамики, глобальности и сложности. Это и послужило основанием для выбора темы предлагаемой статьи.

Кризис (греч. krisis ‘решение, поворотный пункт’) – суд, перелом, переворот, пора переходного состояния; перелом, при котором неадекватность средств достижения целей рождает непредсказуемые проблемы.

В энциклопедическом словаре экономический кризис определяется как нарушение в ходе развития экономики, которое проявляется в абсолютном падении производства, недогрузке производственных мощностей, росте безработицы, нарушениях в денежно-кредитной и валютно-финансовой сферах и др.

Проблеме экономических кризисов посвящены труды известных научных деятелей: Э.Б. Аткинсона, Дж. Гелбрейта, Дж. М. Кейнса, Н.Д. Кондратьева, В.В. Леонтьева, У.К. Митчелла, П. Самуэльсона, Дж. Стиглица, Э. Хансена, Дж. Хикса,

Пилюцік Андрэй Антонавіч – навуковы супрацоўнік аддзела знешнеэканамічнай дзейнасці Інстытута эканомікі НАН Беларусі. Сфера навуковых інтарэсаў: знешнеэканамічныя сувязі ва ўмовах еўрапейскай інтэграцыі. Мае шэраг публікацый па дадзенай тэматыцы.

Й. Шумпетера, М. Фридмена и др. Исследования ученых и практика показывают, что по своей сути кризисы всеобщие, они присущи любой системе в живой и неживой природе, в обществе, ибо без циклов нет развития, а без развития система мертва (абсолютно мертвых, стационарно неизменных систем практически нет). И в то же время нет двух абсолютно идентичных кризисов: каждый из них индивидуален, неповторим, имеет свой набор причин и факторов, свои, ни с чем не схожие черты. Но это положение не абсолютно, ибо не найти двух кризисов, в которых не обнаруживается сходство тех или иных черт. Это дает основание для некоторой типологии кризисов, их классификации по тому или иному основанию (критерию).

По объекту, в котором действует закономерность циклического развития, следует выделить кризисы в обществе (экономические, социально-национальные, политические, в сфере культуры, идеологии, научно-технические), в живой и неживой природе и в ее взаимоотношениях с обществом (природные, природно-хозяйственные, экологические). Если кризисы в обществе отражают отношения людей и находятся под их воздействием, то природно-экологические кризисы либо полностью, либо частично не зависят от деятельности человека, но оказывают на нее влияние.

По своему характеру кризисы могут предшествовать новому этапу в развитии системы либо ее гибели, распаду; действовать изолированно, относительно независимо от других

ПО СВОЕМУ ХАРАКТЕРУ КРИЗИСЫ МОГУТ ПРЕДШЕСТВОВАТЬ НОВОМУ ЭТАПУ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ЛИБО ЕЕ ГИБЕЛИ, РАСПАДУ; ДЕЙСТВОВАТЬ ИЗОЛИРОВАННО, ОТНОСИТЕЛЬНО НЕЗАВИСИМО ОТ ДРУГИХ КРИЗИСОВ ЛИБО СОВПАДАТЬ, ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ С НИМИ, ЧТО ВЫЗЫВАЕТ РЕЗОНАНСНЫЙ ЭФФЕКТ

кризисов либо совпадать, взаимодействовать с ними, что вызывает резонансный эффект; могут выступать как неизбежная, закономерная, повторяющаяся фаза цикла либо как случайный результат стихийного бедствия, аварии, крупной ошибки.

По длительности кризисы можно классифицировать как краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные и сверхдолгосрочные.

Кризисы разной периодичности в одной области, частично совпадая во времени, дополняют и углубляют друг друга, делают более трудным выход из него, усиливают негативные, разрушительные тенденции. Например, в развитии общества совпадение во времени кризисных фаз среднесрочных, долгосрочных, вековых и тысячелетних циклов делает кризисное состояние более длительным, разрушительным; именно такое совпадение, крупнейшая, мучительная трансформация общества наблюдается на рубеже нового тысячелетия нашей эры.

Кризисы в смежных сферах, развивающиеся одновременно, углубляются в результате взаимодействия, но зато ведут к комплексному обновлению группы взаимосвязанных систем.

Важнейшим конечным результатом кризиса является качественный скачок, переход к новому этапу в развитии системы либо к новой системе (в последнем случае кризис предшествует революции, становится ее началом). Однако характер подъема после кризиса неодинаков и зависит от фазы над-

и сверхцикла. Если кризис приходится на фазу распространения, то подъем носит более крутой характер, каждый следующий пик значительно выше предыдущего; если на фазу стабильности, то разрыв между соседними пиками уменьшается; если на нисходящую (кризисную) фазу, то кризисы становятся более затяжными, а пик следующего цикла может оказаться ниже пика предыдущего. Эту тенденцию во взаимодействии больших и средних циклов отмечал Н. Д. Кондратьев¹. Основные положения теории Николая Дмитриевича Кондратьева заключаются в следующем.

ВАЖНЕЙШИМ КОНЕЧНЫМ РЕЗУЛЬТАТОМ КРИЗИСА ЯВЛЯЕТСЯ КАЧЕСТВЕННЫЙ СКАЧОК, ПЕРЕХОД К НОВОМУ ЭТАПУ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ЛИБО К НОВОЙ СИСТЕМЕ

1. Динамику развития экономики определяет технический прогресс, который накапливает качественные изменения в производстве, ведущие к революционным преобразованиям в производительных силах. Реализация достижений НТП происходит благодаря новым крупным капиталовложениям в науку и технику. Переход к новому циклу создает условия значительного экономического роста.
2. Параллельно наблюдаются изменения в рабочей силе. Ее воспроизводство происходит на новом уровне знаний и квалификации. Развивается система образования.
3. Все это влечет за собой изменения в управлении производством. Отмирают отжившие методы хозяйствования, внедряются новые. Но этот процесс происходит гораздо медленнее и вызывает нередко застойные явления. По мере исчерпания экстенсивных методов роста экономики цикличность усиливается и склоняется к понижению. По мере интенсификации производства происходят усовершенствования, которые закладывают основу нового цикла. Развиваясь таким образом, эти циклы сливаются в длинную волну.

Современный голландский экономист Ван Дейк, продолжая анализ экономических колебаний, выделил 5 длинных волн, три из которых совпали с волнами Кондратьева. Четвертая волна (1945–1973 гг.) была вызвана новым этапом НТР, развитием физики (расщепление ядра), космонавтики

¹ Кондратьев Н. Д. *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения.*

и химии (синтетические материалы). Пятая волна началась в 80-е годы и продолжается сейчас. Она отмечена развитием кибернетики, генной инженерии, электроники. Таким образом, длинные волны связаны с качественным развитием мировой экономики в целом.

Одно из определений слова «конъюнктура» гласит, что это сложившаяся на данный промежуток времени обстановка, ситуация в какой-либо сфере общественной жизни. Если говорить об экономической конъюнктуре в условиях капиталистической системы, то здесь имеются в виду конкретные условия процесса производства, а также ситуация, сложившаяся на рынках на данной фазе цикла.

ОБЩЕЙ ТЕНДЕНЦИЕЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И БОЛЬШИНСТВА СТРАН ЯВЛЯЕТСЯ ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ЦЕН, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, РОСТ КОНЬЮНКТУРЫ, ЭТО МОЖНО ПРОСЛЕДИТЬ ПО УСЛОВНОЙ ЛИНИИ ТRENDA, СОСТАВЛЯЮЩИМИ КОТОРОГО ЯВЛЯЮТСЯ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЕ НЕЦИКЛИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Если рассматривать сложившуюся на данный момент конъюнктуру и определяющие ее факторы, то среди них можно выделить три основные группы: 1) постоянно действующие факторы нециклического свойства (научно-технический прогресс, демографические факторы, расходование природных ресурсов); 2) постоянно действующие циклические факторы; 3) случайные и временно действующие факторы (стихийные бедствия, войны и т. п.).

Если исключить воздействие последней группы факторов (случайных), то получится примерно следующее: общей тенденцией мировой экономики и большинства стран является повышение уровня цен, экономический рост, рост конъюнктуры, это можно проследить по условной линии тренда, составляющими которого являются постоянно действующие нециклические факторы. Однако если даже в долговременном периоде прослеживается тенденция к росту, то все равно рост этот не равномерен. Рост может уступать место спаду. Это объясняется тем, что на линию тренда накладываются циклические колебания².

Данные колебания представляют собой следующие друг за другом подъемы и спады уровней деловой активности на протяжении некоторого периода времени. Они имеют следующие общие черты: пик цикла, спад, низшая точка, фаза оживления.

Наиболее продолжительными из выделяемых колебаний являются так называемые «большие циклы конъюнктуры», они имеют период 45–60 лет. На эти циклы накладываются среднесрочные колебания: цикл запасов, среднесрочный, строительный; далее следуют сезонные колебания деловой активности. Вместе эти колебания отражают тенденции развития экономической системы и рыночной конъюнктуры.

² Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения.

Н. Д. Кондратьев выделил три вида равновесных состояний.

1. Равновесие «первого порядка» – между обычным рыночным спросом и предложением. Отклонения от него рождают краткосрочные колебания периодом 3–3,5 года, то есть циклы в товарных запасах.
2. Равновесие «второго порядка», достигаемое в процессе формирования цен производства путем межотраслевого перелива капитала, вкладываемого главным образом в оборудование. Отклонения от этого равновесия и его восстановление Н. Д. Кондратьев связывает с циклами средней продолжительности.
3. Равновесие «третьего порядка» касается «основных материальных благ»: промышленных зданий, инфраструктурных сооружений, а также квалифицированной рабочей силы, обслуживающей данный технический способ производства. Запас основных капитальных благ должен находиться в равновесии со всеми факторами, определяющими существующий технический способ производства, со сложившейся отраслевой структурой производства, существующей сырьевой базой и источниками энергии, ценами, занятостью и общественными институтами, состоянием кредитно-денежной системы и т. д.

Периодически это равновесие нарушается и возникает необходимость создания нового запаса «основных капитальных благ», которые бы удовлетворяли складывающийся новый технический способ производства. По мнению Н. Д. Кондратьева, такое обновление «основных капитальных благ», отражающее движение научно-технического прогресса, происходит не плавно, а толчками и является материальной основой больших циклов конъюнктуры. Обновление и расширение «основных капитальных благ», происходящее во время подъемов длинного цикла, радикально изменяют и перераспределяют производительные силы общества. Для этого требуются огромные ресурсы в натуральной и денежной форме. Они могут существовать только в том случае, если были накоплены в предшествующей фазе, когда сберегалось больше, чем инвестировалось.

В фазе подъема постоянный рост цен и заработной платы порождает у населения тенденцию больше расходовать, в период спада, наоборот, падают цены и заработная плата.

В ФАЗЕ ПОДЪЕМА ПОСТОЯННЫЙ РОСТ ЦЕН И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ПОРОЖДАЕТ У НАСЕЛЕНИЯ ТЕНДЕНЦИЮ БОЛЬШЕ РАСХОДОВАТЬ, В ПЕРИОД СПАДА, НАБОРОТ, ПАДАЮТ ЦЕНЫ И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Первое ведет к стремлению сберечь, а второе – к снижению покупательной способности. Аккумуляция средств происходит также за счет падения инвестиций в период общего спада, когда прибыли становятся низкими и возрастает риск банкротства.

Можно заметить, что такие явления имели место в капиталистической экономике в 80-х годах, когда наблюдался отток капиталов из производственной сферы в сферу спекулятивных биржевых операций.

Снижение товарных цен, по мнению Н. Д. Кондратьева, приводит к росту относительной стоимости золота. Возникает стремление увеличить его добычу. Появление дополнительного денежного металла способствует росту свободного ссудного капитала, и, когда его накапливается достаточное количество, рождается возможность новой радикальной перестройки хозяйства.

Основными элементами внутреннего эндогенного механизма длинного цикла, выделенными Н. Д. Кондратьевым, являются следующие:

1. Капиталистическая экономика представляет собой движение вокруг нескольких уровней равновесия. Равновесие «основных капитальных благ» (производственная инфраструктура плюс квалифицированная рабочая сила) со всеми факторами хозяйственной и общественной жизни определяет данный технический способ производства. Когда это равновесие нарушается, возникает необходимость в создании нового запаса капитальных благ.
2. Обновление «основных капитальных благ» происходит не плавно, а толчками. Научно-технические изобретения и нововведения при этом играют решающую роль.
3. Продолжительность длинного цикла определяется средним сроком жизни производственных инфраструктурных сооружений, которые являются одним из основных элементов капитальных благ общества.
4. Все социальные процессы (войны, революции, миграции населения) являются результатом преобразования экономического механизма.
5. Замена «основных капитальных благ» и выход из длительного спада требуют накопления ресурсов в натуральной и денежной форме. Когда это накопление достигает достаточной величины, возникает возможность радикальных инвестиций, которые выводят экономику на новый подъем³.

³ Кондратьев Н. Д. *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения*.

Исследования длинных волн продолжают как экономистами марксистского толка, так и немарксистскими учеными. Среди этих теорий выделим следующие.

Инновационная теория была разработана австрийским экономистом Й. Шумпетером, который одним из первых воспринял и применил идею циклов Н. Д. Кондратьева. Свои взгляды он изложил в книге «Теория экономического развития», вышедшей в 1913 г. К последователям инновационного направления в теории длинных волн также относят таких ученых, как Саймон Кузнец, Герхард Менш, Альфред Клайнкнехт, Джакоб Ван Дайн.

Теория перенакопления в капитальном секторе. Концепция длинных волн была разработана в середине 70-х годов в Массачусетском технологическом университете под руководством профессора Джея Форрестера. Он констатировал, что изменения предыдущих двадцати лет в экономике не укладывались в динамику среднесрочного цикла, поэтому внимание уделялось долгосрочным колебаниям. Была разработана сложная математическая модель, уравнения которой выведены в результате опроса бизнесменов, финансистов, политических деятелей, и в дальнейшем применялось компьютерное моделирование⁴.

⁴ Форрестер Д. *Мировая динамика*.

Другая группа исследований основывается на рассмотрении теорий длинных волн с точки зрения *закономерностей рабочей силы*. Последователи этой теории интегрировали фактор влияния рабочей силы на длинные волны с каким-либо еще фактором. Одним из таких ученых является Кристофер Фридмен, совместивший инновационные идеи с проблемами занятости и социальными аспектами.

К. Фридмен возглавлял рабочую группу, проводившую исследования в этой области в 1970–1984 гг. По их мнению, центральным фактором при формировании длительных колебаний во всех сферах экономической жизни являются инновации. Однако занятость не только выступает как следствие, но и является переключателем экономической активности в нижнюю позицию.

**ЦЕНТРАЛЬНЫМ ФАКТОРОМ ПРИ
ФОРМИРОВАНИИ ДЛИТЕЛЬНЫХ
КОЛЕБАНИЙ ВО ВСЕХ СФЕРАХ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЯВ-
ЛЯЮТСЯ ИННОВАЦИИ**

Механизм, благодаря которому занятость становится таким переключателем, можно представить следующим образом. Введение новых технологий вызывает к жизни новые отрасли. На ранних стадиях применения пионерских технологий спрос на рабочую силу носит ограниченный или интенсивный характер. Это происходит в силу того, что объемы нового производства еще не велики и требуется не массовая, а особо квалифицированная, уникальная рабочая сила. Постепенно увеличиваются объемы производства и акцент

делается на капиталосберегающей технике, спрос на рабочую силу начинает увеличиваться. Этот рост продолжается до насыщения спроса как на рабочую силу, так и на соответствующие товары. Параллельно растет заработная плата и увеличиваются издержки. Возникает необходимость трудосберегающих инноваций. Происходит отток рабочей силы, снижение заработной платы и общего спроса, т. е. спад в экономике.

В данных теориях цены товаров либо не рассматривались совсем, либо играли роль индикаторов процессов, происходящих в сфере производства. Однако процесс ценообразования и динамика цен имеют прямое отношение к объяснению долговременного цикла и его поворотных точек. Тем более, что исторически длинные колебания впервые были замечены при изучении динамики цен.

Одним из сторонников *ценового направления в объяснении длинных волн* является Уолт Уитмен Ростоу. Этот вопрос рассматривался им в книге «Почему бедные становятся богаче, а богатство растет медленнее», вышедшей в 1980 г.

ПРОЦЕСС ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ И ДИНАМИКА ЦЕН ИМЕЮТ ПРЯМОЕ ОТНОШЕНИЕ К ОБЪЯСНЕНИЮ ДОЛГОВРЕМЕННОГО ЦИКЛА И ЕГО ПОВОРОТНЫХ ТОЧЕК

По словам У. Ростоу, изменения в спросе и предложении сырья и пищевых продуктов, а также цен на них сказываются на инновационной активности, которая определяет последовательность лидирующих отраслей и сама зависит от них. Кроме того, большое влияние оказывают демографические факторы, жилищное строительство, изменение структуры рабочей силы. Эти три момента неразрывно связаны друг с другом. Выделяя и объединяя их, У. Ростоу пытается интегрировать в своей теории длинных волн три направления: аграрно-ценовое, инновационно-инвестиционное и демографическое. Далее У. Ростоу анализирует длинные волны Н. Д. Кондратьева, стремясь проследить взаимосвязь трех выделенных им явлений в каждом из циклов⁵.

Также к сторонникам ценовой концепции длинных волн относят американского ученого Брайана Берри.

Среди ученых существует позиция, согласно которой считается, что будущее в исследовании длинных волн принадлежит *интегрированию различных монокаузальных (однопричинных) моделей*.

Одним из убежденных сторонников этой концепции является бельгийский ученый Йос Дельбеке. Он видит будущее в объединении усилий теоретиков по трем направлениям.

Во-первых, многие монокаузальные модели, в принципе, совместимы. В качестве примера он приводит построения

⁵ Rostow W. W. *Politics and the Stages of Growth*.

французского исследователя А. Пиатье, который считает, что при изучении длительных колебаний нужно опираться на процессы, порождающие среднесрочные колебания, принимать во внимание инновационные аспекты, социальные и политические проблемы. Он говорит, что при изменении производственной системы изменяется вся окружающая ее среда: экология, управление, образовательная система, инфраструктура.

Во-вторых, в четвертой волне Н. Д. Кондратьева мир дошел в своем развитии до такого состояния, когда необходимы меры решительной государственной политики для ослабления последствий структурной перестройки и длительной депрессии в различных капиталистических странах. Многие из теоретиков длинных волн дают политикам рекомендации, которые часто противоречат друг другу. Необходимо объединить усилия для выработки координированной политики.

ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДЛИТЕЛЬНЫХ КОЛЕБАНИЙ НУЖНО ОПИРАТЬСЯ НА ПРОЦЕССЫ, ПОРОЖДАЮЩИЕ СРЕДНЕСРОЧНЫЕ КОЛЕБАНИЯ, ПРИНИМАТЬ ВО ВНИМАНИЕ ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В-третьих, хотя длительные колебания – феномен, несомненно, присущий, в первую очередь, развитым капиталистическим странам, современный мир стал настолько взаимосвязанным, что необходима общая теория, раскрывающая законы его взаимодействия. Экономическое развитие и разумная экономическая политика внутри каждой страны невозможны без учета этих законов⁶.

В связи с гипотезой «больших циклов» по-прежнему актуальным остается вопрос относительно использования «конъюнктурного» подхода или «воспроизводственного». При воспроизводственном подходе цикличность неотделима от кризисности и выступает формой проявления последней. При «конъюнктурном», напротив, цикличность воспринимается отдельно от кризисности и выступает как самостоятельный объект изучения.

Чтобы разобраться в данном противостоянии, надо обратиться к истокам возникновения данных подходов и заново проверить аргументы сторонников цикличности. «Конъюнктурная» гипотеза до сих пор остается статистически недоказанной, хотя с момента ее выдвижения Н. Д. Кондратьевым времени прошло достаточно. Статистики прибавилось, а доказательства не умножились. Проблему не снимает и современная литература. При тщательной проверке на основе аналитического метода не устояло ни одно из рассмотренных доказательств. Метод Н. Д. Кондратьева оказался примечателен не циклами, а дефектами и ошибочной подменой ими

⁶ *Delbeke J. Trendperioden in de geldhoeveelheid van België...*

исторически складывающейся динамики изучаемых элементов капиталистического хозяйства. Такая подмена составила основную *методическую* ошибку его исследования.

«Большие циклы», как установлено, были выявлены именно в интерполяционных дефектах, поэтому именно дефекты послужили истинным источником цикличности. Иного происхождения расчетная проверка у нее не обнаружила. Подлинная экономическая динамика к ее происхождению точно не причастна.

В работе С. Губанова отмечается: «... как и следовало ожидать, цикличность не может быть самостоятельным объектом научного исследования, она производна от кризисности капиталистического способа производства и вторична по отношению к ней. Пока нет удовлетворительной теории кругооборота кризисности, до тех пор не будет и сколько-нибудь научной теории цикличности. Перемещение фокуса с кризисности на цикличность, во-первых, всегда и заведомо безуспешно, ибо сущность и видимость не совпадают; во-вторых, непродуктивно для приращения знаний о реальном механизме кризисного функционирования капиталистического способа производства. Акцент на цикличности, равносильный выдвигению на передний план формы вместо содержания и вторичного вместо первичного, явился основной *методологической* ошибкой кондратьевского исследования»⁷.

Из всех работ, посвященных теории кризисов, выделим также одну, в которой впервые наиболее полно сформулированы ее основы как часть общей теории систем – «Тектологию» А. А. Богданова.

А. А. Богданов дает общее определение кризиса как смены организационных форм комплекса (под комплексом он понимает то, что теперь называется системой), переход ее в новое состояние или уход со сцены. Кризисы всеобщи, присущи динамике любых систем в природе и обществе. А. А. Богданов признавал всеобщность циклических или колебательных процессов: «Мы уже не раз отмечаем колоссальную распространенность по всей линии бытия процессов «циклических» или «колебательных» ... нам часто приходится открывать момент цикличности, повторения или, точнее, сходства разделенных промежутками фаз какого-либо процесса там, где раньше его не замечалось».

А. А. Богданов выделял два типа кризисов в динамике систем: ««кризисы С» – конъюгационные, соединительные – образование новых связей; «кризисы Д» – разделительные – разрыв связей, создание новых границ там, где их прежде не было». Однако границы между ними условны: «... каждый

⁷ Губанов С. Цикличность – форма кризисности.

кризис в действительности представляет цепь элементарных кризисов того и другого типа... Исходный пункт всегда С, конечная фаза всегда Д. Схема одна – СД, подразумевая, конечно, под каждым из двух знаков не единичный элементарный кризис, а целые переплетающиеся их ряды»⁸.

⁸ Богданов А. А. Тектология...

Кризис переживает несколько стадий в своей динамике.

1. Латентный, скрытый период, когда его предпосылки назревают, но еще не прорываются наружу; этот период совпадает с завершающим этапом фазы стабильного развития (зрелости) уходящего цикла и началом рождения в его недрах последующего цикла.
2. Период обвала, взрыва, стремительного обострения всех противоречий, резкого ухудшения всех показателей динамики количественно преобладающей, но уже обреченной системы, а заодно и надсистемы. В этот период набирают силу, открыто проявляются и вступают в борьбу элементы следующей системы, представляющей будущее. Нарушается устойчивость и возрастает альтернативность вариантов развития надсистемы. Возможны и зигзаги, отступления, задержки в выходе из кризиса.
3. Период смягчения кризиса, создания предпосылок для его преодоления, перехода к фазе депрессии, обеспечивающей временное равновесие (на нижнем уровне) между потерявшей свою былую силу системой и утвердившейся, показавшей свою силу новой, которая на фазе оживления (когда кризис и депрессия уже позади) становится господствующей, преобладающей и готовится к новому скачку своего подъема, расцвета.

Длительность этих периодов, как и самого кризиса, неодинакова, исход нельзя считать заранее точно предопределенным. Как и во всякой борьбе, возможны варианты, но на общем пути прогресса.

Обратим внимание, что вообще изучение экономических кризисов сравнительно неразвито из-за того, что кризисы трудно формально моделировать. Существует несколько разрозненных моделей, по большей части в анализе платежного баланса и банковских проблем. Большинство работ по кризисам представляет собой, скорее, приведение исторических примеров, а не строгие причинно-следственные связи.

Несмотря на эту неформальность, большинство влиятельных ученых, таких, как Мински и Киндлбергер, настаивают на том, что существует общая модель кризиса, и деление кризисных проблем на различные подгруппы является ошибкой.

⁹ Kindleberger C. *The World in Depression...*

В частности, Киндлбергер остро критиковал мысль, что ««род кризисов» должен быть поделен на виды, называемые коммерческими, индустриальными, денежно-кредитными, банковскими, фискальными, финансовыми... и так далее»⁹. Данные ученые утверждают, что существует стандартная легенда кризиса, когда наивные инвесторы приходят на рынок каких-либо активов в уверенности, что они смогут выиграть от роста цен, и своими действиями усиливают этот рост; затем они все вместе обращаются в паническое бегство, когда цены стабилизируются или начнут снижаться, чем обуславливают крах цен. Этот крах через различные каналы дестабилизирует макроэкономику.

БОЛЬШИНСТВО ВЛИЯТЕЛЬНЫХ УЧЕНЫХ, ТАКИХ, КАК МИНСКИ И КИНДЛБЕРГЕР, НАСТАИВАЮТ НА ТОМ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ ОБЩАЯ МОДЕЛЬ КРИЗИСА, А ДЕЛЕНИЕ КРИЗИСНЫХ ПРОБЛЕМ НА РАЗЛИЧНЫЕ ПОДГРУППЫ ЯВЛЯЕТСЯ ОШИБКОЙ

Теория Х. Ф. Мински, объясняя основные причины кризиса, исходит из того, что наблюдавшийся на рубеже веков длительный подъем был достигнут благодаря специфическим сочетаниям развития «новой экономики», бурных финансовых инноваций и процессов глобализации. Все это привело к небывалому росту степени финансовой хрупкости во всей мировой экономике. Такой подъем усыпил бдительность хозяйствующих субъектов во всем мире, которые набрали много «сомнительных» дол-

гов и стали неликвидными и неплатежеспособными. Поэтому кризис оказался закономерной расплатой, т. е. это следствие функционирования и эволюции институтов позднеиндустриальной денежной экономики¹⁰.

¹⁰ Minsky H. P. *Stabilizing an Unstable Economy*.

Современные подходы к изучению причин кризиса основываются на необходимости выделения двух типов международных финансовых кризисов. Первый тип предполагает потерю доверия спекулянтов к национальной валюте, что приводит к бегству капитала. Так как валютные кризисы часто ведут к введению контроля над капиталом, что мешает обслуживанию долгов в иностранной валюте, потеря доверия к национальной валюте часто сопровождается также крахом заимствований в иностранной валюте.

Другой тип кризиса связан с потерей доверия не к валюте, а к реальным активам (или к ценным бумагам на эти активы).

Существуют важные различия в изучении валютных и заразных кризисов. Валютные кризисы неизбежно вовлекают центральный банк кризисной страны; заразные кризисы требуют определенного действия либо бездействия центрального банка, однако его роль не настолько важна. Валютные кризисы были объектом довольно большого количества теоретической литературы, тогда как заразные кризисы не рассматривались.

Это различие появилось частично потому, что можно представить валютные кризисы при рациональном поведении индивидуальных инвесторов, когда центральный банк играет роль наивного игрока. При этом сохраняется традиционное предположение рациональности всех экономических участников. Однако совершенно невозможно понять крах цен на активы, являющийся началом заразного кризиса, без допущения иррациональности некоторых инвесторов.

Наконец, макроэкономика валютных и заразных кризисов различна. Хотя оба они ведут к рецессии, валютные кризисы связаны с инфляцией в странах-жертвах, а заразные кризисы связаны с всемирной дефляцией.

Валютные кризисы происходят, когда инвесторы теряют доверие к валюте определенной страны и пытаются избавиться как от активов, номинированных в этой валюте, так и от активов, доход по которым может неблагоприятно измениться из-за валютного контроля.

Явные или неявные цели для валютного курса это, скорее, правило, а не исключение. Относительно малые колебания валютных курсов могут стать информацией, которая приведет к большим изменениям курса.

Новая литература о целевых зонах показала, что внезапные кризисы в условиях плавающего курса не обязательно происходят по причине иррациональности инвесторов. Это полезное возражение против моделей в стиле Киндлбергера, которые делают особое ударение на мании и паники. Однако нельзя отрицать, что иррациональные кризисы тоже возможны.

Заразный кризис происходит, когда финансовый крах в одной стране (обычно фондовый крах) ускоряет финансовый крах в других странах и порождает всемирную рецессию. До Второй мировой войны заразные кризисы были обычным делом. С тех пор чистых примеров не было. Две большие рецессии 1974–1975 и 1979–1982 гг., хотя и были синхронны по всему миру, произошли не от финансовой паники, а от нефтяного шока (вследствие политической неразберихи) и от одновременных усилий всех индустриальных стран по сдерживанию инфляции с помощью политики дорогих денег. Крах фондового рынка в 1987 г. произошел одновременно в нескольких странах, однако он не породил никакого сокращения экономики. Поэтому изучение заразных кризисов вынуждено сфокусироваться на довольно отдаленных исторических событиях, произошедших в 1929–1932 гг.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЦЕЛЕВЫХ ЗОНАХ ПОКАЗАЛА, ЧТО ВНЕЗАПНЫЕ КРИЗИСЫ В УСЛОВИЯХ ПЛАВАЮЩЕГО КУРСА НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРОИСХОДЯТ ПО ПРИЧИНЕ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ ИНВЕСТОРОВ

Современная глобальная финансовая система предоставляет развитым странам «иммунитет» или некое «преимущество», которое обеспечивает им стабильный рост даже во время финансовых бурь. Ключевым фактором в этом вопросе является насыщенность страны капиталом. Центр – это всегда поставщик капитала, а периферия – его реципиент. Изменение готовности центра поставлять капитал оборачивается для стран периферии экономическими потрясениями. Поэтому отношения между центром капиталистической системы и ее периферией совершенно неравноправны. Страны центра

**ГЛАВНОЕ ОТЛИЧИЕ КРИЗИСОВ
В ЦЕНТРЕ И НА ПЕРИФЕРИИ ЗА-
КЛЮЧАЕТСЯ В СПОСОБЕ ВЫХО-
ДА ИЗ НЕГО**

не только намного богаче, но и живут в условиях большей стабильности, поскольку являются хозяевами собственной судьбы. То обстоятельство, что капитал находится в собственности иностранцев, лишает страны периферии самостоятельности и часто препятствует развитию в них демократических институтов. Международное движение капиталов подвержено катастрофическим сбоям, вследствие чего развивающимся странам бывает трудно удержать у себя капитал. Даже отечественные собственники капитала предпочитают размещать его в более безопасных местах. Недостаток капитала приводит к неспособности должников периферии обслуживать свои долги, и происходят финансовые кризисы.

Главное отличие кризисов в центре и на периферии заключается в способе выхода из него. В развитых странах существует эффективная процедура банкротства несостоятельных должников, в ходе которой должник расплачивается с кредиторами своим имуществом. Если имущества должника недостаточно для покрытия его обязательств перед кредиторами, то остаток долга просто списывается и ложится убытком на баланс кредитора. Обанкротившееся и обновленное предприятие заново приступает к деятельности уже без долгового бремени. Таким образом, ответственность делится между должником и кредитором примерно в равной степени. В развивающихся странах ситуация совсем другая. Чаще всего заемщиком или гарантом по займу выступает правительство. Суверенное государство нельзя подвергнуть процедуре банкротства, а на добровольное списание долгов кредиторы идут очень редко. Поэтому подавляющее большинство развивающихся стран находится под тяжким бременем старых долгов, которые, скорее всего, никогда не будут полностью погашены. Функционирование международной финансовой системы, включая деятельность МВФ, полностью направлено на поддержку кредиторов. Это приводит

к проблеме морального риска, т. е. ситуации, когда кредиторы поставляют ссудный капитал, пренебрегая серьезным неустойчивым положением должника в надежде на помощь международных финансовых организаций в случае кризиса. Ответственность в полной мере ложится на заемщика.

Можно выделить три причины, по которым суверенный заемщик не будет в одностороннем порядке отказываться от своих внешних долгов, т. е. объявлять дефолт.

Во-первых, существует опасность ареста всех зарубежных активов заемщика, принадлежащих как государству, так и частным институциональным единицам.

Во-вторых, страна, объявляющая дефолт по своим внешним обязательствам, будет в будущем надолго исключена из международного рынка ссудных капиталов. В условиях «инвестиционного голода» недоступность международного капитала может иметь критическое значение для развития экономики страны.

В-третьих, в связи с возможностью ареста зарубежных активов заемщика тормозится развитие внешней торговли. Следовательно, выгоды от международного обмена товарами и услугами существенно снижаются.

Таким образом, суверенному заемщику выгоднее привлекать дополнительные ресурсы из-за рубежа для покрытия своих старых обязательств, т. е. строить «финансовую пирамиду» национального масштаба, чем отказываться от долгов. Вероятность дефолта низка, если чистый приток ресурсов в страну положителен. Отказ от долгов имеет смысл только тогда, когда чистый перевод ресурсов в страну меньше нуля¹¹.

Ученые детализировали основы антикризисной экономической политики государств, квинтэссенцией ее можно считать сформулированное во второй половине 1960-х гг. американским нобелевским лауреатом Эдмундом Фелпсом так называемое «золотое правило» экономического роста. Оно утверждает, что для максимизации совокупного потребления (в долгосрочном плане) следует поддерживать норму чистых инвестиций (приращение основного капитала, деленное на размер этого капитала), равной норме отдачи на капитал (отношение прибыли к капиталу). Логика проста: если инвестиций делается больше означенного уровня, то это наращивает производственные мощности выше возможностей спроса, что приводит к (дефляционному) кризису перепроизводства;

СУВЕРЕННОМУ ЗАЕМЩИКУ ВЫГОДНЕЕ ПРИВЛЕКАТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ИЗ-ЗА РУБЕЖА ДЛЯ ПОКРЫТИЯ СВОИХ СТАРЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, Т. Е. СТРОИТЬ «ФИНАНСОВУЮ ПИРАМИДУ» НАЦИОНАЛЬНОГО МАСШТАБА, ЧЕМ ОТКАЗЫВАТЬСЯ ОТ ДОЛГОВ

¹¹ Кругман П. *Международная экономика...*

в противном случае, напротив, производственные мощности недостаточны для удовлетворения имеющегося спроса, что порождает упорную инфляцию и, как следствие, ряд негативных процессов (взлет процентных ставок, кредитный коллапс и т. д.), все равно приводящих к спаду экономики.

Выходит, существует некая (меняющаяся) оптимальная траектория развития экономики, говоря математическим языком, «магистраль», которой следует придерживаться, не допуская ни перегрева экономики, ни проедания накопленного капитала. Для этого нужно проводить контртрендовую политику – т. е. действовать в противофазе состоянию экономического цикла: когда идет рост и бизнес активно инвестирует, следует поднимать налоги и делать

СУЩЕСТВУЕТ НЕКАЯ (МЕНЯЮЩАЯСЯ) ОПТИМАЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ, ГОВОРЯ МАТЕМАТИЧЕСКИМ ЯЗЫКОМ, «МАГИСТРАЛЬ», КОТОРОЙ СЛЕДУЕТ ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ, НЕ ДОПУСКАЯ НИ ПЕРЕГРЕВА ЭКОНОМИКИ, НИ ПРОЕДАНИЯ НАКОПЛЕННОГО КАПИТАЛА

кредит дороже, дабы уменьшить норму капиталовложений и тем не допустить инвестиционного перегрева экономики; а когда наблюдается циклический спад, разумно, напротив, смягчать фискальную и денежную политику для стимулирования просевшего спроса и, следовательно, повышения упавшей нормы отдачи на капитал. Иначе говоря, что бы ни происходило, надо возвращать экономику к оставленной было ею «магистрали», ибо в дол-

госрочном плане это принесет наилучшие плоды. Обычно такую тактику называют «кейнсианской» (не вполне верно, но характерно, что сам Кейнс писал, прежде всего, о мерах стимулирования спроса в фазе низкой экономической активности, а не о противоположной ситуации).

Капиталистическая экономика существует в историческом времени, в котором «... прошлое дано и не может быть изменено, а будущее неопределенно и не может быть известно». Поэтому в таком времени, в отличие от логического времени, нельзя двигаться из будущего в прошлое. Для защиты от присущей историческому времени неопределенности будущего создается абсолютно ликвидный и надежный актив – деньги. Но «... деньги нельзя производить по желанию»¹². Поэтому увеличение (сокращение) спроса на них, происходящее за счет сокращения (увеличения) спроса на производственные активы, создающие национальный доход и занятость, приводит к спаду (оживлению) в экономике. Так закладываются основы для циклического характера динамики капиталистической экономики. Эта цикличность усугубляется сложными финансовыми отношениями, позволяющими, с одной стороны, финансировать большой объем инвестиций в фазе оживления, а с другой

¹² Кейнс Дж. М. *Общая теория занятости, процента и денег.*

стороны, становящимися причиной тяжелого долгового бремени инвесторов в фазе спада. Таким образом, в теории Дж. М. Кейнса содержатся утверждения о внутренне присущей капиталистическому хозяйству циклической нестабильности¹³.

Используя идеи Дж. М. Кейнса, П. Самуэльсон в своих работах утверждал, что такие макроэкономические проблемы, как депрессия и инфляция, могут быть решены также средствами государственной бюджетной и кредитно-денежной (монетарной) политикой, ибо последняя позволяет объяснить возникновение экономических циклов периодическими эндогенными и экзогенными нарушениями равновесия на денежном рынке. Тем более, что при совместном рассмотрении действия экзогенных и эндогенных, объективных и субъективных конъюнктурообразующих факторов хорошо прослеживается наблюдаемое в действительности непостоянство длительности и структуры экономических циклов¹⁴.

«Источники современного кризиса, – как отмечается в докладе МВФ, – возникли в годы высокого экономического роста и низких процентных ставок, которые породили чрезмерный оптимизм и принятие рисков, вызвали сбои в широком диапазоне областей – рыночной дисциплине, макроэкономической политике и глобальном надзоре... Несбалансированные стимулы привели к чрезмерному увеличению доли заемных средств и принятию риска, появлению новых и сложных финансовых инструментов, которые были малопонятны... После начала кризиса ответная реакция политики затруднялась раздробленными структурами регулирования, неадекватным раскрытием информации о рисках и недостатками систем кризисного управления и санации банков, особенно в стрессовых ситуациях, имеющих трансграничный характер»¹⁵.

Изложенное выше показывает, что экономическая действительность слишком многовариантна и скорость ее изменения опережает темп ее изучения. Изменчивость экономических реалий отчасти коренится в обратном влиянии экономических теорий на экономическое поведение. Однако рыночная экономика едина, и никакие особенности разных стран не могут преодолеть это единство. Поэтому в борьбе с кризисом каждая страна применяет абсолютно идентичный набор рыночных инструментов. Если финансовый кризис требует улучшения финансовой системы страны как части экономики, то экономический кризис требует преобразования всей экономики, а это дело, как правило, гораздо сложнее и продолжительное. Нужна адекватная концепция экономического развития. Она должна

¹³ Розмаинский И. В. Вклад Х. Ф. Мински в экономическую теорию и основные причины кризисов в позднеиндустриальной денежной экономике.

¹⁴ Самуэльсон П. Экономика.

¹⁵ Первые уроки кризиса...

быть подчинена здоровому практицизму, исходить из понимания цикличности развития и тех определяющих факторов, которые обеспечивают не только выживание страны, но и ее поступательное развитие на основе новых технологических, управленческих, организационных и кадровых инноваций.

Уязвимость макроэкономической системы со стороны риска возникновения кризиса вызывает необходимость построения системы раннего его предупреждения. Поэтому рассмотренные выше подходы к исследованию природы и истоков кризисов, на наш взгляд, позволяют подойти к разработке и построению комплексной системы их прогнозирования и предотвращения

УЯЗВИМОСТЬ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СО СТОРОНЫ РИСКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ КРИЗИСА ВЫЗЫВАЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ РАННЕГО ЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

на основе своевременных и эффективных антикризисных мер. С методической точки зрения это достижимо, если учитывать, что в экономической теории получили дальнейшее развитие математический инструментарий и на его основе возможности углубленного исследования и обобщения базовых моделей; методология анализа многоаспектных сфер экономической жизни; системы накопления эмпирических данных; коллективный характер обобщающих работ; теории, опирающиеся не на априорные зависимости между макропеременными, а на поведенческие модели агентов и теорию общего равновесия; интернационализация экономической науки и новые технологии обмена информацией.

Однако отсутствие в современной экономической теории фундаментальных законов или закономерностей универсального характера не позволяет в достаточной мере получать ответы и решения, которые бы реально отражали складывающиеся ситуации в национальной и мировой экономике на определенном этапе их развития. Многомерность и неопределенность экономических процессов методологически требуют поиска новых фундаментальных способов их решения, в том числе и в отношении прогнозирования экономических кризисов.

На наш взгляд, в этом отношении перспективными могут быть подходы, основанные на использовании метода Отта-Грегори-Йорке, Форсайт-методов, инструментария фрактального анализа и т.п. При всем разнообразии разработанных и получивших известность методов и моделей сегодня складываются условия, при которых можно достаточно объективно исследовать природу и истоки кризисов, оценить перспективы возможного их появления и успешного преодоления.

Список использованных источников

1. Большой энциклопедический словарь / редкол.: А. М. Прохоров (гл. ред.) [и др.]. – М.: Большая российская энциклопедия. – СПб.: АО «Норинт», 1997.
2. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Н. Д. Кондратьев. – М.: Экономика, 2002.
3. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития / Й. А. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982.
4. Форрестер, Д. Мировая динамика / Д. Форрестер. – М.: АСТ, 2003.
5. Rostow, W. W. Politics and the Stages of Growth / W. W. Rosow. – L.: Cambridge, 1971.
6. Delbeke, J. Trendperioden in de geldhoeveelheid van België, 1877–1983: een theoretische en empirische analyse van de «banking school» hypothese / J. Delbeke. – Belgium: Bierbeek, 1986.
7. Губанов, С. Цикличность – форма кризисности / С. Губанов // Экономист. – 1999. – № 1. – С. 63–75.
8. Богданов, А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука / А. А. Богданов. – М.: Экономика, 1989.
9. Kindleberger, C. The World in Depression, 1929–39 / C. Kindleberger. – Berkeley: University of California Press, 1973.
10. Minsky, H. P. Stabilizing an Unstable Economy / H. P. Minsky. – New Haven: Yale University Press, 1986.
11. Кругман, П. Международная экономика: теория и практика / П. Кругман, М. Обстфельд. – М.: Экономический факультет МГУ, 1997.
12. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М.: Прогресс, 1978.
13. Розмаинский, И. В. Вклад Х. Ф. Мински в экономическую теорию и основные причины кризисов в позднеиндустриальной денежной экономике / И. В. Розмаинский // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2009. – Т. 7. – № 1. – С. 31–42.
14. Самуэльсон, П. Экономика / П. Самуэльсон, В. Нордхаус. – 18-е изд. – М.: МГУ, 2007.
15. Первые уроки кризиса: док. Международного валютного фонда 6 февраля 2009 г. [Электронный ресурс] / Международный валютный фонд. – Режим доступа: imf.org/external/russian/np/pp/2009/020609r.pdf. – Дата доступа: 15.12.2009.

Дата поступления в редакцию 29.03.2010.

А. В. Ананько

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ, ПОРОЖДАЮЩИЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Ананько Андрэй Уладзіміравіч – старшы выкладчык кафедры фінансавага права БПП. Сфера навуковых інтарэсаў – грамадзянскае права. Мае шэраг публікацый на дадзенай тэматыцы.

Исследование электронных гражданских правоотношений невозможно без изучения юридических фактов, порождающих такие отношения. Их выделение в качестве отдельного вида среди гражданских правоотношений обусловлено наличием ряда особенностей, как внутренних (характеризующих структурные элементы), так и внешних (касающихся юридических фактов). Поэтому целью настоящей работы является исследование юридических фактов, порождающих электронные гражданские правоотношения. В связи с этим будут решены следующие задачи: проанализированы подходы к определению правовой природы юридического факта касательно электронных гражданских правоотношений; исследованы особенности отдельных видов юридических фактов, касающихся гражданских правоотношений в Интернете; проведена их классификация.

Наряду с такими правовыми константами, как нормы права и правоспособность (правосубъектность), переменной величиной среди предпосылок возникновения гражданских правоотношений выступает юридический факт¹. Исследование показало, что при всем многообразии подходов к определению правовой природы юридических фактов имеется единство понимания данной категории². В Беларуси пока отсутствует законодательно закрепленное понятие «юридический факт», хотя в ст. 7 Гражданского кодекса (далее – ГК) «законодатель использует казуальный метод перечисления юридических фактов, без раскрытия их общих признаков»³.

¹ Толстой Ю. К. *К теории правоотношения*. С. 1.

² *Гражданское право: учебник*. С. 459.

³ Синюков В. Н. *Юридические факты в системе общественных отношений*. С. 17.

Традиционно юридические факты принято делить в зависимости от связи с поведением участников правоотношения на события (абсолютные и относительные⁴) и действия.

Следует отметить, что не все перечисленные в ст. 7 ГК юридические факты влекут возникновение электронных гражданских правоотношений. Основаниями их возникновения в большинстве случаев выступают действия, так как виртуальное пространство по своей сущности является пространством, объединяющим деятельность людей и лишь косвенно зависящим от воздействия природных сил, поскольку изначально Интернет создавался способным обеспечить связь даже во время войны и в условиях применения оружия массового поражения⁵. Поэтому абсолютные события (т. е. имеющие природный характер), как правило, неспособны порождать электронные гражданские правоотношения, так как виртуальное пространство в своей основе является технологической средой, созданной человеком, в отличие от материального пространства, которое является частью природной среды и нередко зависит от нее. По этой причине отношения в виртуальном пространстве не зависят от природных сил напрямую, за исключением отдельных электронных гражданских правоотношений, которые зависят от природных сил только в той части, которая существует в материальной среде.

Относительные события, выступающие в качестве юридических фактов для виртуального пространства, можно разделить на: 1) идеальные, т. е. воздействующие на сознание субъектов (в частности, изменение законодательства), и 2) материальные, т. е. воздействующие на правоотношения физически и связанные с деятельностью третьих лиц, которые технически обеспечивают доступ в виртуальное пространство либо функционирование технической основы ресурсов Интернета.

Таким образом, события, выступающие в качестве юридических фактов применительно к электронным гражданским правоотношениям, имеют относительный характер и могут проявляться в идеальной или материальной форме.

Рассматривая действия в качестве юридических фактов, следует отметить, что они представлены в форме сделок, деятельности по созданию виртуальных квазивещей и объектов авторского и смежного права, а также неправомерными внедоговорными действиями. Иными словами, электронные правоотношения порождаются волевыми действиями субъектов

⁴ Красавчиков О. А. *Юридические факты в советском гражданском праве*. С. 160–170;

Исаков В. Б. *Юридические факты в советском праве*. С. 38.

⁵ Тедеев А. А. *Информационное право: право Интернета*. С. 13–14.

СОБЫТИЯ, ВЫСТУПАЮЩИЕ В КАЧЕСТВЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ЭЛЕКТРОННЫМ ГРАЖДАНСКИМ ПРАВООТНОШЕНИЯМ, ИМЕЮТ ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И МОГУТ ПРОЯВЛЯТЬСЯ В ИДЕАЛЬНОЙ ИЛИ МАТЕРИАЛЬНОЙ ФОРМЕ

права, направленными именно на возникновение определенного правоотношения или достижение определенной правовой цели, т. е. ими осознается наступление правовых последствий.

Акты органов государственной власти и управления могут выступать в качестве юридических фактов, порождающих, изменяющих или прекращающих электронные гражданские правоотношения, если данные акты имеют индивидуальный характер.

Что же касается судебного решения как юридического факта, то этот вопрос однозначно не решен в науке⁶. И хотя белорусский законодатель указал судебные решения среди прочих юридических фактов в ст. 7 ГК, однако, на наш взгляд, они таковыми не являются. Само по себе судебное решение имеет производный характер, поскольку оно, во-первых, востребовано в результате волевых действий субъектов гражданского правоотношения. Без обращения к судебной власти одной из заинтересованных сторон и участия в деле других заинтересованных лиц не может быть ни судебного разби-

рательства (ст. 6 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК), ст. 6 Хозяйственного процессуального кодекса (далее – ХПК)), ни судебного решения (ст. 294 ГПК, ст. 190 ХПК). Во-вторых, судебное решение является продолжением регулятивной деятельности государства. Как правило, квалификация юридических фактов осуществляется сторонами согласно норм права, и в случае несовпадения точек зрения субъектов возникает спор, который и разрешается судом. Тем самым государство устанавливает для каждого конкретного случая модель поведения субъектов в духе норм

права, установленных или санкционированных государством. Следовательно, судебное решение есть не что иное как акт государства, устанавливающий юридическую силу того или иного действия либо события или их совокупности, и тем самым определяющий модель правомерного поведения субъектов.

Из вышесказанного следует, что возникновение, изменение или прекращение электронных гражданских правовых отношений может быть обусловлено следующими видами юридических фактов: 1) юридическими актами (договорами и иными сделками; индивидуальными правовыми актами органов государства); 2) юридическими поступками (созданием виртуальных объектов, относящихся либо не относящихся к интеллектуальной собственности); 3) причинением

⁶ Красавчиков О. А. *Юридические факты в советском гражданском праве*. С. 138–139;

Добровольский А. А. *Основные проблемы исковой формы защиты права*. С. 80–81.

АКТЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ МОГУТ ВЫСТУПАТЬ В КАЧЕСТВЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ, ПОРОЖДАЮЩИХ, ИЗМЕНЯЮЩИХ ИЛИ ПРЕКРАЩАЮЩИХ ЭЛЕКТРОННЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ, ЕСЛИ ДАННЫЕ АКТЫ ИМЕЮТ ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

имущественного или морального вреда другому лицу; 4) безосновательным обогащением; 5) относительными событиями идеального или материального характера. Таким образом, юридические факты применительно к электронным гражданским правоотношениям – это относительные события (идеального или материального характера) или действия субъектов в виртуальном пространстве либо за его пределами, влекущие наступление в виртуальном пространстве определенных правовых последствий целиком либо в своей существенной части.

Рассматривая каждый из названных видов юридических фактов по отдельности, следует начать со сделок, составляющих значительную часть оснований возникновения, изменения или прекращения электронных гражданских правоотношений⁷. Технологическую основу совершения сделок в Интернете составляет электронный обмен данными, которому некоторыми авторами уделяется излишнее внимание. На наш взгляд, рассматривая электронные гражданские правоотношения, не стоит останавливаться на технических и технологических особенностях электронного обмена данными, который опосредует названные отношения. Проведя аналогию с материальным миром, стоит отметить, что никто не полемизирует по поводу сорта бумаги, на которой стороны составили и подписали договор.

В юридической литературе отмечаются следующие основные признаки сделки в Интернете: 1) действие; 2) волевой направленный характер; 3) правомерность⁸. Однако, на наш взгляд, это общие признаки сделки, которые выделены наукой гражданского права⁹, и они не зависят от того, где она совершена: в виртуальном или материальном пространстве. Специфику же электронной сделки отражает выражение волеизъявления субъекта или субъектов в виртуальном пространстве.

Одной из особенностей совершения электронных сделок является их фидуциарный характер, который обусловлен сложностью установления личности субъекта, что связано с отсутствием личного контакта и сложностью фиксации волеизъявления субъекта.

Согласно ст. 155 ГК электронные сделки делятся на договоры (двусторонние и многосторонние сделки) и односторонние сделки.

Понятие электронного договора можно рассматривать в широком и узком смыслах. В широком смысле электронный

⁷ Исманжанов А. А. *Правовые основы коммерческого обращения информационных продуктов в сети Интернет*. С. 7.

⁸ Малахов С. В. *Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет*. С. 113–115.

⁹ *Гражданское право: учебник*. С. 467–470.

¹⁰ Халиков Р. О. *Правовой режим электронного документа*. С. 169.

¹¹ Калимов Д. *Сделки в Интернете*. С. 51–52.

гражданско-правовой договор – это соглашение двух и более лиц, заключенное в виртуальном пространстве. В узком смысле электронный договор определяется как договор, заключенный путем обмена электронными документами, подписанными электронными цифровыми подписями сторон или иными аналогами собственноручной подписи¹⁰. В широком смысле понятие электронного договора объединяет договоры как в устной, так и в письменной форме, в узком же смысле подразумевается только разновидность письменной формы¹¹ (п. 2 ст. 161 ГК). Поэтому, на наш взгляд, более корректным является использование в юридической науке и практике понятия «электронный договор» в широком смысле, конкретизируя при этом его форму: электронный устный договор или электронный письменный договор. Это исключит двусмысленное толкование понятия «электронный договор».

Электронный устный договор, как правило, заключается в Интернете совершением конклюдентных действий. Данный способ заключения договора используется путем предоставления открытого доступа к виртуальным объектам, размещенным на веб-сайте. Сущность данного способа заключения договора в том, что, размещая виртуальные объекты на своем

ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ПУБЛИЧНЫЙ ИЛИ ПРИВАТНЫЙ ОБМЕН ЭЛЕКТРОННЫМИ ПИСЬМЕННЫМИ СООБЩЕНИЯМИ, А СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ НА ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ, ЯВЛЯЕТСЯ ЭЛЕКТРОННЫМ ПИСЬМЕННЫМ ДОГОВОРОМ

веб-сайте, его владелец предлагает абсолютно или относительно безвозмездно принять в собственность или использовать их, если иное специально не установлено владельцем сайта. При этом любой желающий заключить договор дарения (в качестве одаряемого) или безвозмездного пользования (в качестве пользователя) данным виртуальным объектом принимает его в собственность (копирует к себе на компьютер) или пользуется им (при этом невозможность копирования, как правило, технически и/или программно обеспечивается владельцем веб-сайта). Кроме того, развитие интернет-

технологий (например система <http://www.skype.com>) делает возможным заключение электронного договора при помощи голосового общения.

Некоторые авторы необоснованно считают, что электронный устный договор может быть заключен посредством интернет-конференций¹². Однако интернет-конференции представляют собой публичный или приватный обмен электронными письменными сообщениями, а, следовательно, электронный договор, заключенный на интернет-конференции, является электронным письменным договором.

¹² Сальникова Л. В. *Сделки в Интернете*. С. 98.

Электронные письменные договоры можно разделить на несколько видов:

1. Заключаемые посредством Интернета как средства связи, аналогичного факсу и т. п.¹³

2. Заключаемые в Интернете как виртуальном правовом пространстве. Для заключения договора offerent размещает публичную offeru в виде proformy (т. е. примерного договора) на веб-сервере. Любое лицо, желающее заключить такой договор на предложенных условиях, акцептует offeru путем заполнения формы договора и ее подписания.

3. Заключаемые в специализированных информационных компьютерных сетях. Пользователи специализированной информационной сети заключают между собой договоры в соответствии с правилами, установленными владельцем данной сети. Примером являются договоры, которые заключаются в ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа» через ее торговую систему, представляющую собой совокупность программно-технических средств, баз данных, телекоммуникационных средств и другого оборудования.

При анализе электронного письменного договора важными являются два взаимосвязанных аспекта: форма договора и порядок заключения.

Согласно ст. 11 Закона Республики Беларусь «Об электронном документе» недопустимо, чтобы факт заключения договора отрицался лишь на том основании, что он представляет собой компьютерную запись данных. К такому же заключению пришла и мировая практика в сфере электронной торговли (см. ст. 5 Модельного закона ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле»). Однако это касается лишь договоров, оформленных согласно требованиям, которые предъявляются к электронному документу (см. статьи 6–8 Закона Республики Беларусь «Об электронном документе»).

Электронный письменный договор, не имеющий электронной цифровой подписи, все же является документом. Это прописано в ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», где под документированной информацией понимается информация, зафиксированная на материальном носителе с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать. Это следует из гражданского процессуального и хозяйственно-процессуального законодательства, которое относит его к письменным доказательствам (ст. 192 ГПК; ст. 84 ХПК).

¹³ Сальникова Л. В. *Сделки в Интернете*. С. 98.

Согласно ст. 161 ГК договор, заключаемый в простой письменной форме, должен быть подписан сторонами, а также обеспечена его целостность и подлинность. Специфика электронного документа обуславливает невозможность его подписания в традиционном понимании, то есть проставления на нем собственноручной подписи. Для электронного документа больше подходит электронно-цифровая подпись (определение см. в ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об электронном документе»), использование которой допускается в некоторых случаях в качестве аналога собственноручной подписи (ст. 161 ГК). Электронно-цифровая подпись обеспечивает удостоверение информации, содержащейся в электронном договоре, а также подтверждает его подлинность и целостность (ст. 12 Закона Республики Беларусь «Об электронном документе»). Однако наличие электронной цифровой подписи необязательно для признания письменной формы соблюденной. Несмотря на то, что в статьях 6–8 Закона Республики Беларусь «Об электронном документе» установлено императивное правило, определяющее для электронного договора как разновидности электронного документа вполне определенную структуру, неотъемлемой и обязательной частью которой является электронно-цифровая подпись, форма договора относится к предмету правового регулирования гражданского права, а следовательно, согласно ч. 7 ст. 10 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» правило статьи 161 ГК имеет большую юридическую силу. Таким образом, договор в электронной письменной форме может быть подписан с помощью электронно-цифровой подписи либо иного аналога собственноручной подписи в случаях и порядке, предусмотренных законодательством или соглашением сторон.

Мировая практика следующим образом подходит к допустимости аналога собственноручной подписи (ст. 7 Модельного закона ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле»): 1) аналог должен достоверно идентифицировать участника сделки; 2) подписавшееся лицо согласно с информацией, содержащейся в сообщении; 3) аналог является надежным средством и соответствует цели, для которой обмен сообщениями был произведен, с учетом всех обстоятельств, включая текущие договоренности. Приведенные положения соответствуют белорусскому законодательству (см. п. 2 ст. 404 ГК).

Из вышесказанного следует, что договор, составленный в электронной форме и подписанный сторонами с помощью

электронно-цифровой подписи или иного аналога собственноручной подписи, является договором, заключенным в простой письменной форме.

Основными способами заключения электронного письменного договора являются: 1) присоединение к публичному договору; 2) согласование существенных условий в оферте и акцепте; 3) по результатам участия в интернет-аукционе.

Рассматривая присоединение к публичному договору, следует констатировать, что оферта представляет собой стандартную для оферента форму договора, размещенную согласно ст. 396 ГК на веб-сайте оферента – субъекта хозяйствования – для публичного ознакомления с ним и дающую возможность выразить акцепт одним нажатием клавиши манипулятора «мышь», то есть присоединиться к нему по ст. 398 ГК. Например, для заключения с УП «Надёжные программы» договора о порядке предоставления бесплатных услуг белорусским порталом TUT.BY достаточно, ознакомившись с ним на сайте по адресу <http://profile.tut.by/newtut.html>, выразить свое согласие нажатием установленной клавишей манипулятора «мышь», наведя указатель на поле с надписью «Я согласен с правилами».

Главной особенностью заключения электронного письменного договора путем согласования существенных условий в оферте и акцепте является размещение на веб-сайтах интернет-магазинов информации о товарах, которую согласно п. 1 ст. 407 ГК следует признавать предложением направлять оферты, адресованные неопределенному кругу лиц. И только если данная информация содержит существенные условия договора и из нее явствует воля продавца заключить договор на указанных условиях, то она должна рассматриваться согласно п. 2 ст. 407 ГК как публичная оферта.

Исследование показало, что следует согласиться с мнением российских ученых¹⁴ о том, что интернет-аукционы не являются аукционами согласно требованиям права. И, соответственно, договоры, заключенные на них и регулируемые белорусским правом, не подпадают под действие статей 417–419 ГК. Рассмотрим ситуацию на примере интернет-аукциона Allegro.by (<http://www.allegro.by>). Согласно статьям 417–419 ГК признаком, определяющим сущность аукциона, является принцип определения победителя торгов, с которым заключается договор. Из чего следует, что организация аукциона имеет вторичный характер для определения правовой природы торгов. Однако согласно ст. 419 ГК нарушение правил

¹⁴ Дмитрик Н. А. *Осуществление субъективных гражданских прав с использованием сети Интернет*. С. 92–93.

¹⁵ Регламент Интернет-аукциона Allegro.by.

торгов, установленных законодательством, может повлечь признание аукциона недействительным по требованию заинтересованной стороны, что вследствие может стать основанием для признания недействительными договоров, заключенных на таком аукционе. Как следует из правил интернет-аукционов¹⁵, понятие «торги» используется их владельцами для удобства понимания, а не в смысле, определенном белорусским законодательством, т. е. организаторы, хотя и используют понятийный аппарат, относящийся к аукционной форме заключения договоров, в правилах исключают действие норм белорусского законодательства о торгах. Таким образом, интернет-аукцион не является специализированной организацией, проводящей аукционы, согласно статьям 417–419 ГК, а представляет собой вид интернет-сервиса по предоставлению своим зарегистрированным пользователям возможности заключать договоры купли-продажи, используя онлайн-публичную торговую платформу, которая контролируется владельцем интернет-аукциона.

Система интернет-аукционов допускает заключение договоров двумя способами:

1. По фиксированной цене. В этом случае предложение продавца будет являться офертой, а акцепт будет выражаться в форме выбора потенциальным покупателем опции «Купить сейчас» (см. например, п. 7.2 ст. 7 Регламента Allegro.by¹⁶).

2. Путем принятия предложения с наивысшей ценой на момент закрытия торгов.

По тому же принципу строятся и другие интернет-аукционы, в частности OZ.by (<http://www.oz.by>), eBay (<http://www.ebay.com>) и др. Таким образом, процедура заключения электронного письменного договора на онлайн-торгах в системе интернет-аукциона представляет собой размещение на веб-сайте интернет-аукциона приглашения, адресованного неопределенному или определенному кругу лиц, делать оферты на покупку определенной в нем вещи или виртуальной квазивещи в течение определенного срока, по истечении которого либо при прекращении приема оферт может быть заключен договор в определенный срок с оферентом, предложившим наибольшую цену. Отсюда следует, что характерными чертами электронного письменного договора, заключаемого на онлайн-торгах в системе интернет-аукциона, являются: 1) состязательность потенциальных покупателей относительно объекта продажи в определении его наибольшей цены; 2) участие только зарегистрированных пользователей системы интернет-аукциона; 3) срочный характер

¹⁶ Там же.

приглашения делать оферты; 4) в случае отказа одной из сторон без уважительных причин от заключения договора виновная сторона может потерять право пользования услугами интернет-аукциона; 5) анонимность участников торгов, которая снимается в отношении лиц, заключающих договор по окончании торгов.

Традиционно в науке гражданского права в качестве основных видов односторонних сделок называют: 1) порождающие правоотношения; 2) публичное обещание награды; 3) завещание; 4) отказ от права собственности (ст. 237 ГК); 5) изменяющие правоотношения (например, выбор должником исполнения по альтернативному обязательству по ст. 301 ГК); 6) прекращающие правоотношения (например, отказ от права преимущественной покупки согласно ст. 253 ГК)¹⁷.

В электронной форме в виртуальном пространстве могут быть совершены все названные виды односторонних сделок, за исключением завещания, как следует из ст. 1044 и 1045 ГК.

Порождающие односторонние сделки в виртуальном пространстве представлены в большинстве случаев размещением в виртуальном пространстве веб-сайтов в качестве витрины товаров, работ и услуг. То есть субъект хозяйствования учреждает такой веб-сайт с целью дальнейшего заключения договоров купли-продажи, оказания услуг, подряда и др. либо публичной оферты. Названные действия по общему правилу квалифицируются как односторонняя сделка, если их совершает индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, независимо от целей деятельности. Создание и размещение гражданином веб-сайта в Интернете преследует достижение любых целей, кроме правовых, а потому данные действия должны рассматриваться как юридические поступки.

Такой вид односторонних сделок, как отказ от права собственности, следует рассматривать применительно к виртуальным квазивещам. Согласно ст. 237 ГК физическое или юридическое лицо вправе отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество, передав все правомочия другому лицу или утилизировав имущество. Собственник виртуальной квазивещи может отказаться от нее, передав ее другому лицу либо удалив ее со всех носителей информации, которые имеются у него.

Прочие виды односторонних сделок отличаются лишь тем, что они могут совершаться в виртуальном пространстве, однако они вполне допустимы в соответствующей форме в материальном пространстве.

¹⁷ Гражданское право: учебник. С. 471–472.

СОЗДАНИЕ И РАЗМЕЩЕНИЕ ГРАЖДАНИНОМ ВЕБ-САЙТА В ИНТЕРНЕТЕ ПРЕСЛЕДУЕТ ДОСТИЖЕНИЕ ЛЮБЫХ ЦЕЛЕЙ, КРОМЕ ПРАВОВЫХ, А ПОТОМУ ДАННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДОЛЖНЫ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСТУПКИ

Следующим видом юридических фактов являются юридические поступки, представленные: 1) размещением в Интернете виртуальных объектов, не получающих охрану авторского права; 2) размещением в Интернете виртуальных объектов, охраняемых авторским правом. Юридические поступки в виртуальном пространстве характеризуются следующими специфическими чертами: 1) они направлены на размещение виртуальных благ в Интернете; 2) полностью или частично совершаются в Интернете (создание или редактирование файлов либо только размещение их в Интернете).

Помимо названных юридических фактов, которые объединены понятием правомерные действия, следует также рассмотреть неправомерные действия, к которым наука гражданского права, в частности, относит: 1) нарушение права собственности; 2) совершение недействительных сделок; 3) причинение вреда; 4) неисполнение договора; 5) нарушение личных неимущественных прав; 6) безосновательное обогащение; 7) нарушение исключительного права¹⁸.

¹⁸ *Гражданское право: учебник. С. 462.*

Неправомерные действия в виртуальном пространстве, особенно в рамках договорных отношений, выступая в качестве юридических фактов, по своей правовой природе аналогичны неправомерным действиям в материальном пространстве. Их специфика состоит в способе совершения – волевые действия в электронной форме подключенного к Интернету пользователя.

Часть правонарушений является следствием фидуциарного характера сделок в виртуальном пространстве. Также следует отметить, что такое неправомерное действие, как нарушение права собственности, в виртуальном пространстве трансформируется в нарушение права собственности на виртуальные квазивещи. Данные действия, в частности, могут выражаться в хищении, незаконном копировании, повреждении виртуальных квазивещей. Безосновательное обогащение в виртуальном пространстве возможно в следующих формах: 1) умышленное хищение чужих вещей (как материальных, так и виртуальных); 2) приобретение благ в результате ничтожных сделок.

Из вышесказанного следует, что неправомерные действия, порождающие электронные деликтные гражданские правоотношения, осуществляемые в Интернете, характеризуются виртуальным характером хотя бы одного из совокупности связанных умыслом правонарушителя объектов гражданских прав, в отношении которого совершено его противоправное действие.

Заклучение

I. Основаниями возникновения электронных гражданских правоотношений являются относительные события (идеального или материального характера) или действия субъектов в виртуальном пространстве либо за его пределами, влекущие наступление определенных правовых последствий целиком либо в своей существенной части в виртуальном пространстве.

II. Договор, составленный в электронной форме и подписанный сторонами с помощью электронно-цифровой подписи или иного аналога собственноручной подписи, является договором, заключенным в простой письменной форме.

III. Характерными чертами электронного договора, заключаемого на онлайн-торгах в системе интернет-аукциона, являются:

1) состязательность потенциальных покупателей относительно объекта продажи в определении его наибольшей цены; 2) участие только зарегистрированных пользователей системы интернет-аукциона; 3) срочный характер приглашения делать оферты; 4) в случае отказа одной из сторон без уважительных причин от заключения договора виновная сторона может потерять право пользования услугами интернет-аукциона; 5) анонимность участников торгов, которая снимается в отношении лиц, заключающих договор по окончании торгов.

IV. Юридические поступки как основания возникновения электронных гражданских правоотношений характеризуются следующими специфическими чертами: 1) направлены на размещение виртуальных благ в виртуальном пространстве; 2) полностью или частично совершаются в виртуальном пространстве (создание или редактирование файлов либо только размещение их в Интернете).

Список использованных источников

1. Ананько, А. В. Электронные правоотношения как часть предмета науки и учебной дисциплины гражданского права / А. В. Ананько // Юрид., эконом. образов. и наука на пороге нового тысячелетия: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 ноябр. – 1 дек. 2000 г. – Минск: НО ООО «БИН-С», 2001. – С. 67.
2. Толстой, Ю. К. К теории правоотношения / Ю. К. Толстой. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – 87 с.
3. Красавчиков, О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков. – М.: Госюриздат, 1958. – 182 с.
4. Витушко, В. А. Курс гражданского права. Общая часть: науч.-практ. пособие: в 5 т. / В. А. Витушко. – Т. 2. – Минск: БГЭУ, 2002. – 717 с.
5. Гражданское право: учебник: в 3 т. / А. В. Каравай [и др.]; под ред. В. Ф. Чигира. – Т. 1. – Минск: Амалфея, 2008. – 864 с.
6. Гражданский кодекс Респ. Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь 07.12.1998, № 218-3 // Эталонный банк данных [Электрон. ресурс] / Нац. правовой портал. – Минск, 2009. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=hk9800218>. – Дата доступа: 04.08.2009.
7. Синюков, В. Н. Юридические факты в системе общественных отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В. Н. Синюков. – Свердловск, 1984. – 227 л.
8. Исаков, В. Б. Юридические факты в советском праве / В. Б. Исаков. – М.: Юрид. лит., 1984. – 144 с.
9. Тедеев, А. А. Информационное право: право Интернета / А. А. Тедеев. – М.: Эксмо, 2005. – 301 с.
10. Добровольский, А. А. Основные проблемы исковой формы защиты права / А. А. Добровольский, С. А. Иванова. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1979. – 159 с.
11. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь 11 янв. 1999, № 238-3 // Эталонный банк данных [Электрон. ресурс] / Нац. правовой портал. – Минск, 2009. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=hk9900238>. – Дата доступа: 04.08.2009.
12. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь 15 дек. 1998, № 219-3 // Эталонный банк данных [Электрон. ресурс] / Нац. правовой портал. – Минск, 2009. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=hk9800219>. – Дата доступа: 04.08.2009.
13. Исманжанов, А. А. Правовые основы коммерческого обращения информационных продуктов в сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. А. Исманжанов; Ташкентский государственный юридический институт. – Ташкент, 2006. – 28 с.
14. Малахов, С. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С. В. Малахов. – М., 2001. – 173 л.
15. Халиков, Р. О. Правовой режим электронного документа: вопросы использования электронной цифровой подписи: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р. О. Халиков. – Казань, 2006. – 189 л.
16. Калимов, Д. Сделки в Интернете: проблемы валютного контроля за платежами граждан / Д. Калимов // Юрист. – 2006. – № 3 (58). – С. 50–53.
17. Сальникова, Л. В. Сделки в Интернете: советуем юрист / Л. В. Сальникова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 221 с.
18. Правила от 01.12.2003 г. № 250 заключения сделок по купле-продаже негосударственных ценных бумаг в ОАО «Белорусская

-
- валютно-фондовая биржа» (с изменениями и дополнениями от 04.02.2008 и от 25.02.2008): утв. Протоколом заседания Наблюдательного совета ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа», 29.08.2003, № 43 // Офиц. сайт БВФБ [Электрон. ресурс] / БВФБ. – Минск, 2004. – Режим доступа: <http://www.stock.bese.by/index.phtml?page=35056&iid=1972>. – Дата доступа: 04.08.2009.
19. Об электронном документе: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 357-З // Эталонный банк данных [Электрон. ресурс] / Нац. правовой портал. – Минск, 2009. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=h10000357>. – Дата доступа: 04.08.2009.
 20. Об электронной торговле: Модельный закон ЮНСИТРАЛ, утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 16.12.1996, № 51 / 162 // Офиц. сайт ЮНСИТРАЛ [Электрон. ресурс] / Комиссия ООН по праву междунар. торговли. – 2009. – Режим доступа: <http://www.uncitral.org/uncitral/ru/GA/resolutions.html>. – Дата доступа: 04.08.2009.
 21. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь 10 ноября 2008 г. № 455-З // Эталонный банк данных [Электрон. ресурс] / Нац. правовой портал. – Минск, 2009. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=h10800455>. – Дата доступа: 04.08.2009.
 22. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000, № 361-З // Эталонный банк данных [Электрон. ресурс] / Нац. правовой портал. – Минск, 2009. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=h10000361>. – Дата доступа: 04.08.2009.
 23. Дмитрик, Н. А. Осуществление субъективных гражданских прав с использованием сети Интернет / Н. А. Дмитрик. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 186 с.
 24. Регламент интернет-аукциона Allegro.by // Офиц. сайт Allegro.by [Электрон. ресурс] / Allegro.by – Минск, 2009. – Режим доступа: http://www.allegro.by/country_pages/22/0/user_agreement.php?QLSESSID=e5cb16415333872160d264670bd60e451f040816030b7bfd02. – Дата доступа: 04.08.2009.

Дата поступления в редакцию 01.10.2009.

Н. Ф. Ковкель

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ И ЕДИНСТВА ПРАВОВОГО ЯЗЫКА

Коўкель Наталля Францеўна – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі права УА «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт». Сфера навуковых інтарэсаў: прававая логіка, прававая лінгвістыка, прававая семіотыка. Аўтар шэрага прац па дадзенай тэматыцы.

В современной правовой лингвистике проблемы определения структуры и единства правового языка носят дискуссионный характер. Исследователи отмечают, с одной стороны, множество разнообразных подходов к структурированию правового языка, а с другой – многообразие терминов, иногда недостаточно определенных, используемых для обозначения элементов структуры правового языка. Многие ученые указывают на необходимость дальнейшего глубокого исследования данной проблемы посредством эмпирического анализа различных правовых текстов¹.

Первые работы, посвященные проблематике структурирования правового языка, стали появляться в различных европейских странах со второй половины 40-х гг. XX в. В большинстве из них использовались два ключевых понятия – «язык права» и «правовой язык». Например, в польской юриспруденции эта дихотомия была введена в научный оборот В. Врублевским в работе «Язык права и правовой язык», опубликованной в Кракове в 1948 г. Он предложил язык права (*język prawny*) понимать как язык законодателя, т. е. язык, на котором сформулированы тексты нормативных правовых актов, а правовой язык (*język prawniczy*) – как язык, на котором юристы говорят о праве². При этом В. Врублевский особо подчеркивал языковые отличия текстов нормативных правовых актов от всех иных правовых текстов и тем самым – отличие языка права от правового языка³.

В 60–70-е гг. XX в. эта исходная дихотомия была конкретизирована другими исследователями. Так, С. Вронковска и З. Зембиньский разделили языка права на язык правовых

¹ Eriksen L. Einführung in die Systematik der juristischen Fachsprache. S. 18;

² Wróblewski B. Język prawny i prawniczy. S. 38–56.

³ Там же. S. 54.

предписаний и язык правовых норм⁴. В частности, З. Зембинский отмечал, что язык права всегда выступает в двух разновидностях: в непосредственном виде как язык правовых предписаний, надлежащим образом изданных или признанных государством, и в опосредованном виде как язык правовых норм, которые выводятся из правовых предписаний⁵. В свою очередь К. Опалек и Й. Врублевский разделили правовой язык на язык правовой практики и язык правовой науки⁶. Обобщающий термин – «язык права *sensu largo*» (*język prawny sensu largo*), охватывающий язык права и правовой язык, был предложен Т. Гизбергом-Студницким⁷.

Аналогичные термины использовались в указанном периоде в немецкоязычной и англоязычной юридической литературе. В исследованиях немецких авторов (К. Адомайт⁸, Х. Бринкманна⁹, К. Вольфа¹⁰, К. Клауса¹¹, Х. Хатца¹² и др.) чаще всего использовались термины «*juristische Sprache*» или «*juristische Fachsprache*», однако встречались и иные термины, например, «*Gesetzessprache*», «*Rechtssprache*». Следует отметить неопределенность значений некоторых из них, что стало причиной возникновения ряда терминологических несогласованностей в немецкой теории права и правовой лингвистике. Большинство исследователей под терминами «*juristische Sprache*» и «*juristische Fachsprache*» понимали любые языковые проявления в области права, т. е. как язык текстов источников права, так и язык судебных и административных решений, язык правовой науки и т. д. Таким образом, данные термины синонимичны понятию «правовой язык *sensu largo*» в польской юриспруденции. Термином «*Gesetzessprache*» немецкие ученые обозначали язык текстов нормативных правовых актов, что соответствует терминам «язык права», «язык закона». Термин «*Rechtssprache*» использовался в различных значениях и не получил однозначного определения.

В англоязычной литературе указанного периода также встречаются различные термины, значение которых далеко не всегда четко определено. Однако дихотомия в виде «*legal language*» – «*language of the law*», или «*juristic language*» присутствует и здесь. Таким образом, проведенный анализ показывает, что праведы стремились, в первую очередь, выделить язык текстов нормативных правовых актов и иных источников права. В дальнейшем в качестве самостоятельного элемента его структуры стал называться язык правовой практики, язык юридической науки и др.

В 80–90-е гг. XX в. структура правового языка была значительно усложнена и стала определяться по самым

⁴ *Wronkowska S. Analiza pojęcia prawa podmiotowego. S. 40;*

Ziemiński Z. Le langage du droit et le langage juridique... S. 27.

⁵ *Ziemiński Z. Le langage du droit et le langage juridique... S. 27.*

⁶ *Opalek K. Zagadnienia teorii prawa. S. 40.*

⁷ *Gizbert-Studnicki T. Język prawny a język prawniczy. S. 224.*

⁸ *Adomeit K. Gesetz – Dogmatik – Pladoyer – Begründung – Typen juristischer fachsprache.*

⁹ *Brinckmann H. Juristische Fachsprache und Umgangssprache.*

¹⁰ *Wolf K. Die Gesetzes-sprache.*

¹¹ *Claus K. Scheinprezision in der Rechtssprache.*

¹² *Hatz H. Rechtssprache und juristischer Begriff.*

разнообразным критериям. Например, широкое распространение в немецкой правовой лингвистике получила классификация «слоев» юридического языка, предложенная Вальтером Отто. Он выделил следующие элементы его структуры: 1) язык законов (общие правовые нормы, предназначенные законодателем как для юристов-профессионалов, так и для лиц, не обладающих специальными юридическими знаниями); 2) язык судебных решений; 3) язык юридической науки и экспертиз (комментарии и обсуждение специальных правовых вопросов специалистами, адресованные специалистам); 4) язык ведомственного письменного общения; 5) административный жаргон (неофициальное обсуждение правовых вопросов специалистами)¹³. В. Отто подчеркивал, что выделенные им «языковые слои» в структуре юридического языка отличаются друг от друга, в первую очередь, мерой определенности, точности и лаконизма выражения правовых понятий и предписаний.

¹³ *Otto W. Die Paradoxie einer Fachsprache. S. 51.*

Польский исследователь Томаш Гизберт-Студницкий выделил следующие виды правовых текстов, в которых наиболее ярко проявляется специфика правового языка: 1) тексты нормативных правовых актов; 2) тексты судебных и административных решений; 3) тексты правовой догматики; 4) тексты, формулируемые в процессе осуществления широко понимаемой правовой деятельности¹⁴. Он также отметил, что возможна дальнейшая классификация внутри указанных групп. Например, тексты нормативных правовых актов с точки зрения их языковых особенностей могут быть разделены на тексты законов и тексты подзаконных актов. Однако дальнейший анализ их языковых отличий, как и проблема структурирования языка права *sensu largo*, требуют дополнительных эмпирических исследований. Особый акцент Т. Гизберт-Студницкий сделал на то, что разные виды правовых текстов функционируют в разных социолингвистических ситуациях, т. е. исходят от разных отправителей, адресованы разным получателям, существуют в разных социальных контекстах и т. д.¹⁵

¹⁴ *Gizbert-Studnicki T. Język prawny a język prawniczy. S. 33.*

¹⁵ *Ibid. Z. 35.*

В современной правовой лингвистике достаточно распространено структурирование правовых текстов по критерию сфер юридической деятельности, в которых они создаются и функционируют. По этому критерию выделяют правотворческие тексты (тексты различных источников права), административные тексты (ведомственные документы, корреспонденция) и тексты, связанные с осуществлением правосудия (судебные решения, экспертизы, показания, иски и др.)¹⁶.

¹⁶ *Eriksen L. Einführung in die Systematik der juristischen Fachsprache. S. 16–17.*

В правовой лингвистике были предложены и иные, нелингвистические и неюридические, критерии структурирования правового языка. Сюзанна Шарчевич, исходя из логического критерия прескриптивности-дескриптивности текста¹⁷, выделяет три типа юридических текстов: 1) первично прескриптивные тексты (законы, распоряжения, договоры); 2) смешанные тексты, являющиеся, в первую очередь, дескриптивными, но содержащие и прескриптивные элементы (иски, заявления); 3) дескриптивные тексты (научная, учебная литература)¹⁸.

В российской юридической науке проблема структурирования правового языка лишь недавно привлекла внимание исследователей. Однако по настоящее время отсутствуют работы, в которых данная проблематика являлась бы предметом специального анализа.

Н. А. Власенко, выступая с докладом «Актуальные проблемы языкового правоведения» на научно-методическом семинаре, посвященном проблемам юридической техники, отметил следующее. В российской юридической науке используются два основных понятия – «правовой язык» и «язык права». Первый термин обозначает «весь словарный запас юриспруденции, всю систему слов и терминов (словосочетаний), которыми оперирует право в разнообразных проявлениях (язык текстов нормативно-правовых актов, индивидуальных актов, юридические профессионализмы и арго, доктринальный юридический язык и т. д.). Язык права – более строгое понятие. Это лексический запас (арсенал) нормативно-правовых актов (законов и др.) и актов официального толкования»¹⁹. По мнению Н. А. Власенко, такие термины, как «язык законодательства», «язык закона», «язык нормативных актов», «язык актов местного самоуправления» и др., носят уточняющий характер, детализируют общее понятие «язык права». Очевидно, что Н. А. Власенко дублирует отмеченную выше дихотомию в структуре правового языка. Русские термины «язык права» и «правовой язык» близки по значению польским терминам «język prawny» и «język prawny sensu largo», немецким терминам «Gesetzessprache» и «juristische Sprache», английским терминам «legal language» и «language of the law», или «juristic language».

Н. А. Власенко также отметил, что носителем языка права, его носителем является «текст права». В связи с этим перспективным направлением научного исследования следует признать анализ правовых текстов с позиций современного направления в лингвистике – текстоведения²⁰. Однако вряд ли

¹⁷ Прескриптивный текст предписывает, а дескриптивный описывает.

¹⁸ Šarčević S. *New approach to legal translation*. P. 9.

¹⁹ Морозова Л. А. *Юридическая техника...* С. 119.

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ Морозова Л. А. Юридическая техника... С. 119.

²² Шепелев А. Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль...

²³ Там же. С. 5.

²⁴ Там же. С. 14.

²⁵ Там же. С. 21.

²⁶ Там же. С. 22.

справедливо замечание автора о том, что «исследование «языка права» невозможно вне документов, вне текстов как формы выражения права»²¹. Следует заметить, что помимо текстуального выражения правовой язык объективируется в правовой речи, и это обстоятельство необходимо учитывать при решении проблемы его структурирования.

Более сложная структура языка права представлена в диссертации А. Н. Шепелева «Язык права как самостоятельный функциональный стиль»²². Исследователь справедливо подчеркивает неопределенность ряда понятий, используемых в русскоязычных работах по правовой лингвистике, а также отсутствие в российской юриспруденции фундаментальных научных работ, «в которых бы язык права всесторонне исследовался как структурно-целостная система, рассматривались бы все его элементы в совокупности и особенности их функционирования»²³. С целью определения стилистических особенностей языка права А. Н. Шепелев разрабатывает его структурно-систематическую модель. Исходя из структуры источников права, автор выделяет следующие структурные элементы языка права: язык закона, язык правовой доктрины, профессиональная речь юристов, язык процессуальных актов, язык договоров²⁴. Затем А. Н. Шепелев исследует специфику языковых средств всех пяти элементов структуры языка права и приходит к следующим выводам. Язык закона и язык договоров являются подстилями официально-делового стиля, язык правовой доктрины – подвидом научного стиля, профессиональная речь юристов – разновидностью публицистического стиля, а язык процессуальных актов относится к официально-деловому стилю с элементами научного, публицистического и разговорного стилей²⁵. Указанные закономерности позволяют автору прийти к выводу о том, что язык права как целостная самостоятельная система является новым функциональным стилем языка, который возник в результате развития правовой науки и практики²⁶.

Представляется, что при решении проблемы структурирования правового языка необходимо учитывать целый комплекс критериев (юридических, лингвистических и логических). Исходным юридическим критерием должно выступить деление всех языковых явлений в области права на язык текстов источников права, содержащих нормы права, и остальной правовой язык. Данная дихотомия носит фундаментальный характер, особенно если учесть ее проявление в большинстве национальных научных школ. Однако она, на наш взгляд,

не является достаточной. Более целесообразной представляется трихотомия: язык текстов источников права – прикладной правовой язык – научный правовой язык. Указанная трихотомия учитывает как специфику правовой действительности, различные уровни ее бытия, так и лингвистические особенности (лексические, синтаксические, стилистические, семантические, прагматические и др.) выделенных языков.

Необходимо также учесть, что для современной лингвистики характерны две основные перспективы исследования любого языка – как *langue* и как *parole*, определённые ещё Ф. де Соссюром²⁷ и конкретизированные английскими исследователями М. Холлидэем²⁸ и А. Эдвардсом²⁹. Предметом исследования в рамках первой перспективы является *langue*, т. е. язык как система знаков и правил оперирования ими. Целью исследования языка как *langue* выступает раскрытие его системы, а именно: отношений между элементами языка на разных уровнях его структуры, отношений между элементами языка и внеязыковой действительностью, а также между языком и его пользователями. Вторая перспектива исследования языка основана на его понимании как *parole*, т. е. совокупности речевых актов как социальных явлений, как системы взаимодействия людей. Целью исследования языка как *parole* выступает установление закономерностей этой интеракции, влияющих на язык.

Анализ правового языка в смысле *langue* позволяет заключить, что он базируется на языковой знаковой системе естественного языка и не является абсолютно самостоятельным языком. Так, каждая знаковая система обладает следующими основными характеристиками: базисными и производными знаками, функциональными элементами, метаязыком системы, логикой оперирования системой, а также системой записи правил и операций знаковой системы³⁰. Очевидно, что в качестве базисных знаков, первичных единиц правового языка выступают слова соответствующих естественных языков. Даже правовая терминология, создаваемая специально или возникающая спонтанно в исключительно юридических целях, в большинстве случаев основана на лексике определенного естественного языка. Из базисных знаков по определенным правилам грамматики, прагматики и другим правилам метаязыка знаковой системы образуются знаки более высоких уровней, т. н. составные производные знаки: сложные слова, словосочетания, предложения разной сложности. Образование производных знаков и функциональных элементов правового языка также

²⁷ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. С. 65–88.

²⁸ Halliday M. A. K. *Language as social semiotics...* P. 15–48.

²⁹ Edwards A. D. *Language in culture and class.* P. 32–56.

³⁰ Соломоник А. Позитивная семиотика... С. 94–132.

базируется на соответствующих правилах естественного языка, хотя и имеет ряд особенностей, например, в формировании предложений и синтагм, наличии особых функциональных элементов. Важнейшей характеристикой знаковой системы является ее метаязык. Метаязык знаковой системы – это зафиксированный алгоритм ее функционирования. Он определяет, каковы базисные знаки системы, как они соединяются в знаки более высокой иерархии, какие при этом происходят морфологические изменения в базисных знаках, как все эти знаки собираются в предложения, отрывки и синтагмы, какие операции при этом можно и нужно производить со знаками³¹. Чем более абстрактна знаковая система, тем важнее для нее хорошо разработанный и однозначный метаязык. Метаязык знаковых систем состоит из четырех частей: словообразования, морфологии, синтаксиса и правил составления синтагм³². Метаязык языковых знаковых систем известен как грамматика языка. Только самая последняя из указанных частей (операции над языковыми знаками при составлении синтагматических отрезков) не разработана в грамматиках. Метаязык правового языка зиждется на правилах словообразования, морфологии, синтаксиса и составления синтагм соответствующего естественного языка. При этом ему присущ ряд специфических черт, которые, однако, не позволяют выделить его в абсолютно самостоятельный метаязык. Аналогично обстоит дело с логикой оперирования и системой записи правового языка, которые также не имеют самостоятельного характера.

³¹ Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. С. 87.

³² Там же. С. 99–100.

**БОЛЕЕ ТОЧНЫМИ ТЕРМИНАМИ
ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ
ЯВЛЕНИЙ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ
ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ ТЕРМИНЫ
«ПРАВОВЫЕ ТЕКСТЫ» И «ПРАВОВАЯ
РЕЧЬ»**

В связи с тем, что правовой язык не является самостоятельным языком как *langue*, целесообразнее и точнее использовать термин «правовые тексты» вместо терминов «язык права», «правовой язык», «юридический язык» и др. В свою очередь, языковые проявления в области права как *parole*, т. е. как совокупность речевых актов в процессе правовой коммуникации, целесообразно обозначать термином «правовая речь». Таким образом, более точными терминами для обозначения языковых явлений в правовой сфере представляются термины «правовые тексты» и «правовая речь».

Учитывая этот лингвистический критерий и обозначенную выше трихотомию, все языковые проявления в правовой сфере можно структурировать следующим образом: 1) тексты источников права; 2) прикладные правовые тексты и прикладная правовая речь; 3) научные и учебные правовые тексты, а также научная

правовая речь и правовая речь образовательного процесса. Именно эти элементы являются первичными в структуре правового языка, учитывая условный характер данного термина.

Указанные первичные элементы структуры правового языка неоднородны и подлежат дальнейшей структуризации. Первый структурный элемент (тексты источников права) делится на следующие группы: тексты нормативных правовых актов, тексты судебных и административных прецедентов, тексты нормативных правовых договоров, доктринальные правовые тексты и канонические тексты как источники права. Каждая группа текстов обладает собственной лингвистической спецификой, а именно лексическими, синтаксическими, пунктуационными, стилистическими, семантическими, прагматическими и иными особенностями, которые должны стать предметом самостоятельных научных исследований. Более того, каждая группа текстов источников права обладает специфической логикой оперирования: логикой соответствия между тем, что отражено в текстах источников права, и тем, что объективно происходит во внесистемном мире; логикой внутрисистемных трансформаций, т. е. логикой действия системы знаков соответствующих текстов источников права; логикой приложения текстов источников права, которая изменяет результат их действия в аспекте применения. В настоящее время наиболее исследованы лингвистические и логические особенности текстов нормативных правовых актов.

**В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НАИБОЛЕЕ
ИССЛЕДОВАНЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
И ЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ТЕКСТОВ НОРМАТИВНЫХ
ПРАВОВЫХ АКТОВ**

Второй структурный элемент правового языка (прикладные правовые тексты и прикладная правовая речь) имеет еще более сложное строение. Прежде всего, он состоит из двух самостоятельных подгрупп, каждая из которых имеет сложную структуру. Подгруппа прикладных правовых текстов объединяет разнообразные тексты правоприменительных актов, которые, в свою очередь, делятся на группы судебных, административных и других правовых текстов. В эту подгруппу входят также тексты иных правореализационных актов (исковых заявлений, договоров и др.). Указанные группы могут быть структурированы по различным основаниям. Например, судебные правоприменительные тексты могут делиться по процессуальным критериям, административные – по сферам деятельности принимающих их органов и т. д.

Наряду с прикладными правовыми текстами в данный структурный элемент входит профессиональная и обыденная правовая речь. Под профессиональной правовой речью следует

понимать все виды речи юристов-профессионалов (возможно, и не имеющих специального юридического образования, но обладающих глубокими знаниями и навыками в области права), функционирующей в правовых и связанных с правом социалингвистических ситуациях. Это речь юристов-профессионалов в ходе судебного процесса, речь должностных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, речь профессиональных консультантов по правовым вопросам и др. Обыденная правовая речь охватывает все виды речи непро-

ПОД ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ РЕЧЬЮ СЛЕДУЕТ ПОНИМАТЬ ВСЕ ВИДЫ РЕЧИ ЮРИСТОВ-ПРОФЕССИОНАЛОВ (ВОЗМОЖНО, И НЕ ИМЕЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ, НО ОБЛАДАЮЩИХ ГЛУБОКИМИ ЗНАНИЯМИ И НАВЫКАМИ В ОБЛАСТИ ПРАВА), ФУНКЦИОНИРУЮЩЕЙ В ПРАВОВЫХ И СВЯЗАННЫХ С ПРАВОМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЯХ

фессионалов на правовую или связанную с правом тематику. Это речь непрофессиональных участников судебного процесса и иных правоприменительных процессов, юридический арго, обыденные рассуждения по правовым проблемам и др. Следует заметить, что этот элемент структуры правового языка, особенно прикладная правовая речь, как профессиональная, так и обыденная, наименее изучен в современной юридической науке.

Наконец, третьим элементом структуры правового языка являются научные и учебные правовые тексты, научная правовая речь и правовая речь образовательного процесса. В подгруппу научных правовых текстов представляется возможным включить собственно научные тексты, в которых исследуются те или иные правовые проблемы, а также научно-популярные тексты. В подгруппу учебных правовых текстов – разнообразную учебную литературу правового характера (учебники, учебные пособия, учебно-методические пособия и т. д.). Научная правовая речь охватывает речь ученых-юристов в процессе обсуждения научных проблем. А правовая речь, функционирующая в образовательном процессе, включает речь педагогов в процессе преподавания юридических или тесно связанных с ними дисциплин и речь студентов, слушателей, учащихся и школьников, изучающих данные дисциплины.

С проблемой определения структуры правового языка тесно связана проблема его единства. В юридической литературе высказывались различные мнения о том, насколько правовой язык можно считать единым. Сторонники единства правового языка аргументируют свою точку зрения, прежде всего, тем, что правовой язык формируется в отдельной сфере коммуникации людей – правовой. Специфика правовой сферы и ее относительная обособленность обуславливают и относительное единство правового языка³³. Более того, во всех областях права язык

³³ Arntz R. *Fachbezogene Mehrsprachigkeit in Recht und Technik*. S. 205–206.

правовой практики опирается на единый язык источников права, а в романо-германских языках, прежде всего, – на язык нормативных правовых актов³⁵. В качестве дополнительного аргумента указывается то обстоятельство, что юристы-профессионалы как основные носители этого языка получают специальное образование на основе единого юридического языка³⁶.

Основным аргументом против единства правового языка чаще всего выступает различие и многообразие сфер, в которых он функционирует. Например, Ларс Эриксен, структурировавший правовой язык по критерию функциональных областей права на язык законодательства, административный язык и язык судопроизводства, заключает, что относительная самостоятельность этих сфер неизбежно порождает относительную самостоятельность и специфику их языков. В этой связи говорить о едином правовом языке не представляется возможным³⁷. Маркус Нуссбаумер также отмечает, что «юридический язык» представлен таким множеством различных типов текстов, что с лингвистической точки зрения нецелесообразно рассматривать его как единый язык³⁸. В качестве иных аргументов против единства правового языка указываются также различные способы коммуникации в правовой сфере (устная и письменная), различные уровни компетентности участников этой коммуникации и др.

На наш взгляд, более аргументированной представляется точка зрения тех авторов, которые отрицают единство правового языка. Ранее уже отмечалось, что правовой язык нельзя признать самостоятельным языком ни по лингвистическим, ни по семиотическим критериям. Лишь руководствуясь юридическими критериями и целью упрощения терминологии, юристы используют такие неточные термины, как «юридический язык», «правовой язык», «язык права» и др. Более точно обозначают языковые явления в области права такие термины, как «правовые тексты» и «правовая речь». Выше также было показано, что правовые тексты и правовая речь представлены таким многообразием и различием социолингвистических ситуаций, в которых они функционируют, что сложно даже обозначить их единым термином (в настоящей работе в качестве такого термина условно принято наиболее распространенное определение «правовой язык»), а тем более – утверждать их относительное единство.

³⁵ *Otto W. Die Paradoxie einer Fachsprache. S. 45.*

³⁶ *Там же.*

³⁷ *Eriksen L. Einführung in die Systematik... S. 17.*

³⁸ *Nussbaumer M. Sprache und Recht. S. 45–60.*

**БОЛЕЕ АРГУМЕНТИРОВАННОЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ТОЧКА ЗРЕ-
НИЯ ТЕХ АВТОРОВ, КОТОРЫЕ
ОТРИЦАЮТ ЕДИНСТВО ПРАВО-
ВОГО ЯЗЫКА**

Список использованных источников

1. Adomeit, K. Gesetz – Dogmatik – Pladoyer – Begründung – Typen juristischer fachsprache / K. Adomeit // Paraphrasen juristischer Texte. – Darmstadt, 1971. – S. 53–78.
2. Brinckmann, H. Juristische Fachsprache und Umgangssprache / H. Brinckmann // Öffentliche Verwaltung und Datenverarbeitung. – 1972. – № 2. – S. 62–78.
3. Claus, K. Scheinpräzision in der Rechtssprache / K. Claus // Muttersprache. – 1974. – № 1. – S. 19–44.
4. Eriksen, L. Einführung in die Systematik der juristischen Fachsprache / L. Eriksen // Juristische Fachsprache. Kongressberichte des 12-th European Symposium on Language for Special Purposes / hrsg. L. Eriksen, K. Luttermann. – Bruxelles, Bressanone, 1999; Münster, 2002. – S. 1–19.
5. Gizbert-Studnicki, T. Język prawny z perspektywy socjolingwistycznej / T. Gizbert-Studnicki // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. DCCL XXVII. Prace z nauk politycznych. – 1986. – Z. 26. – 139 s.
6. Hatz, H. Rechtssprache und juristischer Begriff / H. Hatz. – Stuttgart, 1973. – 248 s.
7. Schonherr, F. Gedanken zur Gesetzessprache / F. Schonherr // Methodik der Gesetzgebung. – Wien, New York, 1982. – 342 s.
8. Redelbach, A. Zarys teorii państwa i prawa / A. Redelbach, S. Wronkowska, Z. Ziemiński. – Warszawa: Wyd-wo naukowe PWN, 1993. – 296 s.
9. Wróblewski, B. Język prawny i prawniczy / B. Wróblewski. – Kraków, 1948. – 244 s.
10. Wronkowska, S. Analiza pojęcia prawa podmiotowego / S. Wronkowska. – Poznań, 1973. – 264 s.
11. Ziemiński, Z. Le langage du droit et le langage juridique. Les critères de leur discernement / Z. Ziemiński // Archives de Philosophie du Droit. – 1974. – Vol. 19. – S. 25–31.
12. Opalek, K. Zagadnienia teorii prawa / K. Opalek, J. Wróblewski. – Warszawa, 1969. – 264 s.
13. Gizbert-Studnicki, T. Język prawny a język prawniczy / T. Gizbert-Studnicki // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace prawnicze. – 1972. – Z. 55. – 264 s.
14. Wolf, K. Die Gesetzessprache / K. Wolf. – Wien, 1971. – 328 s.
15. Otto, W. Die Paradoxie einer Fachsprache / W. Otto // Der öffentliche Sprachgebrauch. Band. II. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. – S. 44–57.
16. Šarcevic, S. New approach to legal translation / S. Šarcevic. – Den Haag: Kluwer, 1997. – 282 p.
17. Морозова, Л. А. Юридическая техника (обзор материалов научно-методического семинара) / Л. А. Морозова // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 108–120.
18. Шепелев, А. Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. Н. Шепелев; Нижегородская акад. МВД России. – Н. Новгород, 2003. – 23 с.
19. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1977. – 454 с.
20. Halliday, M. A. K. Language as social semiotics. The social interpretation of language and meaning / M. A. K. Halliday. – London: VLG, 1968. – 462 p.
21. Edwards, A. D. Language in culture and class / A. D. Edwards. – London, 1976. – 352 p.

-
22. Соломоник, А. Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности) / А. Соломоник; под ред. Г. Крейдлина. – Минск: МЕТ, 2004. – 191 с.
 23. Соломоник, А. Философия знаковых систем и язык / А. Соломоник. – 2-е изд. – Минск: МЕТ, 2002. – 408 с.
 24. Arntz, R. Fachbezogene Mehrsprachigkeit in Recht und Technik / R. Arntz. – Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 2001. – 344 s.
 25. Nussbaumer, M. Sprache und Recht / M. Nussbaumer. – Heidelberg: Groos, 1997. – 288 s.

Дата поступления в редакцию 24.02.2010.

В. А. Маджарова

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ЯЗЫКА И СТИЛЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ПЕРИОДА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Маджарава Вікторыя Аляксандраўна – выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь. Вобласць навуковых інтарэсаў: мова і стыль нарматыўных прававых актаў. Мае каля 10 публікацый.

Правотворческая деятельность государства на протяжении всей истории человечества являлась одной из наиболее важных в общем спектре политико-правовых проблем. Одним из ее ключевых моментов всегда были, да и остаются, вопросы, связанные с языком, стилем и терминологией нормативных правовых актов. Анализ научных исследований в этой области позволяет выделить в обозначенный период времени два этапа их развития.

Первый этап охватывает временной промежуток от периода Античности до начала XIX в. В его рамках можно выделить два периода: 1) от Античности до буржуазных революций в Западной Европе; 2) от эпохи буржуазных революций в Западной Европе до начала XIX в.

Характерной чертой первого периода развития научных исследований является их фрагментарность. Попытки осмысления таких требований, предъявляемых к языку, стилю и терминологии, как краткость, простота изложения текста и однообразие терминов, содержатся в работах, связанных с совершенствованием законодательства.

Так, Платон, в своем диалоге «Государство», подчеркивая приоритет воспитания граждан над созданием «идеальных законов» и иронизируя по поводу совершенствования законодательства, отмечал, что «в законе должно предпочитать краткость». Кроме того, мыслитель указывал на то, что

«законодатель не может высказывать два разных мнения по поводу одного и того же, а должен всегда иметь в виду одно и то же»¹. Видится, что это правило применимо к юридической терминологии (в части требования единообразия терминов, используемых в тексте нормативного правового акта). О стремлении к «устранению лишних длиннот» при составлении текста говорилось и в Своде законов Юстиниана².

Затрагивали вопросы текстуального оформления правовых установлений и представители христианства. В частности, Фома Аквинский в «Суме теологии» говорил о том, что законы создает природа, диктует разум, а человек «признавая законы, придает им четкую форму и санкцию»³.

Т. Мор в своем трактате «Утопия» выступал за простоту законов, негативно высказывался по поводу запутанного феодального законодательства⁴.

Отметим, что особенностью рассматриваемого периода является то, что его временные рамки варьируются в зависимости от уровня развития конкретно взятого общества.

Так, в Великом княжестве Литовском первый период развития исследований в области языка, стиля и терминологии правовых предписаний пришелся на эпоху Возрождения. Первые попытки осмысления проблемы понимания и доступности закона можно отнести к XVI в. Ф. Скорина в «Прадмовах і пасляслоўях» говорит о том, что законы должны быть «понятными, недопускающими двусмысленного толкования...»⁵.

К концу XVI в. к государственным деятелям Великого княжества Литовского приходит понимание большого значения доступности содержания правовых норм для государства и его подданных. Для того, чтобы права были более понятны гражданам, законы в Великом княжестве Литовском писались на белорусском языке, а не на латыни, как это было принято в Европе. Л. Сапега в «Обращении ко всем сословиям», которое было сделано по случаю издания Статута Великого княжества Литовского 1588 г., говорил о том, что народу стыдно не знать своих прав «которые не чужим каким языком, своим собственным ... записанные имеем»⁶.

А. Олизаровский в своем произведении «О политическом объединении людей» (XVII в.), давая формулировку идеального закона, отмечал, что закон должен быть ясным для понимания⁷.

Особый интерес в связи с предложенной периодизацией представляет развитие научных исследований в области

¹ *История политических и правовых учений: хрестоматия.* С. 23.

² *История политических и правовых учений: учебник...* С. 53.

³ *Там же.* С. 80–82.

⁴ *Мор Т. Утопия.* С. 162–163.

⁵ *Скарына Ф. Прадмовы і пасляслоўі.* С. 62.

⁶ *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года.* С. 48.

⁷ *Юхо И. А. История юридической науки Беларуси.* С. 14.

языка, стиля и терминологии нормативных правовых актов в Российской империи. В то время как в Западной Европе начиная с XVI в. постепенно происходит переход от средневекового государства к буржуазному, имеет место эволюция формы правления, Российская империя дольше всех европейских государств остается во власти феодализма, а абсолютная монархия как форма правления характерна для этого государства до начала XX в. В связи с этим временные рамки рассматриваемого этапа применительно к России смещаются.

Так, в Российской империи для законосоставителей на рассматриваемом этапе основной была цель, поставленная Елизаветой Петровной 11 марта 1754 г. перед 6-й по счету комиссией для «сочинения Уложения», – «сочинение простых и понятных законов по обстоятельству нынешнего времени» (требования расшифровке не подвергались). В период просвещенной монархии Россия находилась под достаточно сильным влиянием западной научной мысли. Следствием этого влияния является «Наказ комиссиям о сочинении проекта нового Уложения», составленный императрицей Екатериной II. Оговоримся, что этот Наказ никогда не имел силы

В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ОСМЫСЛЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫХ К ЯЗЫКУ, СТИЛЮ, ТЕРМИНОЛОГИИ ПРАВОВЫХ ПРЕДПИСАНИЙ, ОТНОСЯТСЯ К ЭПОХЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

действующего закона, тем не менее на тот момент он был единственным документом, затрагивающим вопросы, касающиеся языка, стиля и терминологии правовых предписаний, которых необходимо было придерживаться при составлении Уложения. В этом документе нашли свое отражение требования краткости (статьи 448, 454), простоты (статья 454) и ясности (статьи 448, 458, 459). Последним двум из обозначенных требований в «Наказе» было дано пояснение.

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что на Западе начало этого процесса видится возможным отнести к периоду Античности, а в Великом княжестве Литовском и Российской империи первые попытки осмысления требований, предъявляемых к языку, стилю, терминологии правовых предписаний, относятся к эпохе Просвещения.

Характерной чертой второго периода развития научных исследований в области языка, стиля и терминологии нормативных правовых актов является уточнение и разъяснение требований, сформулированных на предыдущем этапе, также вырабатываются новые (требования точности, четкости).

Обозначенные требования рассматриваются в рамках самостоятельных разделов, посвященных законодательству.

Так, Т. Гоббс в «Левиафане», рассуждая о том, каким должен быть хороший закон, отмечал, что основная обязанность законодателя – формулировать закон «кратко, по возможности точно и выразительно»⁸. О точности как о требовании, предъявляемом к языку закона, писал и Ф. Бэкон в своем труде «Новый органон». Философ справедливо полагал, что при точности изложения текста, содержащего правовые установления, отпадут поводы к неоднозначному применению законов.

Эпоха Возрождения стала очередной вехой в развитии кодификации: с одной стороны, с укреплением королевской власти возникла необходимость кодифицировать издававшиеся монархами правовые акты; с другой – с изобретением книгопечатания появилась новая техническая возможность для того, чтобы тиражировать кодексы в нужном количестве экземпляров⁹. В связи с более высоким уровнем научного знания требования, предъявляемые к языку и стилю законов (краткость, простота), приобретают более четкую трактовку.

Отличительной чертой данного периода является изменение подходов к пониманию обозначенной проблемы, произошедшее к XVIII–XIX вв. Начиная с этого периода основной акцент в научных исследованиях делается на повышение уровня образованности граждан. Кроме того, в этот период впервые затрагивается вопрос о возможной степени доступности текстов.

Так, французский мыслитель Ш. - Л. Монтескье в работе «О духе законов», которая имеет фундаментальное значение в теории правотворчества, не только формулирует некоторые правила составления законов, но и уделяет внимание личности законодателя. Также в работе содержатся рассуждения о доступности правовой нормы для адресата. В качестве правил формулирования текста нормативного правового акта мыслитель выделяет краткость («сжатость слога»), простоту и, как следствие, доступность изложения. Затрагивая вопрос о мере доступности правового предписания, Монтескье отмечает, что законы должны содержать в себе «не искусство логики, а здравые понятия отца семейства»¹⁰, так как адресаты – люди посредственные.

В трактате «Об общественном договоре» Ж.- Ж. Руссо ведет речь и о том, что текст нормативного правового акта должен быть написан языком, понятным тому кругу адресатов,

⁸ Гоббс Т. *Левиафан*. С. 271.

⁹ Кобряк Р. *Кодификации*. С. 24.

¹⁰ Монтескье Ш.-Л. *О духе законов*. С. 500–501.

¹¹ Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре...* С. 232.

на который он рассчитан¹¹. Вместе с тем несколько иначе, чем Ш. - Л. Монтескье, Ж. - Ж. Руссо определяет степень доступности текста. В частности, он отмечает, что в языке законов есть множество понятий, которые нельзя перевести на язык народа.

В XVIII в. к проблеме языка и стиля изложения законодательных текстов обращался и Ч. Беккариа. В работе «О преступлениях и наказаниях» он отмечал, что законы нельзя и даже опасно, писать на языке, который является чужим для народа. Ч. Беккариа подчеркивал, что, будучи не в состоянии судить о степени своей свободы или свободы сограждан, гражданин попадает в зависимость от «кучки просвещенных». Такая зависимость, по его мнению, неизбежна потому, что непонятный для народа язык законов превращает Кодекс из книги всем доступной в книгу частную, доступную лишь узкому кругу лиц. Автор подчеркивает, что «невежество и отсутствие ясного представления о наказаниях способствует необузданности страстей»¹², то есть чем больше людей будет читать и понимать текст закона, тем меньше будет совершаться преступлений. Тем самым Ч. Беккариа показывает зависимость доступности изложения текста от эффективности правового регулирования.

¹² Беккариа Ч. *О преступлениях и наказаниях.* С. 81.

О необходимости доведения законов до общего сведения, а так же о том, что правовые предписания должны быть понятны всем гражданам, а не только тем, кто имеет достаточный уровень образования («подходит к ним с достаточной образованностью»)¹³, говорит и Г. В. Ф. Гегель в «Философии права».

¹³ Гегель Г. В. Ф. *Философия права.* С. 320.

Небезынтересны в свете исследуемой проблемы взгляды физиократов И. Стройновского и К. Богуславского, относящиеся к XVIII–XIX вв. В произведениях «Наука о природном и политическом праве, политической экономии и праве народов» (И. Стройновского) и «О совершенном законодательстве» (К. Богуславского) говорится о том, что главными условиями реформирования общества каждый из них считает, кроме всего прочего, обеспечение высокого уровня образования граждан. И. Стройновский предлагал даже создать всеобщую инструкцию для народа, которая охватывала бы все науки и помогала людям познать их сущность и разработать на их основе разумные принципы социальной жизни¹⁴. По мнению ученых, между уровнем законодательства и уровнем образования населения имеется прямая связь – чем больше образованных людей в государстве, тем основательнее его законодательство.

¹⁴ Вішнеўская І. В. *Палітычная і прававая думка Беларусі на мяжы еўрапейскіх цывілізацый...* С. 95.

Следовательно, по сравнению с предшествующими учениями, речь идет уже не столько о простоте законодательства и доступности его для понимания, сколько об адекватности общественным отношениям, о том, что образованный народ способен понимать более сложные законы и эффективно руководствоваться ими.

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что к XVIII–XIX вв. была выявлена взаимосвязь между степенью образованности граждан и степенью ясности законодательства. На этом этапе развития представлений о языке, стиле и терминологии научных исследований шла речь уже не просто о необходимости писать законы ясным и понятным языком, а об адекватности законов тем отношениям, которые складываются в обществе. Основной акцент в этот период делался не на простоту и ясность законов, а на повышение уровня образованности граждан.

Начиная с XIX в. в связи с развитием законодательства возрастает роль юридической техники. Из-за необходимости создания крупных кодифицированных актов, призванных всесторонне регулировать соответствующие общественные отношения, внимание к проблеме составления законов становится более пристальным. В этот период рассматриваемые нами требования вырабатываются уже в своей научной постановке, более системно по сравнению с предыдущими эпохами. В связи с этим целесообразно выделить второй этап в развитии научных исследований в области языка, стиля и терминологии – от начала XIX в. до 1917 г. Характерной чертой данного этапа является появление самостоятельных работ, посвященных законодательству, юридической технике, в которых также рассматриваются проблемы, касающиеся языка, стиля и терминологии правовых предписаний. Кроме того, в это время уже ставится вопрос о создании юридической терминологии.

НАЧИНАЯ С XIX в. В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВОЗРАСТАЕТ РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Так, большое внимание проблемам правотворческого процесса уделялось в работах английского юриста и философа И. Бентама. Ученый был сторонником совершенствования законодательства, его упрощения и демократизации. Отмечал, что не нужно слишком заботиться о «математической пропорциональности и делать законы слишком мелочными, сложными и темными»¹⁵. В качестве основных достоинств закона выделял краткость, ясность и простоту; последние два требования были конкретизированы Бентамом в «Тактике

¹⁵ Бентам И. Избранные сочинения... С. 546.

¹⁶ Бентам И. Тактика законодательных собраний. С. 77.

¹⁷ Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса. С. 115.

¹⁸ Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях.

¹⁹ Политическая история России... С. 79.

²⁰ Пестель П. И. Русская правда. С. 118.

законодательных собраний»¹⁶. Кроме того, в составленном в 1802 г. обзоре полного кодекса законов философ выдвинул справедливое предложение о необходимости полного пересмотра законов каждые сто лет для устранения терминов и выражений, которые за истекшее время вышли из употребления и, по сути, стали архаизмами¹⁷.

Среди ученых конца XIX – начала XX вв. непосредственно проблем языка, стиля и терминологии касался французский исследователь Ф. Жени в работе, посвященной столетию французского Гражданского кодекса 1804 г. Так, ученый говорит о том, что законодательство представляет собой литературное произведение, имеющее свой совершенно специальный предмет. Работа также содержит рассуждения о «хороших законах», которые должны в большей степени обращаться к уму и воле адресата, чем к его воображению. Кроме того, говоря о языке права, Ф. Жени не только выделяет такие предъявляемые к нему требования, как краткость, точность и ясность, но и делает вывод о том, что добиться исполнения этих требований можно лишь посредством создания юридической терминологии¹⁸.

В России интерес к языку, стилю и терминологии законов на рассматриваемом этапе также связан с необходимостью кодификации законодательства.

Так, вскользь касается проблем языка нормативных правовых актов М. М. Сперанский в своем «Проекте учреждения правительствующего Сената». В §96 этого документа говорится о том, что «высочайшие решения должны быть изображены точными словами»¹⁹. Данный Проект был утвержден большинством голосов на рассмотрении Государственного совета в июне и Императором – в сентябре 1811 г., однако так и не был введен в действие в связи с приближением войны с Наполеоном.

О необходимости точного изложения текста нормативных предписаний, содержащихся в законах и постановлениях, упоминал также П. И. Пестель в программном проекте «Русская правда, или Заповедная государственная грамота Великого народа российского, служащая законом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного верховного правления»²⁰.

Во второй половине XIX в. вопросу о личности законодателя уделяет внимание Б. Н. Чичерин. В труде «О народном представительстве» ученый отмечает, что работу

над законодательством лучше всего верить «собранию государственных людей, специалистов, знакомых с делом ... не искушенных страстью к красноречию...»²¹. В качестве примера закона, идеального с точки зрения простоты, ясности, стройности и «приложимости» (требования, предъявляемые к формулированию нормативного правового акта), Б. Н. Чичерин приводит Гражданский кодекс Наполеона 1804 г.

²¹ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. С. 74.

Г. Ф. Шершеневич в достаточной степени освещает проблемы, связанные с кодификацией законодательства. Он справедливо отмечает, что только кодификация способна сделать право доступным для широких народных масс, которые не обладают ни знаниями, ни средствами, чтобы разобраться в массиве разрозненного законодательства. В качестве одного из достоинств ученый определяет ясность языка²².

²² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 422.

Следует отметить, что в России на рассматриваемом этапе требования, предъявляемые к языку, стилю и терминологии правовых предписаний, затрагиваются также в учебной литературе, что является отличительной чертой данного этапа.

Так, Ф. Д. Правиков в «Грамматике юридической» указывает на необходимость соблюдения такого требования к языку нормативных правовых актов, как ясность. Об осознании важности соблюдения этого требования в дореволюционной России говорит и тот факт, что «в случае, если по общим государственным делам существовал Указ, который ... не ясен»²³, Сенату было позволено докладывать об этом Императору.

²³ Правиков Ф. Д. Грамматика юридическая... С. 27.

Этому же требованию уделял внимание и Е. В. Васьковский в «Руководстве по применению законов». Поскольку автор рассматривает особенности и правила использования «пояснительных норм»²⁴, видится возможным говорить о том, что на данном этапе законосоставители предпринимают попытки к достижению ясности терминов, используемых в законах, к их единообразному толкованию и применению.

²⁴ Васьковский Е. В. Руководство по применению законов для начинающих юристов. С. 44–45.

Кроме того, в 1914 г. в России была предпринята попытка создания единого нормативного правового акта, посвященного правилам изложения правовых предписаний. Особым совещанием из чинов Государственной канцелярии и Государственной Думы были выработаны «Правила изложения законопроектов»²⁵, которые должны были включить в себя все те требования к языку, стилю и терминологии законов, которые были сформулированы до начала XX в. в зарубежной

²⁵ Правила изложения законопроектов.

и российской политико-правовой мысли. Тем не менее данные правила в большей степени были посвящены оформлению законопроектов, а не их содержанию.

Таким образом, изложенный материал позволяет нам сделать вывод об осознании важности соблюдения требований, предъявляемых к языку, стилю и терминологии, при формулировании правовых предписаний.

Подводя итог всему вышесказанному, во временном промежутке от Античности до Нового времени целесообразно выделить два этапа развития научных исследований в области языка и стиля нормативных правовых актов.

1. От Античности до начала XIX в., который исходя из возрастания значимости проблемы и эволюции научного знания можно подразделить на два периода: а) от Античности до буржуазных революций в Западной Европе; б) от эпохи буржуазных революций в Западной Европе до начала XIX в.
2. Начало XIX в. – 1917 г.

Список использованных источников

3. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа; пер. Ю. М. Юмашева, Г. В. Черданцева. – Москва: Стелс, 1995. – 303 с.
4. Бентам, И. Избранные сочинения: в 2 т. / И. Бентам; пер. по англ. изд. Боуринга, по фр. Дюмона. – СПб, 1867. – Т. 1: Основные начала Уголовного кодекса. – 678 с.
5. Бентам, И. Тактика законодательных собраний / И. Бентам; пер. Л. А. Велихова. – СПб, 1907. – 186 с.
6. Борисов, А. А. История политических и правовых учений: хрестоматия / А. А. Борисов, Г. Г. Демиденко. – Белгород, 1999. – 612 с.
7. Васьковский, Е. В. Руководство по применению законов для начинающих юристов / Е. В. Васьковский. – Москва: Издательство Бр. Башмаковых, 1913. – 150 с.
8. Вішнеўская, І. В. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі: дапам. для студэнтаў вышэйш. навуч. устаноў / І. В. Вішнеўская. – Мінск: Тэсей, 2004. – 272 с.
9. Вішнеўская, І. В. Палітычная і прававая думка Беларусі на мяжы еўрапейскіх цывілізацый (X – пачатак XX ст.ст.): манаграфія / І. В. Вішнеўская. – Мінск: Тэсей, 2007. – 296 с.

-
10. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 442 с.
 11. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
 12. Жени, Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях / Ф. Жени // Журнал министерства юстиции. – 1906. – № 8. – С. 130–150.
 13. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – М.: Рарогъ, 1993. – 235 с.
 14. История политических и правовых учений: учеб. для высш. учебн. заведений / Н. М. Азаркин [и др.]; под общ. ред. О. В. Мартышина. – М.: Норма, 2004. – 899 с.
 15. История политических и правовых учений: хрестоматия / Авт.-сост. Е. А. Воротилин [и др.]; под ред. О. Э. Лейста. – М.: Городец, 2000. – 511 с.
 16. Кашанина, Т. В. Юридическая техника: учебник / Т. В. Кашанина. – М.: Эксмо, 2007. – 512 с.
 17. Кобряк, Р. Кодификации / Р. Кобряк; пер. Л. В. Головки. – М.: Статут, 2007. – 476 с.
 18. Люблинский, П. И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса / П. И. Люблинский. – СПб, 1917. – 210 с.
 19. Монтескье, Ш.-Л. О духе законов / Ш.-Л. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
 20. Мор, Т. Утопия / Т. Мор; пер. Ю. М. Каган. – М.: Наука, 1978. – 415 с.
 21. Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. – СПб, 1907. – 172 с.
 22. Пестель, П. И. Русская правда / П. И. Пестель; под ред. М. В. Нечкиной. – М.: Госполитиздат, 1958. – 692 с.
 23. Политическая история России: хрестоматия: в 2 ч. / сост. В. И. Коваленко, А. Н. Медушевский, Е. Н. Машелков. – М.: АО «Аспект-Пресс», 1995. – Ч. 2. – 512 с.
 24. Правиков, Ф. Д. Грамматика юридическая, или Начальные правила Российского правоведения, сочиненные в пользу юношества, обучающегося в разных училищах, надворным советником Федором Правиковым / Ф. Д. Правиков. – М.: Вольная типография Пономарева, 1803. – 182 с.
 25. Правила изложения законопроектов. – СПб: Государственная типография, 1914. – 17 с.
 26. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре: трактаты / Ж.-Ж. Руссо; пер. А. Ханютина, В. Алексеева-Попова, Л. Борщевского. – М.: Терра-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 542 с.
 27. Скарына, Ф. Прадмовы і пасляслоўі / Ф. Скарына. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 240 с.
 28. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года. Тэксты. Даведнік. Каментарыі / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. савецкая энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1989. – 561 с.
 29. Чичерин, Б. Н. О народном представительстве / Б. Н. Чичерин. – 2-е изд. – М., 1990. – 810 с.
 30. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1910–1912. – 520 с.
 31. Юхо, И. А. История юридической науки Беларуси / И. А. Юхо. – Минск, 2000. – 200 с.

Дата паступлення ў рэдакцыю 01.10.2009.

В. В. Паращенко

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, ДИСКУССИИ

Паращанка Віктар Уладзіміравіч – дацэнт кафедры грамадзянскага і працоўнага права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь, кандыдат юрыдычных навук. Кола навуковых інтарэсаў палягае ў сферы праблем грамадзянскага працэсуальнага права, у прыватнасці, у галіне даказання і доказаў у грамадзянскім судаводстве.

¹ Спасович В. Д. *Избранные труды и речи*. С. 30.

² Баршев Я. И. *Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству*. С. 52.

Как и всякие другие научные представления о тех или иных явлениях объективного мира, в том числе и правового порядка, наука о доказательствах в праве формировалась постепенно, последовательно впитывая новые идеи логики, философии, кибернетики, психологии и, конечно же, правовые научные идеи. Во многом она определялась и особенностями текущего момента социального и экономического развития общества и другими основополагающими факторами бытия. Это, в свою очередь, отразилось и на законодательстве, регулирующем доказательственную деятельность судов и других субъектов правоприменения.

Если с этих позиций заглянуть в историю становления и развития научных представлений о доказательствах и понятии доказательства, в частности, то увидим, что они на первых этапах складывались под влиянием теории формальных доказательств, доминировавшей на территории Российской империи вплоть до принятия во второй половине XIX в. Судебных уставов.

Формальный подход к доказательствам был закреплен в Воинском уставе Петра I, содержавшем «краткое изображение процессов и судебных тяжб»¹. Сильное влияние на развитие этих научных представлений оказывала и господствовавшая в то время теория «чувственного эмпиризма»². Сущность данной теории заключалась в том, что источником доказательств является либо собственное непосредственное убеждение правоприменителя в предмете, либо убеждение посредственное, например, показания свидетелей, которые лично наблюдали, общались, соприкасались с предметом доказывания, и у них сформировалось на этой основе личное

чувственно-психическое представление о нем, то есть «чувственно-психический опыт»³.

В это же время некоторые исследователи выделяли и логический аспект в доказательствах, в формировании оснований убеждения правоприменителя относительно действительности или недействительности обстоятельства, подлежащего судебному удостоверению по данному делу⁴, с чем полностью следует согласиться.

Внимание к логике доказательств, что вполне естественно, оформилось еще в глубокой древности. Особую роль логике в доказательствах придавал Аристотель в своих трудах «Категории», «Первая аналитика», «Вторая аналитика», «Риторика», «О софистских опровержениях», в которых четко прослеживается мысль о том, что разумная человеческая деятельность протекает в конкретных логических формах, что только правильные логические формы позволяют человеку достичь истинного знания, закономерно выводимого из определенных логических предпосылок. Центральное место в логике Аристотеля занимает учение о дедуктивных (силлогистических) рассуждениях и доказательствах, которые позволяют человеку при правильном пользовании ими не только познавать материальные и духовные процессы, но и раскрывать их сущность.

Признавая важность чувственных, логических моментов при определении доказательств как проявления внешнего отношения доказательство/недоказательство, ученые акцентировали внимание уже на содержании доказательств, справедливо считая, что они имеют и свое содержание, которое не менее важно в правоприменении, чем их форма. Начало учению о содержании доказательств было положено Л. Е. Владимировым в работе «Учение об уголовных доказательствах». Он трактует доказательство с содержательной стороны как факт, позволяющий суду сделать определенный вывод по исследуемому обстоятельству. При этом исследователь имеет в виду «всякий факт», имеющий назначением вызвать в суде убеждение в существовании или несуществовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет судебного исследования»⁵.

В последующем такой же позиции придерживаются С. В. Курылев⁶, М. К. Треушников⁷. Но, в отличие от Л. Е. Владимирова и С. И. Викторского⁸, С. В. Курылев и М. К. Треушников подчеркивают, что это факт реальной действительности, что, на наш взгляд, можно истолковать еще и как достоверное,

³ Спасович В. Д. *Избранные труды и речи*. С. 21.

⁴ Духовский М. В. *Русский уголовный процесс*. С. 205.

НАЧАЛО УЧЕНИЮ О СОДЕРЖАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ БЫЛО ПОЛОЖЕНО Л. Е. ВЛАДИМИРОВЫМ В РАБОТЕ «УЧЕНИЕ ОБ УГОЛОВНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ»

⁵ Владимиров Л. Е. *Учение об уголовных доказательствах*. С. 100.

⁶ Курылев С. В. *Основы теории доказывания в советском правосудии*. С. 202.

⁷ Треушников М. К. *Судебные доказательства*. С. 73–75.

⁸ Викторский С. И. *Русский уголовный процесс*. С. 68.

реальное знание о факте как фрагменте действительности, подлежащем установлению в суде.

Такого же толкования термина «факт» придерживались и другие исследователи института доказательств. Так, Б. М. Кедров видел в нем, помимо фрагмента реальной действительности, и значение, близкое к синониму истины⁹, как «дискретный кусок действительности, установленной человеком, познанный им»¹⁰.

В то же время С. И. Викторский, Л. Е. Владимиров, а затем и А. Я. Вышинский в «факте» видели всего лишь одно его значение – фрагмент реальной действительности. А. Я. Вышинский, в частности, писал, что «доказательства – это обычные факты, те же совершающиеся в жизни явления, те же вещи, те же люди, те же действия людей, а не знание о данных обстоятельствах»¹⁰. Указанные авторы, таким образом, отождествляли обстоятельства, которые необходимо доказать (фрагменты реальной действительности), со средствами доказывания этих обстоятельств (вещи, люди, действия). На недопустимость такого отождествления указывали многие правоведы-процессуалисты.

Если исходить из однозначного толкования факта как фрагмента реальной действительности, тогда в качестве таковых следует рассматривать стороны, свидетелей, экспертов, специалистов, поскольку именно они или с их помощью осуществляется обычно доказывание в судопроизводстве. Однако, в отличие от доказательств, они не могут быть существенными и несущественными, главными и второстепенными, их нельзя приобщить к делу и т. д. Эти аргументы опровергают суждение А. Я. Вышинского и его сторонников относительно определения доказательства.

Факт следует трактовать не как фрагмент действительности, а как продукт познавательной деятельности, знание, достоверность которого доказана.

М. С. Строгович доказательством считал также и сами источники доказательств, то есть процессуальную форму их существования: показания обвиняемого, свидетеля, заключения эксперта и т. д. Обосновывалось это тем, что в них содержатся сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. То есть, он ввел в оборот понятия «доказательства-источники» и «доказательства факты»¹¹, с чем не согласился С. В. Курылев, утверждая, что источники доказательств, из которых извлекаются сами доказательства, не могут быть одновременно и доказательствами по делу¹².

⁹ Кедров Б. М. *Типы противоречий в развитии естествознания*. С. 635.

¹⁰ Там же. С. 25.

¹⁰ Вышинский А. Я. *Теория судебных доказательств в судебном праве*. С. 223.

¹¹ Строгович М. С. *Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе*. С. 56–60.

¹² Курылев С. В. *Основы теории доказывания в советском правосудии*. С. 138.

Если вышеуказанные авторы акцент делали на содержание доказательств как основополагающий их элемент, то имели место и попытки осмыслить доказательства с точки зрения формы их существования.

Предлагалось, например, считать доказательствами процессуально оформленные документы, сообщения или другие материалы, используемые в судопроизводстве, т. е. не факты как продукт познавательной деятельности, а сами материальные объекты, содержащие эти факты. Вполне справедливо, что подобная трактовка доказательств не получила поддержки в работах других авторов. Тем более что она не столько вносила ясность в данный вопрос, сколько порождала новые проблемы.

В конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого столетия были предприняты новые подходы к определению доказательства. Так, ст. 29 Гражданского процессуального кодекса Белорусской ССР 1964 г. (далее – ГПК 1964) дает следующее определение доказательства: «Доказательствами по гражданскому делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела».

Как видно, законодатель в качестве доказательств по гражданским делам предложил считать любые фактические данные в смысле информации о рассматриваемом событии, которая после придания ей процессуальной формы становится доказательством в процессуальном смысле. Это значит, что первичная информация о явлении, событии, объекте только после логической, психической, процессуальной оценки субъекта познания приобретает качество, превращается из фактической информации в процессуальную, доказательственную. Таким образом, законодатель объединил в одном понятии фактическое содержание и процессуальную форму доказательства, чего до этого не было, но к чему стремились исследователи сущности доказательств. Принципиально важную роль в конструкции такого определения доказательства сыграла разработанная В. Я. Дороховым теория отражения и информационного подхода при анализе явлений объективного мира¹³.

Отмечая теоретическую и практическую значимость законодательного закрепления понятия доказательства в ст. 29 ГПК 1964 г., следует обратить внимание на не совсем четкое

**ПЕРВИЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
О ЯВЛЕНИИ, СОБЫТИИ, ОБЪЕКТЕ
ТОЛЬКО ПОСЛЕ ЛОГИЧЕСКОЙ,
ПСИХИЧЕСКОЙ, ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
ОЦЕНКИ СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ
ПРИБРЕТАЕТ КАЧЕСТВО,
ПРЕВРАЩАЕТСЯ ИЗ ФАКТИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ,
ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННУЮ**

¹³ Дорохов В. Я. Понятие доказательства... С. 165.

**В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ,
К КОТОРОМУ В ПОЛНОЙ МЕРЕ
ОТНОСИТСЯ И ГРАЖДАНСКОЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВО, НА ДОСУ-
ДЕБНОМ ЭТАПЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
НЕ СУЩЕСТВУЕТ**

в понятийном значении слово «любые». Неясно, имеет ли оно в виду любые данные, полученные из любых процессуальных источников, или оно имеет отношение только к фактическим данным как носителям информации. На наш взгляд, термин «любые» имеет отношение к самой информации и то в определенных пределах, потому что, во-первых, информация в силу своего разнообразия может быть и не относимая к данному делу; во-вторых, она должна допускаться по данному делу законом. Это значит, что здесь не может быть расширительного толкования источников доказательств и процессуальных способов ее получения; в-третьих, в качестве доказательств могут быть восприняты только те фактические данные, которые получены в установленном законом порядке: из надлежащего источника путем личного заслушивания судом объяснений сторон, показаний свидетелей, личного прочтения (ознакомления) судом протоколов, заключений, личного осмотра, а не, например, прокурором с последующим сообщением результатов суду и т. д. В этом и состоит принцип непосредственности судебного разбирательства по гражданским делам.

Если посмотреть на ст. 29 ГПК1964 с позиций ее структурного построения, то в ч. 1 раскрывается содержание доказательства (фактические данные), во второй – его форма, т. е. на первое место законодатель поставил содержание доказательства, на второе – его форму.

Дискуссионным является и вопрос о том, с какого момента добытые сторонами фактические данные по делу следует считать доказательствами в их юридическом значении: с момента отыскания либо с момента предоставления их в суд с другими материалами дела, либо с момента окончания их исследования, проверки и оценки судом. Одни специалисты полагают, что в состязательном процессе фактические данные (информация) «может приобрести статус доказательства лишь в ходе исследования ее судом»¹⁴.

На наш взгляд, в состязательном процессе, к которому в полной мере относится и гражданское судопроизводство, на досудебном этапе доказательств не существует. Доказательства – это процессуальная категория. Все, что собрано сторонами для представления в суд, можно просто назвать «материалами», имеющими определенную связь с делом. Статус доказательств они приобретают только после исследования, проверки и оценки судом на предмет

¹⁴ Макаркин А. И. Состязательность на предварительном следствии. С. 34.

относимости, допустимости, законности и т. д., независимо от того, положены они затем в основу судебного решения или не положены. Все, что, по мнению суда, неотнесимо, недопустимо, незаконно сформировано, к доказательствам не относится. Думается, что совсем не случайно законодатель указал, что именно суд устанавливает с их помощью обстоятельства и, как можно предположить, с соблюдением установленной процессуальной формы.

Если подходить к этому вопросу иначе, тогда следует констатировать, что информация об обстоятельствах дела, содержащаяся в любом источнике, уже изначально имеет силу доказательства, что она существует в «готовом виде» и суду остается лишь включить ее в материалы дела и, «распортировав» по количественному признаку, постановить судебное решение. В такой ситуации решающее значение приобретает процесс собирания доказательств, а их проверка и оценка по внутреннему убеждению – это второстепенное дело для суда. Они не обязательны, что не согласуется с принципом состязательности в гражданском судопроизводстве и ч. 1 ст. 240 ГПК Республики Беларусь, согласно которой в основу решения по делу могут быть положены доказательства, подвергнутые всесторонней и объективной проверке..

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НЕ ИМЕЮТ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ, ЕСЛИ ОНИ ПОЛУЧЕНЫ «С НАРУШЕНИЕМ ЗАКОНА»

Нет единства взглядов и в вопросе допустимости отступлений от установленной законом процессуальной формы исследования, проверки и оценки доказательств и их юридических последствий. Тем более что ч. 2 ст. 240 говорит о том, что сведения, полученные с нарушением порядка, установленного ГПК, не могут служить доказательством по делу. Распространяется ли это положение на процессуальную форму исследования и оценки доказательств?

В свое время С. В. Курьлев писал, что такие отступления вполне допустимы, и вопрос лишь в их существенности. По его мнению, доказательство лишается доказательственной силы лишь в случае существенного нарушения процессуальной формы работы с доказательствами. Частные же ее нарушения на доказательственную силу сведений не должны влиять, что проблема вовсе не в самом факте нарушения, а в том, повлекло ли оно постановление незаконного или необоснованного судебного решения¹⁵. Имеется и категоричное противоположное мнение: всякое, даже самое незначительное отступление от процессуальной формы, является безусловным основанием лишения доказательства его доказательственной силы¹⁶.

¹⁵ Курьлев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. С. 157–160.

¹⁶ Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. С. 88.

В тоже время из содержания ст. 404 ГПК следует, что отступления, в принципе, допустимы, но при условии, что это не повлекло или не могло повлечь неправильное разрешение дела.

На наш взгляд, формального подхода здесь не должно быть, так как это внесет в судебную практику в известной степени хаос ввиду неодинакового подхода судей к толкованию категорий «существенное», «несущественное», «грубое», «негрубое» и т. д. Полагаем, наиболее рациональный подход – отступления недопустимы.

Статья 178 ГПК Республики Беларусь доказательства определяет как «любые сведения о фактах, входящих в предмет доказывания, полученные в результате использования в установленном... Кодексом и иными законами порядке средств доказывания».

По сути, редакция ч. 1 ст. 178 ГПК Республики Беларусь повторяет редакцию ст. 29 ГПК 1964 г., но с некоторыми изменениями в применяемой терминологии. В ГПК 1964 г. используется определение «фактические данные», в ГПК 1999 г. – «любые сведения о фактах». Имеется ли существенное различие в этих терминах?

Высказывается мнение, что под фактическими данными, образующими доказательства, следует понимать не факты, не обстоятельства дела, установленные посредством показаний свидетелей, объяснений сторон, заключений экспертов, специалистов, протоколов процессуальных действий суда, а только сведения о фактах, подлежащих установлению и полученных из законных источников¹⁷. Доказанный по делу факт, установленный с помощью сведений о фактах, считают другие, выступает одним из доказательств искомого факта и, значит, сам может служить средством доказательства другого факта. В материалистическом понимании «факт», «фактические данные», – пишет Г. Мосесян, – уже заложено представление о чем-то реальном, существующем вне нас¹⁸.

Т. В. Сахнова предложила отказаться вообще от терминов «сведения о фактах», «факты», «фактические данные» и раскрывать содержание доказательства через термин «информация», полученная в установленном законом порядке, на основании которой суд выясняет наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела¹⁹.

На наш взгляд, юридически более точным термином являются «сведения о фактах», потому что в силу принципа

¹⁷ Дорохов В. Я. *Понятие доказательств в советском уголовном процессе*. С. 115.

¹⁸ Мосесян Г. *Об актуальных вопросах теории судебных доказательств в уголовном процессе*. С. 44.

¹⁹ Сахнова Т. В. *Регламентация доказательств и доказывания в гражданском процессе*. С. 54.

непосредственности судебного разбирательства суд имеет контакт не с фактами (тем более, что они имели место в прошлом и их невозможно представить суду для обозрения и исследования), а именно со сведениями о них, озвученными свидетелями, сторонами, зафиксированными в письменных документах, различного рода протоколах и др. Сведения, например, могут содержаться в цифрах, аббревиатуре, в объемных данных, в знаках, которые могут расшифровываться техническими способами и т. д. Фактические данные в их буквальном понимании – это что-то реальное, объективно зримое и поэтому оно может оцениваться только с внешней стороны, только в виде характеризующей информации. Что касается термина «информация», то он соответствует больше социально-техническим характеристикам объекта, события, явления, предназначенным для широкого круга «потребителей» и не влекущим юридических последствий, не преследующих достижение юридических целей.

Показания свидетелей, объяснения сторон, оглашение документов и т. д. – это не доказательства, а процессуальный способ извлечения сведений (доказательств) об обстоятельствах дела из источников, их содержащих, с целью последующего исследования, проверки и оценки судом на предмет относимости, допустимости, достаточности, законности, достоверности. С этих позиций следует согласиться с тем, что источник доказательств – это «хранилище» сведений, из которого их извлекают. Поэтому является ошибочной позиция тех авторов, которые считают, что при таком подходе к доказательствам «исчезает важнейший признак показаний – их непосредственное бытие как сведений, изложенных на допросе в устной форме»²⁰.

На наш взгляд, понимание доказательства, закрепленное в ст. 178 ГПК, четко и однозначно дает ответ на этот важный вопрос: доказательства – это сведения об обстоятельствах дела, можно сказать, о фактах, имевших место в прошлом.

Однако не всякие сведения, однозначно относимые к данному делу, и дающие прямой ответ на стоящий перед судом вопрос – ДА/НЕТ, могут быть доказательствами по данному делу. Они еще должны отвечать требованиям допустимости по данному делу. Это значит, что если нарушены правила допустимости, т. е. порядок их извлечения из источника или формы процессуального существования, то какими бы они значимыми не были для дела, доказательствами такие сведения

ЮРИДИЧЕСКИ БОЛЕЕ ТОЧНЫМ ТЕРМИНОМ ЯВЛЯЮТСЯ «СВЕДЕНИЯ О ФАКТАХ», ПОТОМУ ЧТО В СИЛУ ПРИНЦИПА НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА СУД ИМЕЕТ КОНТАКТ НЕ С ФАКТАМИ, А ИМЕННО СО СВЕДЕНИЯМИ О НИХ

²⁰ Шейфер С. А. Понятие доказательства: спорные вопросы теории. С. 16.

не являются. В частности, это касается несоблюдения простой письменной формы гражданско-правовых сделок, результатом чего является недопустимость ссылок на свидетельские показания в случае возникновения спора по такой сделке. Полученные в таких случаях сведения от свидетелей не воспринимаются, и на их основании суд не может постановить свое решение.

Согласно ст. 179 ГПК ответственность за сбор доказательств лежит на сторонах. Каждая сторона должна представить суду доказательства, обосновывающие требования или опровергающие их. Суд лишь оказывает содействие сторонам в поиске соответствующих доказательств. Он не вправе их собирать по своей инициативе, как это не могут делать, на-

**СУД ЛИШЬ ОКАЗЫВАЕТ СОДЕЙ-
СТВИЕ СТОРОНАМ В ПОИСКЕ
СООТВЕТСТВУЮЩИХ ДОКАЗА-
ТЕЛЬСТВ. ОН НЕ ВПРАВЕ ИХ СО-
БИРАТЬ ПО СВОЕЙ ИНИЦИАТИВЕ,
КАК ЭТО НЕ МОГУТ ДЕЛАТЬ, НА-
ПРИМЕР, ПРОКУРОР, АДВОКАТ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ**

пример, прокурор, адвокат, представитель. Если эти правила нарушены, то такие доказательства (сведения) считаются недопустимыми, не имеющими юридической силы.

Считаются также недопустимыми доказательства, полученные процессуальными способами, но до возбуждения дела, кроме сведений, полученных в результате осмотра, например, объекта, так как закон разрешает проведение этого процессуального действия до возбуждения дела. Необходимым условием использования представленных вещей в качестве доказательств является постановление судьи о приобщении их к делу. Недопустимыми считаются доказательства, полученные от лица, которое не может быть допрошено в качестве свидетеля, при нарушении свидетельского иммунитета, если они получены от свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности. Также суд не принимает сведения, полученные в нарушение конституционных гарантий.

Некоторые процессуалисты пытались выделить такое свойство доказательств, как их значимость (ценность) для дела. И. Б. Михайловская полагает, что значимость – это установление того, какие факты познаются при помощи данных доказательств²¹, и раскрывается она через наличие или отсутствие отношений соответствия между объектом исследования и доказательством. И. М. Резниченко к значимым относит доказательства, содержащие большое количество сведений²².

Значимость не определяется степенью соответствия между доказательством и искомым фактом, не зависит от количества сведений и их смысловой ценности, т. е. не всегда количественная сторона определяет смысловой аспект доказательств.

²¹ Михайловская И. Б. *Относимость доказательств в советском уголовном процессе*. С. 122.

²² Резниченко, И. М. *К вопросу о путях совершенствования законодательства о доказывании...* С. 23.

Она определяется тем, в какой степени и через какую связь с искомым фактом доказательство позволяет суду судить об обстоятельствах дела.

Обращает на себя внимание и дискуссионность в отношении такого свойства доказательства, как его достоверность. В одних случаях достоверность толкуют как верность, истинность сведений, составляющих содержание доказательства. Н. И. Кондаков, в частности, достоверность определяет как правильное, точное, не вызывающее сомнений отображение мыслью предметов и явлений окружающего мира; проверенное практикой знание²³. Другие полагают достоверным то доказательство, содержание которого полностью или частично не опровергнуто другими доказательствами, и оно несомненно²⁴. Хозяйственно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (ст. 108) достоверность доказательств определяет в их сравнении с действительностью: доказательство признается хозяйственным судом достоверным, если в результате исследования, сопоставления с другими доказательствами суд установит, что содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности. В таком определении, однако, остается открытым вопрос о том, что такое «действительность», соответствует ли она объективной истине, или же объективность и истинность являются равнозначными категориями, и можно ли в судебном заседании установить реальное соотношение между действительностью и достоверностью доказательств, касающихся обстоятельств дела, имеющих место в прошлом.

Исходя из реальной судебной практики по гражданским и хозяйственным делам, процессуальных подходов к оценке доказательств на их достоверность можно отметить, что критерием такого свойства является опровержимость/неопровержимость доказательства другими доказательствами.

С проблемой достоверности доказательств связан и вопрос о моменте ее выявления. Р. В. Костенко считает, что каждое доказательство становится достоверным не с момента его получения соответствующими субъектами, а с момента его исследования и оценки судом с соблюдением процессуальной формы²⁵. В тоже время С. А. Шейфер полагает, что отсутствие свойства достоверности на этапе получения сведений лишает их признаков доказательства, поскольку иной подход не только необоснованно отделяет момент появления в деле доказательств, но и игнорирует реальный процесс формирования

²³ Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе... С. 20.

²⁴ Паращенко В. В. Оценка доказательств в суде первой и второй инстанции по гражданским делам... С. 15.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРИЗНАЕТСЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫМ СУДОМ ДОСТОВЕРНЫМ, ЕСЛИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, СОПОСТАВЛЕНИЯ С ДРУГИМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ СУД УСТАНОВИТ, ЧТО СОДЕРЖАЩИЕСЯ В НЕМ СВЕДЕНИЯ СООТВЕТСТВУЮТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

²⁵ Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе... С. 28.

²⁶ Шейфер С. А. *Понятие доказательства: спорные вопросы теории*. С. 18.

доказательств, в основе которого лежит отражение информации. При этом вероятность достоверности такой информации, с его точки зрения, вовсе не ставит под сомнение ее доказательственное значение и возможность оперирования ею. В противном случае получается, что решения принимаются в отсутствие доказательств²⁶.

Думается, что с момента получения сведений по обстоятельствам дела, доказательств в их процессуальном значении еще не существует, а имеет место лишь доказательственный материал, который должен еще пройти процессуальную обработку.

Исходя из трактовки доказательства как единства содержания и формы (фактические данные и источники) предлагается вовсе отказаться от термина «источники доказательств» и сохранить его, отдавая дань процессуальной традиции, в теории лишь для обозначения носителей доказательственной информации. Автор такого подхода считает, что доказательства формируют не свидетели, потерпевший и т. д., а суд, и поэтому доказательства (в смысле их формы процессуального существования) не могут быть источниками самих себя²⁷.

²⁷ Там же. С. 20.

ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ – ЭТО НЕ ДАНЬ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ, А САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ, ОБОЗНАЧАЮЩИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

С таким предложением согласиться нельзя, поскольку, на наш взгляд, источник доказательств – это не дань процессуальной традиции, а самостоятельный процессуальный институт, обозначающий процессуальные формы существования доказательств. В противном случае получится, что по гражданским делам источником доказательств будет считаться суд, который доказыванием вообще не может заниматься, и это будет противоречить ст. 179 ГПК.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Нормативная регламентация понятия доказательства в гражданском судопроизводстве, приведенная в ст. 178 ГПК, отвечает не только современным теоретическим представлениям о доказательствах в праве, но и потребностям судебной практики. Согласно данной статье под доказательством понимаются любые сведения о фактах, входящих в предмет доказывания, полученные в результате использования в установленном законом порядке средств доказывания. В таком определении законодатель четко и однозначно подчеркивает решающее значение содержания доказательств, отграничивая его от процессуальной формы их существования и способов их извлечения.

2. Доказательства, как сведения о фактах, сами по себе таковыми не являются. Информация о факте приобретает качество сведений о факте, превращается в доказательство только после его процессуальной обработки в судебном заседании с соблюдением установленной процессуальной формы.
3. Доказательство должно быть не только относимым, допустимым, но и достоверным, значимым для дела и законным по своему происхождению.
4. Никаких процессуальных отступлений в ходе исследования, проверки и оценки доказательств (существенных, несущественных и т. д.) не допустимо.
5. Источник доказательств не является доказательством, так как доказательство не может порождать само себя.

Список использованных источников

1. Спасович, В. Д. Избранные труды и речи / В. Д. Спасович. – Тула, 2000.
2. Баршев, Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. И. Баршев. – М., 2001.
3. Духовский, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовский. – М., 1910.
4. Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров. – СПб., 1916.
5. Курылев, С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С. В. Курылев. – Минск : Изд-во БГУ, 1969.
6. Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – М., 1997.
7. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. – М., 1997.
8. Кедров, Б. М. Типы противоречий в развитии естествознания / Б. М. Кедров. – М., 1965.
9. Вышинский, А. Я. Теория судебных доказательств в судебном праве / А. Я. Вышинский. – М., 1950.
10. Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М. С. Строгович. – М., 1955.
11. Дорохов, В. Я. Понятие доказательства / В. Я. Дорохов // Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1973. – С. 197–228.
12. Макаркин, А. И. Состязательность на предварительном следствии / А. И. Макаркин. – СПб., 2004. – С. 34.
13. Дорохов, В. Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе / В. Я. Дорохов // Сов. государство и право. – 1964. – № 9. – С. 108–117.

14. Мосесян, Г. Об актуальных вопросах теории судебных доказательств в уголовном процессе / Г. Мосесян // Соц. законность. – 1993. – № 3. – С. 43–47.
15. Сахнова, Т. В. Регламентация доказательств и доказывания в гражданском процессе / Т. В. Сахнова // Государство и право. – 1993. – № 7. – С. 53–54.
16. Шейфер, С. А. Понятие доказательства: спорные вопросы теории / С. А. Шейфер // Государство и право. – 2008. – № 3. – С. 16–23.
17. Михайловская, И. Б. Относимость доказательств в советском уголовном процессе / И. Б. Михайловская // Сов. государство и право. – 1958. – № 12. – С. 122.
18. Резниченко, И. М. К вопросу о путях совершенствования законодательства о доказывании / И. М. Резниченко / Совершенствование правового регулирования и порядка рассмотрения гражданских дел: межвуз. сб. науч. тр. (отв. ред. Ю. К. Осипов); Свердловский юрид. ин-т. – Свердловск, 1989. – С. 23–25.
19. Костенко, Р. В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Р. В. Костенко. – СПб., 2006. – С. 20.
20. Парашенко, В. В. Оценка доказательств в суде первой и второй инстанции по гражданским делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / В. В. Парашенко; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2009.

Дата поступления в редакцию 25.03.2010.

Г. А. Примачёнок

ПРОСТРАНСТВО КАК ВСЕОБЩАЯ СРЕДА, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕСУРС И ОБЪЕКТ СОБСТВЕННОСТИ

Пространство, являясь всеобщей средой существования природы и общества, характеризуется свойствами двух уровней. К первому можно отнести свойства открытости, структурности и протяженности. Второй уровень выделился на основе индивидуальных свойств процессов, объектов и явлений, изменяющих социальные характеристики ресурса пространства. По этой причине современная экономическая теория включает пространство в группу факторов производства. Однако по-прежнему *пространство используется фрагментарно и чаще всего изолированно, без учёта общих закономерностей функционирования и оценки его значимости для производства*. Такая практика обусловлена, прежде всего, отсутствием концепции, учитывающей совокупность пространственных характеристик (протяженности ритмов процессов и явлений, относительной ценности в зависимости от условий эксплуатации, влияющих на эффективное использование пространства). В экономической теории фактор «пространство» ограничивается фактически одним его объектом – землёй. *Традиционно в экономической теории констатируется свойство пространства как среды, в которой функционируют такие основные факторы производства, как труд, капитал, земля, предпринимательство, но проблема их пространственного взаимодействия не рассматривается*¹.

Экономическая значимость такого фактора производства, как пространство, в структуре стратегических компонентов экономической политики более объёмна: *пространство пронизывает и связывает все производственные ресурсы*. Этот

Прымачонак Галіна Анатольєвна – доктор економічних наук, доцент, професор кафедри економіки і керівання БДЗУ. Сфера наукових інтересів – інституційні проблеми трансфармації національної економіки, проблема перетворення адносін власності у ринкавій і трансфармаційній економіці.

¹ Курс экономической теории... С. 210.

ресурс должен последовательно учитываться рядом экономических наук, начиная от логистики регионов и заканчивая маркетингом в направлении выбора оптимальных габаритных размеров изделий (мебели, бытовой техники и т. д.). Использование ресурса пространства наряду с другими факторами (качеством, дизайном, институциональным климатом) может повысить конкурентоспособность продукции и эффективность экономики в целом.

Пространство определяет структуру и качество жизнедеятельности общества (расселение, строительство жилья, коммуникаций, специализацию хозяйственной деятельности и многие другие социально-экономические процессы).

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСА
ПРОСТРАНСТВА НАРЯДУ С ДРУ-
ГИМИ ФАКТОРАМИ (КАЧЕСТ-
ВОМ, ДИЗАЙНОМ, ИНСТИТУЦИ-
ОНАЛЬНЫМ КЛИМАТОМ) МОЖЕТ
ПОВЫСИТЬ КОНКУРЕНТОСПО-
СОБНОСТЬ ПРОДУКЦИИ И ЭФ-
ФЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИКИ
В ЦЕЛОМ**

Социальное пространство, степень его освоения определяют экономическое благосостояние государств.

Поскольку пространство является экономической категорией, собственностью государства, основой его суверенитета и экономического благосостояния, а также обладает свойством делимости и обособления, постольку оно обладает свойствами частных благ и может быть отчуждаемо, его возможно приобретать и менять. Вместе с тем исторически сложилась традиция, в соответствии с которой государство является генеральным собственником социального пространства, оно его распределяет и устанавливает порядок отчуждения, управления, пользования, владения, распоряжения, извлечения прибыли, ответственности, контроля, охраны.

Эффективность ресурса пространства в правовой системе определяется конкуренцией и согласованностью норм различных отраслей права, регулирующих иерархию способов использования этого ресурса. Так, в общей теории права категория пространства рассматривается в контексте классификации территорий действия нормативных правовых актов. Различают действие нормативных правовых актов «на всю территорию страны или же на какую-либо точно определённую часть её, либо предназначены для действия за пределами страны». При этом под территорией страны понимается находящаяся под её государственным суверенитетом «часть земного шара»². Таким образом, пространственные параметры, находящиеся под юрисдикцией государства, определены территорией земли, вод, недр, лесов. Что касается воздушного пространства, то его принадлежность определяется другими нормативно-правовыми актами, в том числе межгосударственными

² *Общая теория права: учеб. для юридических вузов. С. 177.*

и международными. Правовой статус пространства в свое время четко определил Л. И. Петражицкий: «Господствующее мнение констатирует государственную власть как единую, обладающую принудительной, непреодолимой силой воли государства... Традиционно различают в государстве три элемента: территория, население и государственная власть»³. Причём независимо от социально-экономического типа или формы государства оно всегда выступало генеральным собственником своего пространства. Пространственные устремления государств ограничены правовыми рамками, соответствующими техническим возможностям.

В современных условиях суша и внутриматериковые воды разделены между суверенными субъектами – государствами. Фактически не распределены открытые моря, океаны, Антарктида и космос. Кроме того, использование и охрана недр и подземных вод, общих для Беларуси и сопредельных с нею государств, практически не развито. Это обусловлено тем обстоятельством, что в международной практике до сих пор главное внимание уделялось поверхностным, а не подземным территориям. *Проблемно также решается вопрос разделения воздушного пространства.* Принадлежность воздушного пространства определяется территориальными границами государств. Высота воздушного пространства не определена. Вероятно, в отношении принадлежности воздушного пространства государству по высоте нужно применять правило, предложенное в своё время Н. С. Таганцевым для определения морских границ: «Государство простирает свою власть на расстоянии пушечного выстрела от берега»⁴. Практикой установлено, что при определении верхней границы воздушного пространства государств следует руководствоваться международным договором о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 г.). Установлен обычай, согласно которому границей воздушного пространства и космоса является 100 миль над уровнем океана. Так, под государственной территорией Республики Беларусь понимается суша, внутренние воды, воздушное пространство над ними, земные недра в пределах государственной границы. Кроме того, к государственной территории приравнены воздушные и морские суда, космические корабли и другие объекты, несущие флаг Беларуси, подводные кабели, трубопроводы и другие объекты, принадлежащие государству и находящиеся в открытом море или космосе.

³ Петражицкий Л. И. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности.* С. 167, 177.

⁴ Таганцев Н. С. *Русское уголовное право...* С. 123.

В соответствии со сложившейся практикой правового регулирования общественных отношений в Республике Беларусь нормативные правовые акты, устанавливающие порядок использования социального пространства, рассредоточены, помимо Конституции, в различных отраслях законодательства (гражданского, земельного, водного, воздушного, административного, уголовного и др.). Согласно ст. 9 Конституции Республики Беларусь территория страны является «естественным условием существования и пространственным пределом самоопределения народа, основой его благосостояния и суверенитета». Она едина и неотчуждаема, делится на области, районы, города и иные административно-территориальные единицы. В соответствии со ст. 13 Конституции Республики Беларусь «недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства. Земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства. Законом могут быть определены и другие объекты, которые находятся только в собственности государства, либо установлен особый порядок перехода их в частную собственность». В статьях 128–130 Гражданского кодекса Республики Беларусь определены виды объектов гражданских прав, проведена их классификация, оборотоспособность. *Согласно законодательной классификации социальное пространство не указано в виде объекта гражданских прав, а названы отдельные пространственные объекты: земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и всё, что прочно связано с землёй (в том числе леса, многолетние насаждения, здания, сооружения), которые относятся к недвижимым вещам. При этом право собственности и другие права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в специально уполномоченных на то органах. Кроме того, в определённых законом случаях может осуществляться специальная регистрация или учёт отдельных видов недвижимости. Следует отметить, что воздушное пространство не отнесено к объектам гражданских прав, если не учитывать общую формулировку ст. 130 ГК «и все, что прочно связано с землёй». Если считать отсутствие упоминания о воздушном пространстве в ГК пробелом в праве, то согласно ст. 5 ГК возможно использование аналогии закона или аналогии права. Как известно, пространственные объекты имеют различную протяжённость и скорость движения. Поэтому правовое регулирование их использования и охраны необходимо осуществлять раздельно, однако с учётом их взаимосвязи (например, связь недр с землёй не идентична связи*

воздушного пространства с нею). В процессе использования пространственных объектов (их также называют объектами природы) возникает необходимость обособления частей этих объектов. Следовательно, необходимо правовое регулирование порядка их обособления, особенностей использования, охраны и защиты. Применение же аналогии закона и права не способствуют эффективному использованию пространственных объектов. Поэтому необходимо внесение изменений и дополнений в гражданское законодательство, касающееся использования, охраны и защиты пространства и его объектов. При этом следует учитывать, что пространство (совокупность объектов, его составляющих) является не только средой обитания, жизнедеятельности, но и обеспечивает свободу личности, а точнее уровень обладания объектами пространства является показателем степени свободы отдельного человека, социальных групп и коллективов (в том числе свободы перемещения, миграции населения).

Гражданским правом определены общие положения использования, обращения и охраны вещей (объектов пространства), но также требует охраны и собственно ресурс пространства. Так, в Кодексе Республики Беларусь о земле указано, что земля как объект права может быть в государственной, частной и общей (долевой или совместной) собственности. В соответствии с целевым назначением земли подразделяются на следующие категории: земли сельскохозяйственного назначения (предоставляются юридическим и физическим лицам в пользование или аренду); земли общего пользования (площади, парки, улицы, бульвары, скверы и т.п.); земли транспорта и связи; земли для нужд обороны; земли лесного фонда; земли водного фонда; земли, подвергшиеся радиоактивному загрязнению (зоны эвакуации и первоочередного отселения); земли заповедников, национальных, мемориальных и дендрологических парков; ботанических садов; заказников; памятников природы и архитектуры; земли оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения; сенокосные, пастбищные и другие земли населённых пунктов, используемые для общих нужд населения; служебные земельные наделы; земли разведанных полезных ископаемых или предусмотренные генеральными планами для иного использования⁵. К землям, которые могут передаваться в частную собственность, относятся земли населённых

ПРОСТРАНСТВО (СОВОКУПНОСТЬ ОБЪЕКТОВ, ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИХ) ЯВЛЯЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО СРЕДОЙ ОБИТАНИЯ, ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НО И ОБЕСПЕЧИВАЕТ СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ, А ТОЧНЕЕ УРОВЕНЬ ОБЛАДАНИЯ ОБЪЕКТАМИ ПРОСТРАНСТВА ЯВЛЯЕТСЯ ПОКАЗАТЕЛЕМ СТЕПЕНИ СВОБОДЫ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА, СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И КОЛЛЕКТИВОВ

⁵ Сборник эколого-правовых актов Республики Беларусь. С. 31–32.

пунктов, садоводческих товариществ и дачного строительства, а также земли запаса. При этом в частную собственность они могут приобретаться только для ведения личного подсобного хозяйства, строительства и обслуживания жилого дома, ведения коллективного садоводства, дачного строительства. Их размеры установлены от 0,05 до 0,25 га, а для ведения личного подсобного хозяйства могут дополнительно предоставляться в собственность участка до 1 га. В пожизненное же владение для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства участки могут предоставляться в размере до 100 га.

Государство в лице соответствующих органов организует землеустройство, ведение государственного земельного кадастра, отвод земельных участков, контроль над целевым использованием и охраной земель. Землепользователи, землевладельцы, собственники земельных участков обязуются рационально

ГОСУДАРСТВО В ЛИЦЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ОРГАНОВ ОРГАНИЗУЕТ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО, ВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗЕМельНОГО КАДАСТРА, ОТВОД ЗЕМельНЫХ УЧАСТКОВ, КОНТРОЛЬ НАД ЦЕЛЕВЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ И ОХРАНОЙ ЗЕМЕЛЬ

и по целевому назначению использовать землю, восстанавливать, повышать её плодородие, защищать от коррозии, загрязнения и засорения почвы и других процессов ухудшения состояния земель. За нарушение земельного законодательства предусматривается гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность (начиная от ограничений и предписаний использовать землю по целевому назначению и заканчивая возвратом земельных участков, возмещением причинённого вреда, применением штрафных санкций и др.). Так, в статьях 15.5–15.13 Кодекса Республики Беларусь об административных нарушениях предусматривается ответственность за нарушение порядка использования земли и требований по её охране, самовольное отступление от схем или проектов землеустройства, уничтожение или повреждение межевых знаков, нарушение правил, установленных для борьбы с сорной растительностью, болезнями и вредителями растений, а также за порчу земель, т. е. уничтожение плодородного слоя почвы, либо невыполнение правил рекультивации земель, либо загрязнение их химическими или радиоактивными веществами, отходами производства и потребления, сточными водами, бактериально-паразитическими вредными организмами, либо иное незаконное повреждение земель, в том числе и нарушение порядка захоронения радиоактивных отходов.

Вместе с тем ответственность за нарушение права собственности на земельный участок, а также за воспрепятствование собственнику пользоваться таким участком в названном кодексе не предусмотрена (кроме уничтожения либо повреждения

межевых знаков), что снижает правовую защищённость частных собственников земельных участков. В уголовном законодательстве предусматривается ответственность за самовольное занятие земельного участка (ст. 386), порчу земель, состоящую в уничтожении плодородного слоя почвы либо в невыполнении правил рекультивации земель, либо загрязнений их химическими или радиоактивными веществами, отходами производства и потребления, сточными водами, бактериально-паразитическими вредными организмами (ст. 269), либо в ином незаконном повреждении земель.

Правовое регулирование использования и охраны земель, предусмотренное Кодексом о земле, ограничивается только её поверхностным слоем, растительностью на нём, а также добычей ископаемых. Что касается земель лесного, водного фондов, недр земли, а также животного мира, то они, в основном, регулируются соответствующим отраслевым законодательством. Таким образом, *земельное законодательство, с одной стороны, в целом ограничивает свободное обращение земельных участков строго целевой направленностью их использования и возможностью изменения статуса собственности, а с другой – регулирует земельные отношения без учёта других составляющих ресурса пространства* (лесов, кустарников, животного мира, вод, недр, воздушного пространства, в том числе высоты зданий, сооружений, деревьев и т. д.). Кроме того, действующее законодательство о земле содержит широкий диапазон оснований изъятия земельных участков независимо от формы собственности для государственных нужд. Вышеприведенные экономико-правовые причины снижают экономическую эффективность использования структурной части пространства, ограниченного землей.

Тесно связаны с землепользованием недра земли – часть земли, находящаяся ниже почвенного слоя, в которой содержатся залежи полезных ископаемых в твёрдом, жидком или газообразном состоянии, пригодные для использования во всех сферах человеческой деятельности. Геологическое изучение, пользование и охрана недр регулируется Кодексом Республики Беларусь о недрах. В ст. 3 названного кодекса указано, что «недра Республики Беларусь являются исключительной собственностью государства». Они и право пользования ими не могут быть предметом купли, передачи, дарения, наследования,

ЗЕМЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, В ЦЕЛОМ ОГРАНИЧИВАЕТ СВОБОДНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СТРОГО ЦЕЛЕВОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТЬЮ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА СОБСТВЕННОСТИ, А С ДРУГОЙ – РЕГУЛИРУЕТ ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ БЕЗ УЧЁТА ДРУГИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ РЕСУРСА ПРОСТРАНСТВА

вклада, залога или отчуждаться в иной форме. Пользователями недр могут быть как юридические лица, независимо от форм собственности, так и физические при наличии соответствующих лицензий. Сроки пользования недрами составляют от 5 до 25 лет в зависимости от вида пользования (геологического изучения, строительства и эксплуатации подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, сбора минералогических, палеонтологических и других уникальных геологических материалов, добычи ископаемых).

Пользователи недрами (как физические лица, так и юридические) выполняют обязанности и имеют права, предусмотренные статьями 27 и 28 Кодекса о недрах. Владельцы могут пользоваться недрами земли только для своих нужд (добыча торфа, глины и т. п., а также строительство подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, на глубину до 5 метров). За нарушение законодательства

ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕДРАХ ПРЕДУСМАТРИВАЕТСЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ, АДМИНИСТРАТИВНАЯ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

о недрах предусматривается гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. В частности, на основании гражданско-правового законодательства разрешаются вопросы изъятия и компенсации за пользование недрами. Административная ответственность предусматривается за нарушение правил безопасного ведения работ, охраны недр, природной среды, самовольное пользование недрами, порчу месторождений полезных ископаемых, систематическое нарушение порядка внесения платы за пользование недрами и др. Уголовная ответственность предусматривается за уничтожение, повреждение памятников природы, нарушение режима особо охраняемых природных территорий и объектов, уничтожение или повреждение торфяников, а также за нарушение правил охраны недр (ст. 271 УК), нарушение правил безопасности горных или строительных работ (ст. 303 УК).

Таким образом, законодательство о недрах тесно связано с законодательством о земле. Более того, законодательство о земле является определяющим для правового регулирования пользования и охраны недр. В отличие от законодательства о земле, законодательство о недрах не предусматривает частную собственность использования объектов недр.

В ст. 38 Кодекса о земле отмечается, что земли лесного фонда не подлежат передаче в частную собственность. Согласно же ст. 6 Лесного кодекса Республики Беларусь в состав земель государственного лесного фонда входят лесные

и нелесные земли. К лесным относятся земли, покрытые лесом, а также вырубки, гари, пустыри, прогалины, площади, занятые питомниками. К нелесным землям относятся не покрытые лесом земли, используемые для сельскохозяйственных целей, занятые просеками, дорогами, мелиоративной сетью, и иные земли, расположенные в границах государственного лесного фонда (болота, водоёмы и др.). Все леса, образующие государственный лесной фонд, находятся в исключительной собственности государства. Они делятся на группы и категории защищенности. Система лесоустройства предполагает перевод земель государственного лесного фонда в другие категории земель и наоборот. Лесопользование, которое могут осуществлять физические и юридические лица независимо от форм собственности, регулируется законодательством, которое предполагает следующие его виды: заготовка древесины, живицы, бересты, новогодних елок, древесных соков, сбор ягод, орехов, грибов, лекарственных растений, сбор мха, опавших листьев и другие виды побочного лесопользования, а также пользования для нужд охотничьего хозяйства, в научно-исследовательских и учебно-опытных целях, в культурно-оздоровительных, туристических, спортивных и других целях. Сроки лесопользования зависят от его вида. Краткосрочное лесопользование – до 1 года и долгосрочное – до 15 лет. Эти сроки могут быть продлены, также возможно пользование лесными объектами без указания срока. Лесопользование осуществляется платно на основе сертификации. Граждане имеют право свободно находиться на территории лесного фонда и бесплатно собирать для собственных нужд дикорастущие плоды, ягоды, орехи, грибы и другие пищевые лесные ресурсы. Однако они обязаны соблюдать порядок и установленные законодательством правила.

ВСЕ ЛЕСА, ОБРАЗУЮЩИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛЕСНОЙ ФОНД, НАХОДЯТСЯ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА. ОНИ ДЕЛЯТСЯ НА ГРУППЫ И КАТЕГОРИИ ЗАЩИЩЕННОСТИ

Государством в лице его органов установлен порядок учета ведения государственного лесного кадастра, также осуществляется мониторинг лесов, создаются органы государственной лесной охраны и авиационной охраны лесов от пожаров, вредителей и болезней. В обязанности работников государственной лесной охраны входит не только охрана и контроль над соблюдением законодательства о лесопользовании, но и охрана животного мира. Возмещение причиненного вреда, а также ответственность за нарушение лесного законодательства предусмотрена гражданским, административным и уголовным законодательством.

В частности, административная ответственность предусмотрена за нарушение порядка и правил использования лесного фонда, требований пожарной безопасности, загрязнение леса, правил заготовки, сбора или закупки грибов, других дикорастущих растений и других нарушений, предусмотренных статьями 15.21–15.34 Кодекса об административных правонарушениях. В УК предусмотрена ответственность за загрязнение леса (ст. 275), уничтожение или повреждение леса по неосторожности (ст. 276), незаконную порубку деревьев и кустарников (ст. 277).

Часть земной коры покрыта водами. В Беларуси водные ресурсы составляют только внутренние воды. Согласно ст. 4 Водного кодекса Республики Беларусь все воды (водные объекты), находящиеся на территории страны, являются исключительной собственностью государства и составляют

ГОСУДАРСТВО В ЛИЦЕ ЕГО ОРГАНОВ МОЖЕТ ПРЕДОСТАВЛЯТЬ В ПОЛЬЗОВАНИЕ ВОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ ИЛИ ИХ ЧАСТЬ ФИЗИЧЕСКИМ И ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ ЛЮБЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ

государственный водный фонд, который включает поверхностные воды (реки, ручьи, родники, озера, пруды, водохранилища, каналы), подземные воды, а также земли водного фонда. К землям водного фонда относятся земли, занятые водными объектами (болотами, гидротехническими и водохозяйственными сооружениями), а также выделенные земли под полосы по берегам водных объектов, магистральных каналов и коллекторов. Государство в лице его органов может предоставлять в пользование водные объекты или их часть физическим и юридическим лицам любых форм собственности. Государство организует водопользование, стандартизацию и нормирование (нормативные качества вод и технологические нормативы). В законодательстве определены цели и виды водопользования (общее, специальное, совместное, обособленное, первичное и вторичное), его сроки (краткосрочное до 5 лет и долгосрочное до 25 лет), а также меры охраны вод от загрязнения, засорения и истощения. Водопользование в Беларуси является платным, данные платежи взимаются в форме налога и арендной платы. В Водном кодексе определён порядок пользования водными объектами для ведения рыбного хозяйства и любительского рыболовства, а также охотничьего хозяйства (разведение водоплавающих птиц, пушных зверей). Нарушение водного законодательства влечёт гражданско-правовую ответственность (возмещение причиненного вреда, убытков), административную и уголовную ответственность. Так, административная ответственность предусмотрена за нарушение правил

рыболовства и охраны рыбных ресурсов и водных животных (ст. 15.35); незаконное изготовление, приобретение, хранение или сбыт орудий добычи рыбы и других водных животных (ст. 15.36); загрязнение либо засорение вод (ст. 15.51); а также за нарушение правил водопользования, нарушение правил эксплуатации, повреждение водохозяйственных сооружений и др. Уголовная ответственность предусмотрена за загрязнение либо засорение вод (ст. 272), нарушение правил водопользования (ст. 273) и др.

Воздушное пространство является наименее изученным и наименее используемым ресурсом. Согласно ст. 1 Воздушного кодекса Республики Беларусь государству принадлежит полный и исключительный суверенитет в отношении воздушного пространства. Оно составляет часть воздушной сферы, расположенной над территорией Беларуси. Правовое регулирование использования воздушного пространства тесно связано с деятельностью авиации. Использование воздушного пространства состоит в перемещении или нахождении в воздушном пространстве Беларуси воздушных судов, ракет, других летательных аппаратов и материальных объектов, которые вызывают электромагнитные и другие излучения, выброс в атмосферу веществ, ухудшающих видимость; в строительстве высотных сооружений; проведении взрывных работ, представляющих угрозу безопасности воздушного движения; а также в определении воздушных трасс местных линий; в выполнении авиационных работ, в строительстве и содержании аэродромов и аэропортов. Допускается аренда физическими и юридическими лицами, имеющими право на предоставление услуг связи, каналов связи.

За нарушение порядка использования воздушного пространства и авиации предусматривается гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. Так, за загрязнение атмосферы предусматривается административная и уголовная (при крупном ущербе) ответственность.

Таким образом, правовое регулирование использования воздушного пространства ограничивается областью авиации, воздушных коридоров, каналов связи, частот радиосвязи и строительства высотных зданий и сооружений.

Если использование обособленного воздушного пространства государства регулируется с учётом достижений научно-технического прогресса, то использование обособленного

ЕСЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБОСОБЛЕННОГО ВОЗДУШНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОСУДАРСТВА РЕГУЛИРУЕТСЯ С УЧЁТОМ ДОСТИЖЕНИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА, ТО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБОСОБЛЕННОГО ВОЗДУШНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕМЬИ, ЧЕЛОВЕКА НЕ ПРЕДУСМАТРИВАЕТСЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ, КРОМЕ ОБЩИХ ГАРАНТИЙ НА БЕЗОПАСНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

воздушного пространства семьи, человека не предусматривается законодательством, кроме общих гарантий на безопасную окружающую среду.

Анализ законодательства, регулирующего использование и охрану основных объектов пространства (прежде всего, земли, недр, лесов, растительного и животного мира, вод и атмосферы) показывает, что оно допускает повторение и дублирование (земельное и лесное) в регулировании различных объектов пространства (например, диких околотоводных животных, птиц и др.).

Кроме того, в нём содержится множество норм, отсылающих к подзаконным актам, правилам, инструкциям и ограничивающих пользователей обособленными объектами пространства, в том числе и частную собственность на них. Частная собственность допускается только в отношении обособленных земельных участков небольших размеров.

В КОДЕКСЕ О ЗЕМЛЕ ИЛИ В ВОЗДУШНОМ КОДЕКСЕ СЛЕДОВАЛО БЫ ПРЕДУСМОТРЕТЬ ПРЕДЕЛЬНУЮ ВЫСОТУ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗДАНИЙ И ИНЫХ СООРУЖЕНИЙ БЕЗ СОГЛАСОВАНИЯ С ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ КОНТРОЛЬ НАД ВОЗДУШНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ

Представляется, что в Кодексе о земле или в Воздушном кодексе следовало бы предусмотреть предельную высоту строительства зданий и иных сооружений без согласования с органами, осуществляющими контроль над воздушной безопасностью.

Как показывает социальная практика разрешения дел о незаконном землепользовании, в частности, о незаконном отводе земельных участков под строительство, бремя экономико-правовых (транзакционных) издержек ложится на граждан.

В то же время в отношении должностных лиц, которые предоставляют такую возможность гражданам, ответственность не предусмотрена. В связи с этим следует отметить, что в ст. 170 УК РФ предусмотрена ответственность за регистрацию незаконных сделок с землёй. Сложившаяся практика ограничивает возможности предпринимательского ресурса в использовании полезных свойств пространства.

Для рационального использования ресурса пространства необходимо провести преобразования в следующих направлениях:

- согласовать нормы, регулирующие объекты пространства в зависимости от его отраслевого обособления (земля, недра, леса, воздушное и водное пространство, приграничное подземное пространство) и форм собственности;
- доработать законодательство об использовании пространства с позиции всех функций персонифицированного

собственника (возможности потребления, владения, распоряжения, извлечения дохода, распределения, совершения сделок, управления, защиты, ответственности и контроля) как в отношении лиц, реализующих полученные права, так и в отношении должностных лиц, предоставляющих эти права;

- регламентировать ресурс обособленного пространства в рамках развития горизонтальных отношений экономической системы (гражданско-правовых) с выделением социального пространства физических и юридических лиц.

Вышеназванные приоритетные меры будут способствовать формированию нового качества гражданской свободы субъектов, оптимальному использованию факторов производства и росту благосостояния граждан.

Список использованных источников

1. Курс экономической теории: учеб. пособие / под ред. М. Н. Чепурина, Е. А. Киселевой. – Киров: МГИ междунар. отношений МИД РФ, 1994.
2. Общая теория права: учеб. для юридических вузов / редкол.: Ю. А. Дмитриев [и др.]; под общ. ред. А. С. Пиголкина. – 2-е изд. – М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1995.
3. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Сер. Мир культуры, истории и философии / Л. И. Петражицкий. – СПб.: Лань, 2000.
4. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции: в 2 т. / Н. С. Таганцев. – М.: Наука, 1994. – Т. 1: Часть общая.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005 г. – 48 с.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь с комментарием и обзором практики хозяйственных судов / Д. П. Александров [и др.]; под общ. ред. В. С. Каменкова. – Минск: Амалфея, 2004.
7. Сборник эколого-правовых актов Республики Беларусь. – Минск: Ураджай, 2001.
8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: принят Палатой представителей 21 апреля 2003 г. № 194–3: текст Кодекса по состоянию на 25 янв. 2007 г. – Минск: Амалфея, 2007.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 9 июля 1999 г. № 275–3: текст Кодекса по состоянию на 25 авг. 2008 г. – Минск: Амалфея, 2008.
10. Воздушный кодекс Республики Беларусь. – Минск: Амалфея, 2004.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Изд-во Омега Л, 2005.

Дата поступления в редакцию 04.01.2010.

Л. А. Ханкевич

БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО И БЮДЖЕТНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Ханкевич Леонід Аляксандравіч – кандидат эканамічных навук, загадчык кафедры фінансавага права БІП. Аўтар навуковых, вучэбных і метадычных публікацый па фінансаваму, бюджэтнаму, падатковаму і банкаўскаму праву.

Исследователи отмечают, что в системе финансового права институт бюджетного права является структурообразующим, поскольку все без исключения входящие в финансовое право институты в той или иной мере связаны, взаимодействуют, испытывают на себе влияние бюджетного права. Это объяснимо. Бюджет – явление уникальное, имеющее отношение не только к финансовым, экономическим, но и в целом общественным отношениям. В этом кроется определенная опасность при определении предмета бюджетного права. Разброс мнений по данному вопросу достаточно широк. Если исходить из ст. 1 Бюджетного кодекса Республики Беларусь, то к предмету бюджетного права относятся отношения, возникающие в процессе составления, рассмотрения, утверждения, исполнения бюджетов; утверждения отчетов об исполнении межбюджетных отношений; осуществления заимствований в бюджеты, контроля за исполнением республиканского, местных бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов, а также определение оснований и видов ответственности за нарушение бюджетного законодательства.

В научной и учебной литературе, касающейся бюджетно-правового регулирования, бюджетное право рассматривается как система, в которую входят следующие институты: бюджетное устройство, бюджетный процесс, бюджетные доходы, бюджетные расходы, бюджетное регулирование, бюджетный контроль, бюджетная ответственность.

Таким образом, круг отношений, подпадающих под бюджетно-правовое регулирование, согласно закону, с одной стороны, и мнению ученых, с другой стороны, имеет определенные

отличия. Это приводит к различиям в понимании предмета бюджетного права и в формировании единого определения понятия «бюджетное право».

Данную проблему можно решить несколькими путями: либо законодателю изменить соответствующую статью Бюджетного кодекса, либо ученым пересмотреть свои представления о круге отношений, подпадающих под бюджетно-правовое регулирование, а значит – и о предмете бюджетного права как подотрасли финансового права.

Однако эта проблема решается сама по себе, если признать, что кодификация бюджетного законодательства не является автоматическим основанием для расширения предмета бюджетно-правового регулирования. В данном случае мы встречаемся с конкретным проявлением одной из проблем общей теории права: соотношением права и закона. По мнению многих ученых, право и закон следует рассматривать как содержание и форму. Значит, бюджетное законодательство представляет собой внешнюю форму бюджетного права. Целью науки бюджетного права является четкое определение предмета этой подотрасли, который составляют как материальные, так и процессуальные отношения. К первым относятся бюджетное устройство, формирование доходов бюджетов всех уровней, осуществление расходов, бюджетное регулирование. Ко вторым – вопросы, касающиеся бюджетного процесса, бюджетного контроля, привлечения к ответственности за нарушение бюджетного законодательства.

БЮДЖЕТНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ВНЕШНЮЮ ФОРМУ БЮДЖЕТНОГО ПРАВА

Следует согласиться с точкой зрения Ю. Крохиной¹, которая предупреждает об опасности отождествления бюджетного права и бюджетного законодательства. Данное опасение вполне обоснованно, так как в Беларуси, как и в Российской Федерации, в сферу регулирования бюджетного законодательства включаются отношения, возникающие по поводу внебюджетных фондов, государственных и муниципальных займов, внутреннего и внешнего государственного долга. Из этого следует, что система бюджетного законодательства охватывает более широкий круг общественных отношений по сравнению с системой бюджетного права.

¹ Крохина Ю. Вопросы концепции бюджетного права Российской Федерации.

Именно в силу того, что одни авторы ставят знак равенства между бюджетным правом и бюджетным законодательством, а другие делают различия между этими близкими, но не идентичными юридическими категориями, в литературе, в том

числе и учебной, можно встретить различные определения понятия и предмета бюджетного права.

Следующий важный аспект теории бюджетного права касается бюджетных правоотношений. В литературе достаточно часто происходит подмена бюджетных правоотношений финансовыми. Однако данные понятия необходимо разграничить, поскольку бюджетные правоотношения – это правоотношения, возникающие в результате деятельности

**ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЕСТЬ
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬ-
МИ И ОРГАНИЗАЦИЯМИ, УРЕ-
ГУЛИРОВАННЫЕ НОРМАМИ
ПРАВА И СОСТОЯЩИЕ ВО ВЗА-
ИМНОЙ СВЯЗИ СУБЪЕКТИВ-
НЫХ ПРАВ И ЮРИДИЧЕСКИХ
ОБЯЗАННОСТЕЙ УЧАСТНИКОВ
ПРАВООТНОШЕНИЯ**

государства по управлению финансовой системой и финансовыми отношениями. Отметим, что пока в литературе доминирует иная точка зрения.

Обладая общими с другими финансовыми правоотношениями чертами и признаками, бюджетные правоотношения имеют особенности. Но прежде чем они будут обозначены, обратимся к понятию «правовые отношения». Согласно позитивно-правовой концепции правовые отношения есть отношения между людьми и организациями, урегулированные нормами права и состоящие во взаимной связи субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношения. Они являются достаточно большим и всеобъемлющим понятием, «которое лишь незначительно уже понятия общественных отношений»².

Правовые отношения присутствуют в любой отрасли права, их специфика применительно к каждой конкретной отрасли обусловлена многими обстоятельствами и, прежде всего, принадлежностью отрасли к публичной или частной. Итак, выделим особенности, присущие бюджетным правоотношениям:

- они возникают в процессе планового образования, распределения и использования бюджетных средств;
- они являются разновидностью имущественных отношений, носящих публичный характер;
- одной из сторон в этих отношениях выступают государственные органы;
- эти отношения носят срочный характер, как правило, по времени они делятся в течение года;
- это государственно-властные, имущественные правоотношения;
- круг субъектов указанных правоотношений более узкий по сравнению с субъектным составом финансовых правоотношений;
- существует вероятность трансформации бюджетных правоотношений в другие отношения;

² Фомин В. А. Финансовые и бюджетные правоотношения в системе правовых категорий. С. 7.

- граждане не могут быть участниками бюджетных правоотношений;
- бюджетные правоотношения возникают только тогда, когда участники бюджетных отношений на практике реализуют свои юридические права и обязанности. Причем специфика бюджетных отношений предполагает практическое их отождествление с бюджетными правоотношениями.

Только при наличии всех перечисленных признаков общественные отношения могут квалифицироваться как бюджетные правоотношения.

Регулируя определенную группу общественных отношений, бюджетное право определяет круг субъектов этих отношений, наделяя их юридическими правами и обязанностями. Понятие субъекта права является основополагающим для любой юридической науки, так как субъект права – это потенциальный субъект правоотношения. Под субъектами права следует понимать «более или менее значительные, устойчивые, постоянные образования, которые характеризуются единством воли и цели, а также определенной внутренней организацией»³.

К субъектам бюджетного права относятся государство; административно-территориальные образования и единицы; органы представительной и исполнительной власти общей компетенции; юридические лица – получатели бюджетных назначений; наднациональные органы, если речь идет, например, о бюджете союза Российской Федерации и Республики Беларусь, бюджете Евросоюза.

В научной литературе достаточно четко определены как общие, так и отличительные особенности субъекта бюджетного права и бюджетных правоотношений. Когда субъект практически реализует свои бюджетные полномочия, он автоматически становится субъектом бюджетных правоотношений.

Тем не менее в литературе нередко возникает путаница в связи с тем, что некоторые авторы оперируют понятием «участник бюджетных правоотношений». Так, например, читаем: «Круг субъектов финансовых правоотношений более широк по сравнению с кругом участников бюджетных правоотношений...»⁴. Если Н. А. Повейкина отождествляет эти понятия, то следовало бы аргументировать, на каком основании она это делает. Можно привести достаточно обширный перечень работ, которые называются, например, «Субъект советского гражданского права» (С. Н. Братусь), «Субъекты советского

³ Матузов Н. И. *Теория государства и права*. С. 518.

⁴ Повейкина Н. А. *Современная концепция субъектов бюджетного права*. С. 34.

бюджетного права» (Н. И. Химичева) и т. д. То есть в качестве объекта исследования определены субъекты конкретного права и ни один серьезный труд в этой области не называется «участник какого-либо права».

Представляется, что во избежание некорректного употребления названных юридических терминов следует иметь в виду следующее: если речь идет о лице как носителе установленных законом юридических прав и обязанностей, то единственно допустимым термином является «субъект». Этот субъект, вступая в конкретные правоотношения, становится их участником. В данном случае термин «участник» более адекватен, чем термин «субъект». Трансформация одного термина в другой обусловлена особенностями присущего юридической науке понятийного аппарата. Четкое разграничение сфер применения этих терминов имеет как чисто научное, так и практическое значение.

На наш взгляд, представляется нецелесообразным в практическом и теоретическом плане использовать понятие «бюджетное устройство». Это связано с особенностями

**ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ НЕЦЕЛЕСО-
ОБРАЗНЫМ В ПРАКТИЧЕСКОМ
И ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПОНЯТИЕ «БЮДЖЕТНОЕ УСТРОЙСТВО»**

соотношения понятий «устройство» и «система». Система, безусловно, более широкое понятие, чем устройство. В философском и кибернетическом аспектах под системой принято понимать совокупность элементов, взаимосвязь между ними и внешней средой, цель, ради которой система создана и функционирует.

Однако еще с советских времен в литературе и законодательстве, регулирующем бюджетные отношения, обязательно говорится о бюджетном устройстве. При раскрытии содержания этого понятия в первую очередь описывается бюджетная система и принципы, обеспечивающие функционирование этой системы. Закон, принятый в июле 1998 г., назывался «О бюджетной системе Республики Беларусь и Государственных внебюджетных фондах». Из названия закона следует, что законодатель рассматривает систему как самое общее понятие, содержание которого раскрывается в разделах и статьях закона. Однако для такого раскрытия опять-таки используется термин бюджетное устройство, что позволяет говорить о бюджетной системе в широком и узком смысле. А в этом, в принципе, нет необходимости, поскольку понятие «устройство» не имеет внутреннего содержания.

Остановимся также на категориях, которыми оперируют финансовая наука и наука финансового права. Одна из таких

категорий – бюджетный процесс. Под ним в законодательстве и литературе понимается деятельность государственных органов (как правило, это Министерство финансов) по составлению, рассмотрению, утверждению и исполнению бюджета. Между представительной и исполнительной властью четко разграничена компетенция по участию в этом процессе. Составной частью бюджетного процесса является бюджетное регулирование, которое представляет собой частичное перераспределение финансовых ресурсов между бюджетами различных уровней.

Однако для финансово-правовой науки такое понимание бюджетного процесса недостаточно, поскольку в нем отсутствуют указания на права, обязанности участников бюджетного процесса, их ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение таких обязанностей. Нет в данном определении и указания цели бюджетного процесса.

В русскоязычной литературе совсем недавно стал использоваться термин «бюджетирование» не только для описания процессов и явлений, происходящих в сфере государственных финансов. Такие понятия, как «бюджет рабочего времени», «бюджет семьи», «бюджет валютных средств», прочно вошли в научный обиход. Термин «бюджетирование» был заимствован из англоязычной литературы, где он используется, во-первых, для определения механизма достижения поставленных целей; во-вторых, процесса принятия решений в области бюджета и, в-третьих, ответственности за наиболее рациональное использование финансовых ресурсов с точки зрения достижения общего блага государственными структурами и конкретными должностными лицами.

Посредством бюджетирования обеспечивается ответственность правительства за свою финансовую деятельность, контроль указанной деятельности. Осуществляемый в процессе бюджетирования выбор есть политический выбор, ведь основное в бюджетировании – это распределение государственных финансовых ресурсов между отраслями, территориями, группами, слоями населения. Бюджетирование есть нескончаемый процесс принятия решений, однако по своим последствиям такие решения существенно различаются.

В промышленно-развитых странах в последние десятилетия осуществлены основательные реформы в области бюджета. Центральное направление всех этих реформ – создание

**БЮДЖЕТИРОВАНИЕ ЕСТЬ НЕ-
СКОНЧАЕМЫЙ ПРОЦЕСС ПРИ-
НЯТИЯ РЕШЕНИЙ, ОДНАКО
ПО СВОИМ ПОСЛЕДСТВИЯМ
ТАКИЕ РЕШЕНИЯ СУЩЕСТВЕННО
РАЗЛИЧАЮТСЯ**

правовых институтов и механизмов, позволяющих добиться максимальной отдачи от использования бюджетных ассигнований, а также обеспечивающих персонификацию ответственности тех лиц, которые принимают решения о направлении бюджетных средств на те или иные программы.

Естественно, что такого рода реформы сопряжены с реформированием государственного аппарата и законодательства, регулирующего бюджетные отношения. Указанные реформы осуществляются в соответствии с философией нового государственного менеджмента, проповедующего рациональное управление, акцент на четкие цели, использование внешних и внутренних систем оценок результативности с установлением ответственности за достигнутые результаты.

Бюджетирование, как свидетельствует опыт западных стран, сопряжено с реформированием всей системы управления государственными финансами. Для этого необходимо совершенствование законодательства, регулирующего многоаспектные бюджетные отношения, причем особое внимание нужно уделить созданию финансово-правовых норм и механизмов принуждения и стимулирования лиц, принимающих стратегические решения на самом высоком уровне.

БЮДЖЕТИРОВАНИЕ, КАК СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ОПЫТ ЗАПАДНЫХ СТРАН, СОПРЯЖЕНО С РЕФОРМИРОВАНИЕМ ВСЕЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ

Правотворчество в области бюджетных отношений должно, с одной стороны, детализировать нормы, регулирующие поведение государственных чиновников, а с другой – инициировать последних в направлении совершенствования всей системы бюджетных отношений. И здесь важную роль играет сбалансированность прав и обязанностей всех должностных лиц, начиная с президента и заканчивая руководителем бюджетного учреждения.

Финансово-правовое регулирование повышения эффективности использования бюджетных средств предполагает создание системы санкций и стимулирования, а также формирование такого механизма их применения, который позволил бы минимизировать отрицательные социально-экономические последствия неадекватных управленческих решений.

Вопрос о применении санкций с точки зрения коррекции поведения участников бюджетного процесса характеризуется двумя аспектами: предупредительным и пресекающим, причем важно соотношение между ними, поскольку, чем значительнее негативные последствия нарушения установленных

правил, тем больше отдача от реализации сдерживающей функции механизма принуждения.

Таким образом, прежде чем сформулировать дефиницию бюджетирования, соответствующую общим требованиям, предъявляемым к финансово-правовым нормам, отметим, что бюджетный процесс должен стать основной частью процесса формирования государственной политики в сферах, которые связаны с государственными финансовыми обязательствами и предполагают бюджетные расходы. Необходимо координировать реформу бюджетного процесса с другими направлениями реформ, касающихся государственной службы, – административной реформой, реформой государственного регулирования. Такая координация обеспечит взаимодополняемость реформирования бюджетного процесса и процесса формирования политики на уровне разработки и обсуждения проектов нормативно-правовых актов и мониторинга результативности их правоприменения.

Итак, под бюджетированием как финансово-правовой категорией следует понимать систему бюджетных отношений, правила которой ориентируют исполнителей на достижение оптимальных социально-экономических результатов использования бюджетных средств, обеспечивают подотчетность лиц, принимающих решения в области бюджета, причем государство использует механизмы стимулирования и санкций к указанным лицам.

В продолжение вышесказанного обратимся к вопросу правового регулирования отношений, возникающих в связи с разбалансированностью бюджета, и вопросу ответственности государственных органов и их должностных лиц за разбалансированность бюджета, которая становится хроническим явлением. Несбалансированность бывает двоякого рода: когда расходы превышают доходы (дефицит), и когда доходы превышают расходы (профицит). Правовое регулирование несбалансированности бюджета является реакцией законотворцев на феномен дефицита бюджета (отметим, что в СССР бюджеты были сбалансированными). Дефицитный бюджет характерен для всех лет существования Республики Беларусь как суверенного государства. Этим, очевидно, объясняется тот факт, что отечественное законодательство, регулирующее бюджетные отношения, содержит достаточно полный перечень материальных

НЕОБХОДИМО КООРДИНИРОВАТЬ РЕФОРМУ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА С ДРУГИМИ НАПРАВЛЕНИЯМИ РЕФОРМ, КАСАЮЩИХСЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ, – АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМОЙ, РЕФОРМОЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

и процессуальных норм, касающихся данного бюджетно-правового института.

Начнем с того, что закон в принципе допускает утверждение бюджета с дефицитом. И в данном случае используется стандартная процедура рассмотрения и утверждения бюджета с теми особенностями, что в законе указывается определенный размер дефицита республиканского бюджета, источники финансирования дефицита. В тех случаях, когда в процессе исполнения бюджета расходы превышают доходы, вводятся предусмотренные законом механизмы секвестра и блокирования расходов по незащищенным статьям бюджетных расходов. Однако, что касается профицита, то здесь нет полной ясности, поскольку сбалансированность является одним из принципов бюджетного устройства. Дефицит вызван экономическими причинами. Расходные обязательства государства, как правило, ниже его возможностей обеспечить их доходными источниками. Здесь главную роль играет уровень налоговой нагрузки на экономику в целом и на конкретные предприятия. В силу того, что современные цивилизованные государства имеют достаточно высокий уровень обязательств в социальной сфере, они вынуждены, чтобы не превышать экономически обоснованный предел в сфере налогообложения, использовать дефицит бюджета.

Более сложной является ситуация профицита бюджета. В принципе, парламент любого государства может избежать утверждения профицитного бюджета. Однако в некоторых государствах, например последние годы в Российской Федерации, федеральный бюджет утверждается с профицитом, что связано с благоприятной конъюнктурой на рынке углеводородного сырья. Однако конъюнктура может резко измениться. Суммы превышения доходов над запланированными расходами направляются в России на пополнение финансового резерва и погашение государственного долга. По мнению российских ученых и специалистов, не ясен правовой статус фонда финансовых резервов, который не является ни целевым бюджетным фондом, ни внебюджетным фондом.

Бюджет, утверждаемый с профицитом в течение ряда лет, является серьезным основанием для пересмотра бюджетной и налоговой политики и соответствующего законодательства. Однако профицит может возникать и в процессе исполнения бюджета. Например, в Республике Беларусь при утверждаемых

БЮДЖЕТ, УТВЕРЖДАЕМЫЙ С ПРОФИЦИТОМ В ТЕЧЕНИЕ РЯДА ЛЕТ, ЯВЛЯЕТСЯ СЕРЬЕЗНЫМ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА БЮДЖЕТНОЙ И НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ И СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

бюджетах с дефицитом по итогам кварталов, полугодия образуется перевыполнение доходов над расходами. В данном случае можно говорить о типичной и достаточно описанной в литературе ситуации, заключающейся в том, что разработчики бюджета занижают планируемые доходы, поскольку им в процессе исполнения бюджета легче выполнять заниженные показатели. В порядке оперативного управления процессом исполнения бюджета суммы реально поступивших доходов (превышающие плановые) направляются на дополнительное финансирование государственных программ и мероприятий. Юридическим основанием являются законы и акты Президента о внесении изменений в показатели утвержденных бюджетов. Если такая практика не становится систематической, то в этой связи не возникает серьезных правовых последствий. Однако, если корректировки в законодательных актах, регулирующих бюджетные отношения, становятся нормой, то возникает вопрос об ответственности разработчиков и исполнителей бюджета и компетентности органов представительной власти, рассматривающих и утверждающих бюджет.

Список использованных источников

1. Крохина, Ю. Вопросы концепции бюджетного права Российской Федерации / Ю. Крохина // Российское право. – 2002. – № 3.
2. Фомин, В. А. Финансовые и бюджетные правоотношения в системе правовых категорий / В. А. Фомин // Финансовое право. – 2004. – № 4.
3. Матузов, Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М.: Юристъ, 2001.
4. Повейкина, Н. А. Современная концепция субъектов бюджетного права / Н. А. Повейкина // Финансовое право. – 2004. – № 1.

Дата поступления в редакцию 24.05.2009.

О. И. Чуприс

СЛУЖБА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ВИД ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Чуприс Вольга Івануна – намеснік дэкана юрыдычнага факультэта БДУ па адукацыйных інавацыях і вучэбна-метадычнай рабоце, кандыдат юрыдычных навук. Даследуе пытанні дзяржаўнай службы, мае шэраг публікацый па дадзенай тэме.

В системе государственной службы Республики Беларусь особое место занимает служба депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и депутатов местных Советов депутатов (далее – служба представительных органов или депутатская служба). Она признается государственной службой согласно действующему белорусскому законодательству. Однако в зарубежной науке встречается противоположное мнение, которое поддерживается белорусским ученым К. И. Кеник. В связи с чем необходимо, с одной стороны, уяснить место этой службы в системе государственной службы, а с другой – определить направление совершенствования ее правового регулирования, исходя из научной концепции автора настоящей статьи о существовании государственной службы Республики Беларусь как комплексной отрасли законодательства.

Служба представительных органов является особым видом государственной деятельности, который имеет не только отличительные признаки, но и признаки, общие с иными видами государственной деятельности. Об этом позволяют судить, в первую очередь, конституционные основы государственной службы. Конституция Республики Беларусь не дает определения государственной службы, сферы ее осуществления, конкретных принципов и иных непосредственно относящихся к ней вопросов. Тем самым она не ограничивает ее масштабы чиновничьим аппаратом в сравнении, например, с 3 пунктом 97 статьи Конституции Российской Федерации, устанавливающим, что депутаты Государственной Думы не могут находиться на государственной службе.

В отличие от Конституции Российской Федерации, Конституция Республики Беларусь, признавая единство государственной власти, устанавливает и единство государственной службы, осуществляемой в государственных органах, к которым относятся и органы представительной власти.

Таким образом, важнейшими признаками, характеризующими службу в представительных органах как особую разновидность единой государственной службы, являются ее нахождение в общей системе государственных органов; реализация посредством ее законодательной власти; а также занятие государственной должности, которой соответствует класс государственного служащего на основании ст. 11 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь», положений Указа Президента Республики Беларусь «О соотношении классов государственных служащих и государственных должностей», соответствующих постановлений Совета Министров Республики Беларусь.

К основным требованиям, предъявляемым к депутату (члену Совета Республики) относятся следующие: наличие гражданства, деклараций о доходах и имуществе; ограничение работы по совместительству для лиц, осуществляющих свою деятельность в Национальном собрании на профессиональной основе. Эти требования являются общими для депутатов и иных государственных служащих.

Вместе с тем такие ключевые свойства этой службы, как осуществление деятельности в органах представительной власти и ее политический характер, лежат в основе научных споров относительно определения ее места в общей системе государственной службы.

Белорусскими учеными, в частности К. И. Кеник, высказывалось предложение об исключении из перечня государственных должностей депутатских должностей¹ со ссылкой на мнение российского профессора А. Ф. Ноздрачева², основанное на анализе Конституции и законодательных актов Российской Федерации, без какой-либо дополнительной научной аргументации применительно к конституционным основам и опыту законодательного регулирования современной государственной службы в Республике Беларусь.

В качестве одного из обоснований своего предложения А. Ф. Ноздрачевым выдвигается факт коллегиальности представительного органа, что, с точки зрения указанного автора,

К ОСНОВНЫМ ТРЕБОВАНИЯМ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫМ К ДЕПУТАТУ (ЧЛЕНУ СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ) ОТНОСЯТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ: НАЛИЧИЕ ГРАЖДАНСТВА, ДЕКЛАРАЦИЙ О ДОХОДАХ И ИМУЩЕСТВЕ; ОГРАНИЧЕНИЕ РАБОТЫ ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ ДЛЯ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ СВОЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НАЦИОНАЛЬНОМ СОБРАНИИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОСНОВЕ

¹ Кеник К. И. О некоторых вопросах совершенствования законодательства о государственной службе. С. 118–119.

² Ноздрачев А. Ф. Государственная служба... С. 157.

не дает возможности депутату как государственному служащему выполнять свои полномочия единолично. Вместе с тем члены коллегиальных государственных органов исполнительной власти (Совета Министров и исполкомов) также не исполняют функции данных органов единолично. Кроме того, в большинстве случаев государственные служащие при исполнении своих полномочий не осуществляют непосредственно все полномочия государственного органа. Они лишь реализуют часть его полномочий в соответствии с распределением компетенции органа. Непосредственная реализация полномочий является редкой разновидностью выполнения задач и функций органа, связанной с осуществлением единоначалия, что в отношении органов исполнительной власти доказано А. Н. Крамником³.

³ Крамник А. Н. Курс административного права Республики Беларусь. С. 208–211.

Законами Республики Беларусь «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь» и «О статусе депутата местного Совета депутатов» предусмотрена возможность реализации депутатами непосредственно государственной власти как через коллегиальные, так и через единоличные формы деятельности. Позиция А. Ф. Ноздрачева может быть признана верной лишь при легальном закреплении государственной службы как деятельности по реализации полномочий государственного органа и буквальной трактовке данного определения. Такой подход к определению государственной службы неоднократно критиковался и, как доказывалось в предыдущих публикациях автора настоящей статьи, требует изменения⁴.

⁴ Чуприс О. И. Общетеоретические и конституционные основы определения сущности государственной службы. С. 114.

Одним из признаков государственной службы является то, что она представляет собой вид профессиональной деятельности. Вместе с тем важным аргументом в пользу признания депутата государственным служащим служит понимание профессионализма государственного служащего как способности реализовывать государственные полномочия в органе государственной власти, где собственно профессиональный компонент депутатской деятельности проявляется в том, что депутат в своем роде также является профессионалом, поскольку его профессионализм видится в умении отстаивать интересы избирателей и населения, реализовывать их в принимаемых законах, но с учетом общегосударственных интересов, экономических и социальных возможностей государства. Относительно депутатов Гегель отмечал, что «они защищают не особенный интерес какой-либо общины, корпорации в противовес всеобщему, но утверждают значимость всеобщего»⁵. В процессе депутатской службы каждый депутат (член Совета Республики)

⁵ Гегель Г. В. Ф. Философия права... С. 348.

реализует государственную власть, проявлениями которой, согласно ст. 2 и 3 Закона «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь», выступают его активное и равноправное участие в работе органа и рассмотрении вопросов, отнесенных к компетенции этого органа, свободное выражение своего мнения и голосование при принятии решений. Непрофессиональное отношение к служебной деятельности влечет ответственность, в том числе юридическую. Для депутатской службы она также предусмотрена и выражается в специфическом виде – отзыве депутата (члена Совета Республики).

Служба указанных лиц в таком понимании является в основном профессиональной деятельностью, как и иная трудовая деятельность. В соответствии с частью второй ст. 92 Конституции Республики Беларусь депутаты Палаты представителей Национального собрания осуществляют ее на постоянной основе. В то же время в отношении депутатов местных Советов депутатов и членов Совета Республики Национального собрания данное правило не предусмотрено. Полагаем, что понимание службы представительных органов как вида государственной службы предполагает ее осуществление и на местном уровне на профессиональной основе. Профессионализм как один из уровней компетенции предполагает постоянное осуществление своих обязанностей, что позволяет глубоко вникать в содержание принимаемых нормативных правовых актов и оперативно давать рекомендации по их улучшению, а также активно осуществлять деятельность в иных формах, предусмотренных положениями глав 2 и 3 Закона «О статусе депутата местного Совета депутатов», важнейшей из которых является работа с гражданами.

В российской науке выражается вполне обоснованное мнение о том, что депутатская служба является политической. Такая позиция объясняется особенностями законодательного регулирования государственной службы в Российской Федерации и закреплённой системой ее государственной службы. Поддерживая данную позицию в целом, следует отметить, что депутатская служба, обладающая непосредственным политическим свойством, представляет собой самостоятельный вид государственной службы из-за особенностей ее места в системе разделения властей, назначения, своеобразной организации и осуществления.

ДЕПУТАТСКАЯ СЛУЖБА, ОБЛАДАЮЩАЯ НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ СВОЙСТВОМ, ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВИД ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ИЗ-ЗА ОСОБЕННОСТЕЙ ЕЕ МЕСТА В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ, НАЗНАЧЕНИЯ, СВОЕОБРАЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Кроме того, Национальное собрание, местные Советы депутатов, участвуя в формировании государственной политики и проводя в жизнь через депутатов интересы выдвинувших их политических партий и избирателей, не проводят собственную политику, отличную от интересов всего государства, его населения. Они учитывают общегосударственные интересы, объединяющие национальные, экономические, социальные, морально-идеологические приоритеты и ценности Республики Беларусь, уже сложившиеся в ходе развития государства и требующие лишь динамично-поступательного совершенствования в условиях сложного современного мироустройства. Как отмечалось в белорусской науке, «депутат на всех уровнях выражает и защищает интересы нации, страны в целом, каждой социальной группы»⁶.

⁶ Яскевич Я. С. *Идеология белорусского государства и молодежная политика...* С. 47.

Значит, при анализе службы представительных органов в контексте системы государственной службы Республики Беларусь следует опираться на ключевые, общие с иными видами государственной службы Республики Беларусь свойства. К ним, прежде всего, относится сущностное назначение государственной службы Республики Беларусь, проявляющееся в реализации посредством государственной службы государственной власти в интересах всего общества. Депутатскую службу признавали видом государственной службы также классики российской теории государственной службы XIX – начала XX века, называя ее службой «по выбору народа», или «выборной»⁷.

⁷ Андреевский И. Е. *Русское государственное право.* С. 468;
Коркунов Н. М. *Русское государственное право.* С. 399, 417–441.

Полагаем, что при решении вопроса о возможности признания указанной службы видом государственной службы в Республике Беларусь не следует полностью ориентироваться на зарубежный опыт, обобщение которого свидетельствует об установлении различных пределов правового регулирования государственной службы в конкретных государствах и многообразии используемых критериев для видовой классификации государственной службы.

В Республике Беларусь в настоящее время служба депутатов и членов Совета Республики относится к сфере правового регулирования Закона «О государственной службе в Республике Беларусь», и, как отмечает А. Н. Крамник, в этом одна из особенностей белорусской государственной службы, с которой нужно считаться⁸. Вместе с тем в законодательстве следует четко установить систему государственной службы Республики Беларусь, определив ее структурно-видовое наполнение и признав службу представительных органов ее самостоятельным видом. Однако эта служба имеет свои проявления в связи с ее особым характером, что, соответственно, определяет и особенности

⁸ Крамник А. Н. *Административное право...* С. 257.

возникающих отношений по комплектованию и реализации данного вида службы, отражающиеся на ее особом правовом регулировании наряду с базовым Законом о государственной службе, специальным законодательством.

Данный вывод предопределяет отношение к службе представительных органов как к правовому явлению. Признание государственной службы Республики Беларусь в качестве комплексной отрасли законодательства определяет самостоятельное место в ней службы представительных органов как подотрасли, которая может развиваться на общих основах, но с учетом специфики ее конституционно-правовых свойств. Поэтому в законодательстве о государственной службе ей необходимо отводить специальное место, указывая ее положение в общей системе государственной службы, взаимосвязь с иными видами государственной службы, общие основы ее существования и комплектования (принципы, понятие и признаки должности, общие правила способов замещения должностей, установления и присвоения классовых разрядов, права и обязанности депутатских служащих), специально указав, что отношения комплектования депутатских должностей и процесс осуществления полномочий по должностям этого вида службы регламентируются конституционным законодательством.

Подотрасль службы представительных органов, с одной стороны, приближается к иным подотраслям (судейской, аппаратной и др.), что предполагает определенные унифицированные подходы к регулированию ее отношений, а с другой – отграничивается от них, что также требует определенного закрепления в законодательстве. Законодательное решение видится в необходимости установить ограничение возможностей одновременного осуществления депутатских полномочий и полномочий иных государственных служащих с внесением соответствующих изменений Закон «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь» и Закон «О статусе депутата местного Совета депутатов», что может служить также целям унифицированного правового регулирования в части более полной реализации Закона «О государственной службе в Республике Беларусь».

Расширение унифицированного регулирования может осуществляться и в направлении установления большего числа ограничений для депутатов, в частности, на занятие предпринимательской деятельностью, управление коммерческой

ПРИЗНАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КАЧЕСТВЕ КОМПЛЕКСНОЙ ОТРАСЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОПРЕДЕЛЯЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ МЕСТО В НЕЙ СЛУЖБЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ПОДОТРАСЛИ, КОТОРАЯ МОЖЕТ РАЗВИВАТЬСЯ НА ОБЩИХ ОСНОВАХ, НО С УЧЕТОМ СПЕЦИФИКИ ЕЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ СВОЙСТВ

организацией, принятие подарков, пользование бесплатными услугами физических и юридических лиц в связи со своей профессиональной деятельностью, наличие счетов в иностранных банках, принятие государственных наград, что может и должно найти прямое отражение в законодательстве о государственной службе. Ввиду политического характера депутатской деятельности ограничение, связанное с участием в делах политической партии и проведением ее интересов, не может быть распространено на депутатов.

В заключение необходимо отметить, что конституционное единство ветвей власти и системы государственных органов Республики Беларусь предопределяет единство государствен-

**СЛУЖБУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ КАК ПРАВОВОЕ ЯВ-
ЛЕНИЕ СЛЕДУЕТ ПРИЗНАТЬ
ПОДОТРАСЛЮ ПРАВА ГОСУ-
ДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ КАК
КОМПЛЕКСНОЙ ОТРАСЛИ ЗА-
КОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ**

ной службы, осуществляемой в ее разновидностях, одной из которых выступает служба представительных органов, что требует четкого законодательного закрепления. Эта служба направлена на реализацию законодательной власти посредством осуществления не только коллегиальных, но и единоличных форм депутатской деятельности; связана с занятием государственных должностей, которым соответствуют классы государственных служащих; содержит в себе признаки компетентности и профессионализа-

ма; имеет преимущественно конституционно-правовые основы поступления, прохождения, прекращения.

Службу представительных органов как правовое явление следует признать подотраслью права государственной службы как комплексной отрасли законодательства Республики Беларусь, требующей единого системного регулирования. Эту подотрасль необходимо отделить от других подотраслей, ограничив возможность одновременного осуществления депутатских полномочий и полномочий иных государственных служащих с внесением соответствующих изменений в Законы «О статусе депутата Палаты Представителей, члена Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь» и «О статусе депутата местного совета депутатов». Также необходимо законодательно установить большее число ограничений для депутатов.

Признание службы представительных органов как государственной службы требует ее осуществления на местном уровне на профессиональной основе.

Полагаем, что сформулированные выводы будут способствовать улучшению правового регулирования службы представительных органов в единой и непротиворечивой системе государственной службы Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Кеник, К. И. О некоторых вопросах совершенствования законодательства о государственной службе / К. И. Кеник // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2006. – № 1. – С. 116–124.
2. Ноздрачев, А. Ф. Государственная служба: учеб. для подготовки гос. служащих / А. Ф. Ноздрачев. – М.: Статут, 1999. – 592 с.
3. Крамник, А. Н. Курс административного права Республики Беларусь / А. Н. Крамник. – 2-е изд. – Минск: Тесей, 2006. – 613 с.
4. Чуприс, О. И. Общетеоретические и конституционные основы определения сущности государственной службы / О. И. Чуприс // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2006. – № 1. – С. 111–115.
5. Гегель, Г. В. Ф. Философия права: пер. с нем. / Г. В. Ф. Гегель; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 526 с.
6. Яскевич, Я. С. Идеология белорусского государства и молодежная политика: стратегические приоритеты и ценности: учеб.-метод. и информ. материалы для орг. работы постоянно действующих семинаров каф. и пед. работников общежитий / Я. С. Яскевич; Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск: БГЭУ, 2005. – 75 с.
7. Андреевский, И. Е. Русское государственное право / И. Е. Андреевский. – СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1866. – Т. 1. – Ч. 1: О правительстве. – 496 с.
8. Коркунов, Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов; под ред. З. Д. Авалова, М. Б. Горенберга, К. Н. Соколова. – 6-е изд. – СПб., 1908–1909. – Т. 1: Введение и общая часть. – 1908. – 623 с.
9. Крамник, А. Н. Административное право [Республики Беларусь] / А. Н. Крамник. – Минск: Тесей, 2008. – Ч. 1: Управленческое право. – 672 с.

Дата поступления в редакцию 03.04.2010.

Говзіч Валерый Георгевіч – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры эканомікі прадпрымальніцтва і права БДЭУ, мае больш 20 навуковых публікацый. Сфера навуковых інтарэсаў: грамадзянскае, гаспадарчае, міжнароднае прыватнае права.

Нікалаеўскі Уладзімір Уладзіміравіч – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканомікі прадпрымальніцтва і права БДЭУ, мае больш 100 навуковых публікацый. Сфера навуковых інтарэсаў – дзяржаўнае кіраванне, знешнеэканамічная і інвестыцыйная дзейнасць.

В. Г. Говзіч
В. В. Николаевский

ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПРАВО КАК РЕГУЛЯТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

С институциональных позиций модель любого государства в общем виде может быть представлена как совокупность четырех основных институтов: экономического, социального, государственного управления, нормативно-правового. Эффективность функционирования государства определяется целенаправленностью действий каждого из упомянутых институциональных элементов. Однако роль нормативно-правового института особенная. Основная задача этого института заключается не только в том, чтобы объединить все элементы системы в единое целое, задавая алгоритм ее эффективного функционирования по достижению поставленных целей, но также в том, чтобы на нормативно-правовом уровне создать условия по обеспечению эффективного функционирования каждого элемента институциональной модели.

Нормативно-правовой институт в свою очередь может быть представлен в виде институциональной подсистемы, содержащей три экономически и юридически взаимообусловленных компонента, обеспечивающих деятельность экономического, социального институтов и института государственного управления. Сказанное выше позволяет выделить в системе нормативного правового регулирования государственного развития три самостоятельных институциональных блока: экономический, социальный и государственное управление.

Существующая система нормативно-правовых актов Республики Беларусь соответствует предлагаемой в таб. 1 институциональной структуре.

Таблица 1.

Институциональная структура нормативной базы

	Экономические институты	Социальные институты	Институты государственного регулирования
Нормативно-правовое содержание	Гражданский кодекс Банковский кодекс Инвестиционный кодекс	Трудовой кодекс	Административный кодекс Налоговый кодекс Таможенный кодекс

Предметом рассмотрения настоящей работы является нормативно-правовой блок, регулирующий экономические отношения в институциональном экономическом блоке государственной системы.

При этом акцент будет сделан на первичность экономических показателей при формировании нормативной правовой базы функционирования государства в целом. Этот факт обусловлен тем, что нормативная правовая база закрепляет реальные экономические возможности и сложившиеся социально-экономические отношения, присущие конкретной социально-экономической системе на конкретно-историческом этапе ее развития, но не определяет их.

Экономическая система государства может быть представлена совокупностью взаимозависимых и взаимообусловленных факторов производства, одним из которых является капитал. Известно, что капитал – основа для создания и развития производства товаров и услуг в существующей институциональной структуре государственного устройства и ассоциируется с понятием инвестиции. В любой экономической системе капитал (инвестиции) распределяется неравномерно и стремится туда, где созданы наиболее благоприятные (привлекательные) условия для его воспроизводства, как внутри государства, так и на межгосударственном уровне. Заметим, что высокая доходность на вложенный капитал не является единственным критерием наиболее выгодных вложений капитала. Условия привлекательности для инвестиций определяются совокупностью таких параметров, как цена, риск, срок, область вложения, налоговая ситуация, отношение к инвестициям, защищенность инвестиций

В ЛЮБОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КАПИТАЛ (ИНВЕСТИЦИИ) РАСПРЕДЕЛЯЕТСЯ НЕРАВНОМЕРНО И СТРЕМИТСЯ ТУДА, ГДЕ СОЗДАНЫ НАИБОЛЕЕ БЛАГОПРИЯТНЫЕ (ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ) УСЛОВИЯ ДЛЯ ЕГО ВОСПРОИЗВОДСТВА, КАК ВНУТРИ ГОСУДАРСТВА, ТАКИ НА МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

и др. Иными словами, капитал (в дальнейшем будем иметь ввиду под этим понятием временно свободные финансовые ресурсы) аккумулируется в местах, где его использование неэффективно с точки зрения инвестора (владельца финансовых ресурсов), и направляется в адрес лица (реципиента), где использование временно свободных финансовых ресурсов более привлекательно.

Фундаментальная роль инвестиций в ускорении социально-экономического развития предприятий, стран, регионов и цивилизации в целом является объективным фактом. Если в середине прошлого века потребителями мировых инвестиций в основном были развитые страны, то с конца XX – начала XXI вв. развивающиеся страны Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки начали составлять ожесточенную конкуренцию на мировых инвестиционных рынках таким странам, как США, Англия, Германия и др. Не остается в стороне от этих процессов и Республика Беларусь, потребности в инвестициях которой составляют около 37 млрд. долларов США, а из них одну треть или около 12 млрд. долларов США планируется обеспечить за счет иностранных источников¹.

Традиционно под финансовыми инвестициями понимают вложение финансовых ресурсов с целью получения социально значимого эффекта². Однако, по нашему мнению, такое понимание односторонне и не соответствует современным мировым требованиям и тенденциям социально-экономического развития. Инвестиции – это сложное динамическое социально-экономическое явление, имеющее две стороны: инвестор, располагающий определенным объемом временно свободных финансовых ресурсов и имеющий желание эффективно разместить эти финансовые ресурсы на определенное время, а также реципиент, имеющий потребности в определенном объеме финансовых ресурсов и желающий их приобрести на определенных выгодных для него условиях в определенные сроки. Таким образом, инвестиции необходимо рассматривать как двусторонний процесс.

Важность неразрывного правового сопровождения инвестиционного процесса обуславливается объективной необходимостью минимизации, как инвестиционных рисков для инвестора, так и обеспечением защиты прав реципиентов при формировании инвестиционных предложений.

Важно заметить, что само понятие «инвестиции» имеет двойственную природу отношений: юридическую

¹ Семашко В. В. Из выступления на открытии белорусско-российского экономического форума.

² Инвестиционный кодекс Республики Беларусь.

и экономической. Юридическая природа инвестиций обуславливается фактом того, что в них заложено имущественное право требования инвестора и обязательства реципиента. Экономическая природа инвестиций заключается в конкретной цели, объеме, сроке и цене их использования.

В условиях рыночной экономики инвестиционные отношения складываются между многими участниками процесса инвестирования, что представлено в виде схемы на рис. 1.

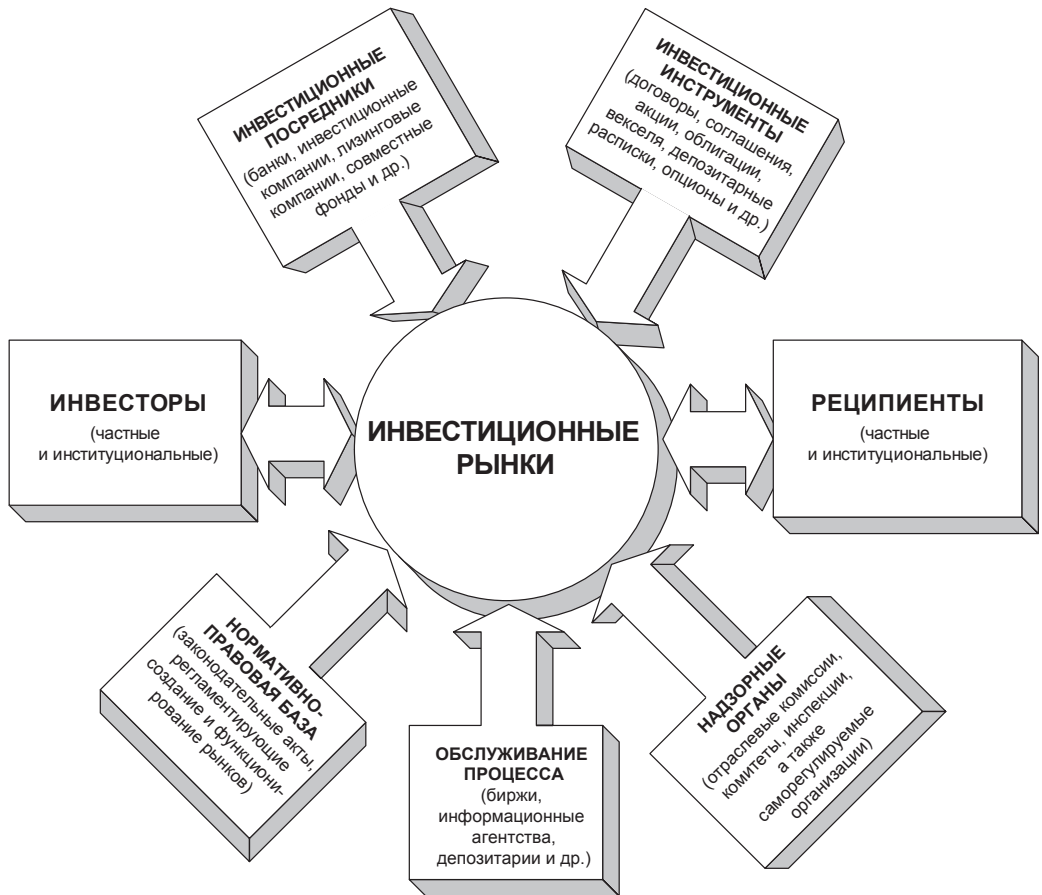

Рис. 1.
Институциональные участники процесса инвестиций

Как видно из приведенного выше рис. 1, инвестиции – это комплексное понятие, вовлекающее в сферу инвестиционного оборота большое количество участников этого процесса и представляющее собой *сложный и уникальный организационно-экономический механизм, комплексную отрасль экономики со своими целями, задачами, инструментарием и технологиями*. При этом инвестиционными инструментами

этого механизма могут быть денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, лицензии, в том числе и на товарные знаки, кредиты, любое другое имущество или имущественные права, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях достижения положительного социально-экономического эффекта.

Комплексный организационно-экономический механизм инвестирования как отрасль экономики приводится в действии с помощью адекватной ему системы правовых норм.

ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПРАВО ЯВЛЯЕТСЯ НОВОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ОТРАСЛЬЮ ПРАВА, ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ СОВОКУПНОСТЬ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ПРАВОВЫХ НОРМ, СФОРМИРОВАВШИХСЯ И ПРОВЕРЕННЫХ ВРЕМЕНЕМ ШИРОКОГО СПЕКТРА ОТРАСЛЕЙ ПРАВА: ГРАЖДАНСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО, МЕЖДУНАРОДНОГО, ЧАСТНОГО, НАЛОГОВОГО, ТАМОЖЕННОГО И ДР.

Этот факт, по нашему мнению, позволяет сделать вывод об экономической и юридической целесообразности выделения в юридической системе государства отдельной отрасли права, содержащей комплексную систему норм, реализующих и регулирующих организационно-экономический механизм инвестирования, совокупность которых предлагается именовать инвестиционным правом.

Подтверждением сказанному являются заявления лидеров G-20 на встречах в Вашингтоне в ноябре 2008 г. и в Лондоне в апреле 2009 г., в которых акцентировалось внимание на том, что одной из причин развивающегося глобального системного кризиса является недостаточность нормативного

обеспечения инвестиционного процесса, и предлагалось объединить усилия мирового сообщества по выработке нормативно-правового механизма, регламентирующего инвестиционную деятельность³.

Представляется, что инвестиционное право призвано регулировать эффективность всего комплекса инвестиционных отношений и всех участников этих отношений на различных уровнях глобальной социально-экономической системы: на уровне физических и юридических лиц; на межгосударственном уровне и международном уровне; на уровне транснациональных компаний; на уровне формирующихся органов глобального управления инвестициями. Таким образом, инвестиционное право является новой самостоятельной комплексной отраслью права, объединяющей совокупность соответствующих правовых норм, сформировавшихся и проверенных временем широкого спектра отраслей права: гражданского, хозяйственного, международного, частного, налогового, таможенного и др.

³ Declaration Summit on Financial Markets and the World Economy; Declaration on Strengthening the Financial System.

Разработка правовых аспектов экономических процессов инвестирования есть предмет исследования юридических наук. Таким образом, юридической сущностью инвестиционного права являются правовые отношения, возникающие в связи с осуществлением инвестиционной деятельности.

Основополагающим элементом в системе инвестиционного законодательства является Конституция Республики Беларусь, а также нормативные правовые акты, разделенные на две группы: общей и специальной компетенции.

К нормативным правовым актам общей компетенции можно отнести гражданский, налоговый, таможенный, банковский кодексы и законы. Однако центральное место в системе законодательства занимают нормативные правовые акты специальной компетенции. Эти акты должны определять институциональную структуру инвестиционной деятельности, закреплять ее общие черты и признаки, определять принципы процедур, регулирующих инвестиционную деятельность, а также особенности регулирования отдельных видов инвестиционных отношений в рамках единой системы инвестирования и их участников. Действующие нормативные правовые акты должны подвергнуться переработке в соответствии с потребностями времени и с системой законодательных актов, регулирующих иные сферы социально-экономической системы государства. При этом понятно, что базовые законы содержат основные понятия и принципы инвестиционного законодательства, порядок его реализации, обеспечивающий эффективное функционирование инвестиционных экономических отношений.

Выделение инвестиционного права в качестве новой отрасли вызвано следующими обстоятельствами:

1. наличием обособленных экономических инвестиционных отношений, отражающих объективные условия существования и развития инвестиционного процесса как части процесса социально-экономического развития общества, как объективной экономической закономерности развития общества, то есть наличием самостоятельного предмета правового регулирования;
2. осознанием особой общественной необходимости и значимости инвестиционных отношений в системе экономических отношений в период резкого ускорения глобализационных процессов и постиндустриальных тенденций развития цивилизации;
3. необходимостью переосмысления и реструктуризации имеющегося в наличии накопленного информационного

и нормативного материала соответствующего профиля, количества и качества;

4. наличием особого метода правового регулирования инвестиционных отношений, выражающегося в сочетании публично-правового и частноправового регулирования.

Рассматривая составляющие элементы системы инвестиционного права, следует также отметить, что в совокупности они представляют крупный нормативный массив, объединяющий разные по своей отраслевой принадлежности нормы права: гражданского, хозяйственного, финансового, налогового, таможенного, банковского, экологического, международного. Этот факт дает все основания определять инвестиционное право как самостоятельную комплексную отрасль права.

Государство, располагая инструментарием инвестиционного права, напрямую управляет государственными инвестициями; вводит системы налогов с дифференцированием налоговых ставок и льгот; таможенных пошлин и платежей; представляет финансовую помощь в виде дотаций, субсидий, субвенций, бюджетных ссуд и кредитов на развитие

отдельных территорий, отраслей, производств; проводит финансовую и кредитную политику, политику ценообразования путем соответствующей амортизационной политики, применяет антимонопольные мероприятия, экспертизу инвестиционных проектов и т. д. При этом по приоритетным направлениям развития народного хозяйства инвесторам и другим участникам инвестиционной деятельности Президент и Правительство Республики Беларусь могут определять особые преференции, которыми, в частности, являются создание свободной экономической зоны (СЭЗ) для инвестиций с особым режимом организации предпринимательской деятельности и льготным налогообложением.

Современные динамичные условия мирового социально-экономического развития определяют привлечение в экономику страны постоянных потоков внутренних и внешних инвестиций в качестве одного из главных условий обеспечения устойчивой долгосрочной конкурентной позиции национальной экономики.

Эффективность реализации складывающихся в государстве инвестиционных отношений во многом определяет

СОВРЕМЕННЫЕ ДИНАМИЧНЫЕ УСЛОВИЯ МИРОВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОПРЕДЕЛЯЮТ ПРИВЛЕЧЕНИЕ В ЭКОНОМИКУ СТРАНЫ ПОСТОЯННЫХ ПОТОКОВ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ИНВЕСТИЦИЙ В КАЧЕСТВЕ ОДНОГО ИЗ ГЛАВНЫХ УСЛОВИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОЙ ДОЛГОСРОЧНОЙ КОНКУРЕНТНОЙ ПОЗИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

инвестиционную привлекательность государства для притока как внешних инвестиций, так и мобилизации внутренних сбережений.

Инвестиционное право как самостоятельная отрасль в системе регулирования экономических отношений призвано осуществить «тонкую настройку» инвестиционных отношений в государстве за счет комплексного нормативного сопровождения инвестиционного процесса. Это должно обеспечить постоянный приток инвестиционных ресурсов в национальную экономику на реализацию государственной экономической политики за счет повышения эффективности инвестиционной деятельности в Республике Беларусь и повышения ее инвестиционной привлекательности.

Список использованных источников

1. Семашко, В. В. Из выступления на открытии белорусско-российского экономического форума / В. В. Семашко // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/107704.html>. – Дата доступа: 23.04.2009.
2. Инвестиционный кодекс Республики Беларусь: принят 22 июня 2001 г., № 37-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.
3. Николаевский, В. В. Инвестиции в мировой экономике / В. В. Николаевский, А. В. Николаевский. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2008. – 235 с.
4. Declaration Summit on Financial Markets and the World Economy // [Electronic resource]. – 2008. – Mode of access: http://www.g20.org/Documents/g20_summit_declaration.pdf. – Date of access: 20.05.2009.
5. Declaration on Strengthening the Financial System // [Electronic resource]. – London, 2009. – Mode of access: http://www.g20.org/Documents/Fin_Deps_Fin_Reg_Annex_020409_-_1615_final.pdf. – Date of access: 20.05.2009.
6. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права: учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский; под общ. ред. проф. В. А. Кучинского. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит., 2004. – 640 с.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят 7 дек. 1998 г., № 218-3: текст Кодекса по состоянию на 29 дек. 2006 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.
8. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

Дата поступления в редакцию 08.04.2010.

С. Ю. Солодовников
О. Ю. Жуковская

Саладоўнікаў Сяргей Юр'евіч – доктар эканамічных навук, кіраўнік Цэнтра эканамічнай тэорыі Інстытута эканомікі НАН Беларусі, заг. аддзела дэмаграфіі і чалавечага развіцця Цэнтра эканамічнай тэорыі. Даследуе праблемы развіцця і кіравання суб'ектнымі эканамічнымі структурамі, фарміравання сістэм эканамічных інтарэсаў, развіцця чалавечага і сацыяльнага капітала, дзяржаўнага рэгулявання эканомікі. Мае больш 190 навуковых прац па азначанай тэматыцы.

Жукоўская Вольга Юр'еўна – студэнт факультэта міжнародных адносін БДУ. Сфера навуковых інтарэсаў: міжнародныя эканамічныя адносіны, інстытуцыйная канфігурацыя рынка.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА КОНФИГУРАЦИЮ РЫНОЧНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

При достаточно глубоком рассмотрении любого экономического отношения в основе его всегда обнаруживается социальный обмен деятельностью. Прогресс человеческого общества неразрывно связан с оптимизацией этого обмена, критерием которого выступает снижение транзакционных издержек. Научно-технические достижения, разделение и кооперация труда, субординация и ординация между индивидами и многие другие социальные феномены и институты тем успешнее способствуют экономному получению человечеством необходимых веществ и энергии из природы, чем выше уровень социального прогресса в обществе. Поэтому именно в XX в. в экономической теории возникло и бурно развивается социально-институциональное направление, концентрирующее внимание на социальных механизмах сокращения транзакционных издержек в целях усовершенствования рыночной системы.

В современном глобализирующемся мире ни одна страна не может обеспечить свое устойчивое социальное,

экологическое и экономическое развитие без непрерывного роста социального потенциала как общества в целом (групп и классов, в него входящих), так и отдельных индивидов.

Республика Беларусь – молодое динамично развивающееся государство, экономическая система которого функционирует в условиях диалектического единства общего и частного: реальные экономические отношения у нас развиваются в результате влияния универсальных экономических законов и закономерностей, трансформирующихся под воздействием уникальных белорусских институциональных особенностей. Поэтому для нашей страны неприменимо слепое копирование теоретических подходов и практических механизмов, выработанных и используемых в других социумах. Перед белорусской политической экономикой сегодня стоит задача предложить концепцию обеспечения устойчивого социального, экологического и экономического развития государства как основы жизнедеятельности страны.

ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ НЕПРИМЕНИМО СЛЕПОЕ КОПИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И ПРАКТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ, ВЫРАБОТАННЫХ И ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ДРУГИХ СОЦИУМАХ

С целью решения данной задачи необходимо, прежде всего, выяснить сущность социально-экономических субъектов и отношений, раскрыв для этого основные принципы категориальной субординации и реального взаимодействия цивилизации, культуры, экономической системы общества и институциональных матриц.

Так, именно по параметру экономии транзакционных общественных издержек можно в первом приближении оценивать влияние культурных, цивилизационных и институциональных изменений социума на степень его экономической безопасности: институциональные матрицы («форма общественной интеграции в основных сферах жизнедеятельности социума: экономике, политике и идеологии»¹) возникают и развиваются в тесной взаимосвязи с цивилизацией, культурой, экономической системой общества и политикой. Представляется целесообразным применить подход, сформулированный С. Г. Кирдиной для тех случаев, когда в научном исследовании институциональные структуры «обладают приоритетом – онтологическим и методологическим – перед акторами»². Однако это не означает, что не будут приниматься во внимание человеческие мотивы, потребности и интересы. Данный тезис подчеркивает объективный (а не субъективный) характер субъектного социально-экономического поведения.

При этом под термином «социальный институт» подразумевается «относительно неизменная форма организации

¹ Кирдина С. Г. *Институциональные матрицы и развитие России*. С. 60.

² Там же. С. 39–40.

социальной жизни, обеспечивающая устойчивость связей и отношений в рамках общества. Социальный институт следует отличать от конкретных организаций и социальных групп... Основные функции, которые он выполняет: 1) создает возможность членам этого института удовлетворять свои потребности и интересы; 2) регулирует действия членов общества в рамках социальных отношений; 3) обеспечивает устойчивость общественной жизни; 4) обеспечивает интеграцию стремлений, действий и интересов индивидов; 5) осуществляет социальный контроль. Деятельность социального института определяется: 1) набором специфических социальных норм, регулирующих соответствующие типы поведения; 2) интеграцией его в социально-политическую, идеологическую, ценностную структуры общества, что позволяет узаконить формально-правовую основу деятельности; 3) наличием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение нормативных предложений и осуществление социального контроля. Социальные институты могут быть охарактеризованы не только с точки зрения их формальной структуры, но и содержательно, с позиции анализа их деятельности. Это не только совокупность лиц, учреждений, снабженных определенными материальными средствами, системой санкций и осуществляющих конкретную общественную функцию»³. Эти институты появляются естественным образом и обладают значительной устойчивостью, в том числе и к изменениям внешней среды. В настоящее время установлено, что успешное функционирование социальных институтов связано с наличием в их рамках целостной системы стандартов поведения конкретных индивидов в типичных ситуациях, закрепленных в обычаях, традициях, правовых нормах и т. д.

³ Большой энциклопедический словарь... С. 786.

ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ХАРАКТЕРНО ПРИЗНАНИЕ ВАЖНОСТИ ЭНДОГЕННЫХ ФАКТОРОВ (В ТОМ ЧИСЛЕ И ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО) ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Для современных институциональных направлений в экономической теории характерно признание важности эндогенных факторов (в том числе и технико-технологического) для формирования институциональных структур и, соответственно, экономических систем общества.

Следует признать перспективным также подход к рассмотрению влияния технико-технологической структуры общества на институциональную матрицу через использование понятий коммунальной и некоммунальной материально-технологической среды.

«Материально-технологическая и институциональная среда образуют, в конечном счете, единую систему

и положительно воздействуют друг на друга. Коммунальная среда, не поддающаяся расчленению, со временем приводит к относительному расширению роли государства, выражающего общий, коллективный интерес. Оно создает соответствующую систему управления во главе с Центром и определяет общие правила пользования коммунальной инфраструктурой для всех хозяйствующих субъектов, формирует соответствующую времени идеологию, выражающую справедливость такого общественного порядка»⁴. Данная модель развития способствует преимущественной реализации уравнительных (коммуноцентрических), трудовых (продукционных) и собственно социальных (системных) социально-экономических интересов и затрудняет максимизацию монопольного потребления. «В странах с некоммунальной материально-технологической средой, напротив, постоянно возрастает роль частных собственников в общественной жизни, что выражается в развитии системы соответствующих экономических и политических институтов и создании адекватных идеологических систем»⁵. Соответственно, в таких странах экономическая система общества будет, прежде всего, детерминирована эгональными социально-экономическими интересами. Для социально-классовой структуры этих обществ (в их чистом виде) характерна сильная имущественная, объемно-правовая и статусная дифференциация между социальными классами.

Критерием успешности институциональных заимствований, ревизии и обновления «исходной институциональной среды, когда активизируется деятельность по приведению ее в соответствие с новыми условиями»⁶, является такое встраивание альтернативных форм в социально-экономическую систему общества, которое «не противоречит природе институциональной матрицы государства. Это означает, что при внедрении новых форм необходимо «сохранение опор», приоритета матричных институциональных структур, задающих направления эволюции страны»⁷. Также будут оказывать влияние: степень постижения объективных законов социального развития, понимание обществом негативных сторон существующей институциональной матрицы и стремление ослабить порождаемые этим объективные социально-классовые антагонизмы, соотношение сил социальных классов, степень внешнего воздействия на социум и способность последнего его регулировать и т. д.

В своей работе мы исходим из того, что функционирование любой общественной системы невозможно без наличия в ней

⁴ Курдина С. Г. *Институциональные матрицы и развитие России*. С. 80.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же. С. 214.

⁷ Там же. С. 215.

людей, которые объективным образом объединяются в различные группы. Социальный потенциал, которым обладают эти группы, отдельные индивиды и который при определенных условиях капитализируется в различные формы, выступает важным фактором экономии транзакционных издержек для всех хозяйственных и социально-экономических субъектов.

Итак, направление субъектной активности (использования накопленного и капитализированного социального потенциала социально-экономическими субъектами) в реальных социумах зависит от множества внешних и внутренних факторов, в том числе от баланса экономических интересов, типа материально-технологической среды, институциональной матрицы, форм ее персонификации⁸, комплиментарности элементов и подсистем экономической системы общества, социально-классовой структуры и т. д.

Сегодня эти хозяйственные, социально-экономические и социальные феномены в той или иной мере функционируют в рыночном сегменте общественной жизни. Рынок – один из социальных инструментов, позволяющих снижать транзакционные издержки. Такой подход должен позволить объективно рассмотреть границы целесообразного применения рыночного инструментария в экономической системе общества во взаимосвязи с глобальными и национальными цивилизационными тенденциями, институциональной матрицей, материально-технологической средой, экологическим императивом, балансом социально-классовых интересов, социальным потенциалом и формами его капитализации в контексте экономической безопасности Республики Беларусь.

На сегодняшний день, несмотря на многовековую историю исследования рыночных отношений, общественные науки в целом и экономическая теория в частности так и не смогли выработать единого понимания рынка.

Согласно, к примеру, неоклассической экономической концепции «идеального рынка» он предстает как механизм спроса и предложения, действующий в любых территориальных или отраслевых контурах, а обмен осуществляется автоматически, без каких-либо сил трения. Причем речь идет не просто об агрегированной совокупности индивидуальных актов обмена, но об относительно автономной от остальной части общества и самодостаточной системе со встроенным механизмом саморегуляции⁹. За счет такого методологического

⁸ Солодовников С. Ю. Институциональные матрицы ...

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЮБОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НЕ-
ВОЗМОЖНО БЕЗ НАЛИЧИЯ В НЕЙ
ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ОБЪЕКТИВ-
НЫМ ОБРАЗОМ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ
В РАЗЛИЧНЫЕ ГРУППЫ**

⁹ Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. С. 20–21.

приема происходит превращение рынка «из эмпирического объекта в аналитическую модель с достаточно абстрактными основаниями»¹⁰. Причем в этой модели «социальным условиям отводится незавидная роль внешних факторов или, того хуже, тех самых сил трения, которые снижают эффективность саморегулирования»¹¹. Таким образом, на смену реальным людям приходит некий абстрактный «экономический человек» с достаточно примитивными потребностями и мотивами, которые легко могут быть переложены на математический язык.

Существенно то, что эти теоретико-методологические подходы (например, сводящие экономические функции государства к роли «ночного сторожа») деформируют сознание части научного и научно-педагогического сообщества, снижают доверие к белорусской модели развития и социальный потенциал белорусского общества, т. е. снижают продукционный эффект от социального капитала, накопленного на уровне социума, а значит – угрожают экономической безопасности страны.

Так, современное рыночное хозяйство, а точнее современное преимущественно рыночное многоукладное хозяйство (с доминированием индустриального или постиндустриального технологического уклада), сочетает в себе универсальные и национальные особенности, характеризуется множеством форм собственности, экономической обоснованностью, декларируемой свободой предпринимательства и обязательным вмешательством государства в экономику. Рыночная система развивается в условиях установления относительного равновесия и стабильности с помощью экономических средств государственного регулирования, связанных как с особенностями функционирования экономики на макроуровне (циклические колебания, экономический рост и др.), так и с несовершенством рыночного механизма.

Государство выступает как общественный конфигуратор рынка. Степень его воздействия вариативна, но в любом случае речь идет не просто о весомер, а о конституирующем влиянии на совокупность рынков посредством создания условий для их возникновения и развития (являясь во многом внутренним элементом процесса их формирования и трансформации, действуя на началах встроеной автономии)¹², установления формальных правил и способов их поддержания, осуществления перераспределительных функций и участия в хозяйственных процессах¹³.

Рынок в настоящее время представляет собой сложную систему социально-экономических, политических и иных

¹⁰ Радаев В. В. *Социология рынков: к формированию нового направления*. С. 21.

¹¹ Там же.

¹² Evans P. B. *Embedded Autonomy*;

Frye T. *The Invisible Hand and the Grabbing Hand*. P. 354–358;

Shleifer A. *The Grabbing Hand...*;

Радаев В. В. *Рынок как объект социологического исследования*. С. 39.

¹³ Block F. *The Role of the State in the Economy*. P. 696.

институтов, персонифицированных в социально-экономических субъектах (индивидах, группах, классах). Хозяйственная эффективность взаимодействия названных субъектов во многом предопределяется накопленным в обществе социальным потенциалом и институциональными формами его капитализации. Социальный капитал, способы и формы его присвоения, оптимальность распределения и т. д. выступают основой для сокращения (или увеличения) транзакционных издержек. Именно в таком качестве социальный потенциал любого общества и формы его капитализации в современном обществе выступают важнейшим условием в обеспечении экономической безопасности.

После рассмотрения теоретических основ исследования социального капитала в условиях глобализации¹⁴ С. Ю. Солодовниковым было установлено, что в рамках существующей обществоведческой традиции, воспринятой современной экономической теорией и восходящей к работам Дж. Коулмана, Р. Патнема, К. Маркса, П. Бурдые, а также некоторых других мыслителей, под этим социальным явлением понимаются суммы выгод, получаемых субъектами от определенных взаимных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих транзакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена.

При таком подходе функциональное назначение социального капитала в экономической системе общества, в макро- и микроэкономических системах заключается в оптимизации (снижении транзакционных издержек) взаимодействия субъектов в процессе их хозяйственной деятельности. Накопление его (как атрибута обществ с выраженной социально-классовой дифференциацией) частными агрегированными субъектами, ориентированными на оптимизацию своих эгональных социально-экономических интересов, не может не причинять в долгосрочной перспективе вреда (в том числе и экономического) обществу. Это связано с тем, что совокупное количество социального капитала в обществе не является суммой «социальных капиталов» всех его субъектов. Это происходит не только потому, что существуют некоторые его проявления только на уровне всего социума, но и по той причине, что социально-классовыми и хозяйственными субъектами этот капитал может использоваться (и используется)

¹⁴ Солодовников С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала в условиях глобализации. С. 199–313;

Его же. Эвристический потенциал и границы использования в экономической теории категории социальный капитал. С. 469–474.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА, В МАКРО- И МИКРО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ОПТИМИЗАЦИИ (СНИЖЕНИИ ТРАНЗАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК) ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

не только на благо всего общества (или в производственных целях), но и с целью оптимизации своих социально-экономических интересов. Такое использование социального капитала вступает в противоречие с интересами других классов и групп, приводит к значительному снижению его созидательного действия на уровне общества, снижает производственный эффект от использования этой формы капитала на уровне государства, а значит – снижает эффективность функционирования национальной экономической системы в целом.

Когда на первое место выступает эгональный классовый (групповой) интерес; когда усиливающееся доверие и взаимопомощь внутри класса используются, прежде всего, для социально-экономического (а часто и физического) подавления иных субъектов; когда место в системе трудовых отношений, отношений собственности и в политической системе определяется, прежде всего, не производственными способностями индивидов, а их принадлежностью к тому или иному классу (с учетом исторически обусловленной степени социально-классовой мобильности); как правило, происходит деградация экономической системы общества. Это ведет к существенному снижению среднего уровня потребления, что, в свою очередь, также усиливает классовую борьбу, способствует разрушению остатков социального капитала на уровне социума и дальнейшему снижению производственного эффекта от функционирования национальной экономической системы. Вырваться из этого «заколдованного круга» невозможно без ускоренного накопления социального капитала на уровне общества, для чего необходимо формирование национальной идеи, воспринимаемой в качестве реальной цели значительной частью (большинством) населения.

На наш взгляд, методологически правильно рассматривать формирование и функционирование социального капитала (ресурса) Республики Беларусь в неразрывной связи с динамикой трудовых отношений (как основы функционирования экономической системы) и персонализирующей их социально-профессиональной структурой общества. Именно на базе развития трудовых отношений в процессе становления и эволюции общества разделенного труда формировались (и продолжают развиваться) такие важнейшие составляющие социального капитала, как обязательства, ожидания и надежность социальной и институциональной структуры; возможность получения информации с наименьшими издержками; существование норм

(включающих в себя альтруистическое поведение в интересах социальной общности) и эффективных санкций; относительная замкнутость и апроприативность.

Итак, как результат последовательного накопления социального капитала на уровне общества продукционный эффект от него в стране достаточно велик: «В последние годы весь прирост ВВП в Республике Беларусь происходит за счет интенсивных факторов (50% прироста ВВП было достигнуто в результате деятельности государственных органов социально-экономического управления, 30% – благодаря вкладу гуманитарных наук, а 20% – естественных и технических наук)¹⁵».

Вместе с тем в Республике Беларусь, на наш взгляд, сегодня наблюдается тенденция к присвоению социального капитала на уровне общества классом государственных управленцев, которые в своих интересах снижают возможную отдачу от накопленного социального потенциала (однако по условиям, необходимым для успешного формирования социального капитала, в Республике Беларусь имеется ряд преимуществ по сравнению практически со всеми постсоветскими странами) и существенно уменьшают тот продукционный и идеологический эффект, которому способствует деятельность Президента А. Г. Лукашенко.

В условиях глобального экономического кризиса в экономике Республики Беларусь возникает ряд негативных тенденций. Нельзя не отметить, что, если антикризисные государственные мероприятия повлекут за собой существенное сокращение реальных доходов большинства населения, это неизбежно приведет к снижению социального потенциала белорусского общества, а также к росту использования социального капитала, накопленного социально-экономическими и хозяйственными субъектами для преимущественной реализации своих эгональных (в ряде случаев антиобщественных) интересов. Естественно, что это будет снижать продукционный эффект от использования социальных факторов в экономике.

Причем накопление в обществе социального капитала потребует больших издержек, чем те выгоды, которые могут быть единовременно получены за счет его «неэкономичного» использования. Отсюда следует вывод о том, что в условиях глобальных экономических катаклизмов ни в коем случае нельзя отказываться от социальной ориентированности нашей экономической политики. Сохранение и развитие

¹⁵ Никитенко П. Г. *Инновационное социально-экономическое развитие Республики Беларусь и перспективы белорусско-молдавского сотрудничества*. С. 123.

В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ НАБЛЮДАЕТСЯ ТЕНДЕНЦИЯ К ПРИСВОЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА УРОВНЕ ОБЩЕСТВА КЛАССОМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УПРАВЛЕНЦЕВ, КОТОРЫЕ В СВОИХ ИНТЕРЕСАХ СНИЖАЮТ ВОЗМОЖНУЮ ОТДАЧУ ОТ НАКОПЛЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА

социального капитала Республики Беларусь должно быть приоритетным в социально-экономическом развитии страны.

Сегодня, когда в Беларуси и России возрастают потребности обеспечения роста благосостояния населения, а на мировых рынках обостряется конкурентная борьба за все более ограниченные ресурсы, объективно усиливается необходимость задействовать институциональные ресурсы Союзного государства. В этих условиях большое значение для экономической безопасности как Республики Беларусь, так и Российской Федерации приобретает рост социального потенциала и поиск эффективных путей его преумножения. Например, путем формирования положительного образа государства; укрепления конкурентных позиций на мировых рынках совместных белорусско-российских компаний; развития союзных проектов в области науки, образования, здравоохранения, промышленности; обеспечения жильём населения; совершенствования агропромышленного комплекса и т. д.

Таким образом, в целях усиления продукционного эффекта социального капитала Республики Беларусь необходимо пройти несколько взаимосвязанных (и зачастую параллельно протекающих) этапов.

1. Законодательно закрепить за экономическими субъектами такие функции в обществе, которые соответствуют движению к социально-ориентированной экономической системе. При этом изменение законодательства должно происходить в направлении усиления общественного конфигурирования государством (институциональными методами и созданием соответствующей правовой базы) социальной структуры общества на основе создания приоритетно стимулирующих условий для развития групп и классов, являющихся выразителями трудовых и системных интересов и определяющих успешность накопления социального капитала на уровне общества и перехода к постиндустриальному пути технологического развития. К таким группам относятся следующие: интеллигенция, менеджеры, государственные управленцы. Также необходимо качественное изменение классов рабочих и крестьян (рост профессионализма и адаптация к новым постиндустриальным технологиям), служащих силовых структур (в направлении сокращения численности и роста профессионализма). Одновременно важно обеспечить защиту социально-экономических интересов детей и учащейся молодежи, сокращение деклассированных групп.

2. Для ослабления уравнительных тенденций, которые неизбежно возникают в социально-ориентированной модели, базирующейся на некоммунальной материально-технологической среде, необходимо институционально содействовать формированию на уровне хозяйственных субъектов социального капитала («корпоративной культуры») до тех пор, пока этот капитал используется главным образом в производственных целях, а не становится выразителем монопольных экономических интересов и не препятствует накоплению социального капитала на уровне общества. Важным механизмом при этом должна стать культура бизнеса, когда и процесс оценки экономических решений происходит на основе соотнесения их с моральными стандартами, присущими культуре данного общества, и внутренняя работа в компании происходит в соответствии с этическими нормами.
3. В трансформационных экономических системах необходимо, чтобы государство играло ведущую роль в общественном конфигурировании социально-экономических интересов социальных субъектов (для снижения социальной напряженности в обществе, роста социального капитала на общественном уровне и увеличения этого капитала в социальных группах в формах и пропорциях, не искажающих сущность белорусской социально-экономической модели – социально-ориентированной, устойчивой, рыночной). Необходимо учитывать, что в Республике Беларусь существует потенциальная возможность снижения производственного эффекта от социального капитала в масштабах национальной экономики за счет его чрезмерного развития как на уровне общества, так и на уровне частных социально-экономических субъектов (ведущего к усилению уравнительных тенденций в экономической жизни – раздаточный характер распределения, свертывание товарно-денежных отношений и т. д.), так и на уровне частных социально-экономических субъектов (усиление монопольных тенденций).
4. Проводить целенаправленную политику, делающую невозможным присвоение социального капитала, накопленного на уровне общества, частными экономическими субъектами: социальными классами, группами, крупными хозяйственными субъектами и т. д.
5. В ближайшие годы преодолеть ряд негативных факторов, отрицательно влияющих на накопление человеческого

В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ СУЩЕСТВУЕТ ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ СНИЖЕНИЯ ПРОДУКЦИОННОГО ЭФФЕКТА ОТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В МАСШТАБАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ ЗА СЧЕТ ЕГО ЧРЕЗМЕРНОГО РАЗВИТИЯ КАК НА УРОВНЕ ОБЩЕСТВА, ТАК И НА УРОВНЕ ЧАСТНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ

и социального капиталов: распределение средств государственного бюджета не в пользу науки; недостаточное число работников науки и научного обслуживания, что явилось следствием длительного сокращения их численности (за последние пятнадцать лет в республике количество работников, выполняющих научные исследования, уменьшилось в 3,7 раза, в том числе исследователей – в 3,5 раза); снижение среднего квалификационного уровня преподавателей высшей школы, что не может негативно не сказаться на качестве подготовки студентов; дискредитация фундаментальной науки, ведущая к недостаточному уровню подготовки научных кадров; нехватка промышленных рабочих высшей квалификации (в Германии их 52 % от общего числа индустриальных рабочих, в США – около 40 %, в Беларуси – 7–8 %, в России – 2 %).

6. Формирование новой экономической идеологии несколькими путями:
 - осознания социальными группами и классами своих социально-экономических интересов и на этой основе самоидентификация общественных групп в новом социально-экономическом пространстве, что, помимо прочего, будет способствовать построению гражданского общества;
 - осознания большей частью людей зависимости своего социального и экономического положения от успешности социально-экономического развития социума в целом;
 - формирования у субъектов хозяйствования экономического поведения, адекватного социально-ориентированной экономике;
 - создания у большинства работников новой трудовой постиндустриальной культуры и адекватных ей социальных качеств;
 - прекращения экономической дискриминации науки, системы высшего образования и возрастания роли науки о человеке, обществе, природе при сознательном регулировании социальных и социально-экономических процессов;
 - государственного финансирования системных мероприятий по научной разработке государственной идеологии.
7. Сформировать новую нравственную экономическую культуру можно несколькими путями.
 - Общественного конфигурирования процесса организации неформальных объединений в виде деловых сетей,

ДОПОЛНЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ (ФОРМАЛЬНЫХ) ОТНОШЕНИЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ СИСТЕМОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ, ОСНОВАННОЙ НА ОБЩИХ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ, ПОЗВОЛЯЕТ ПОВЫСИТЬ УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БИЗНЕСА, ПОСКОЛЬКУ ЭТО ЯВЛЯЕТСЯ ДЕЙСТВЕННЫМ СПОСОБОМ СНИЖЕНИЯ РЫНОЧНЫХ РИСКОВ И НЕСТАБИЛЬНОСТИ, КАТАЛИЗАТОРОМ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ

функционирование которых основано на высокой степени взаимного доверия, постоянных взаимных услугах, негласных соглашениях, которые лишь отчасти отражаются в формальных договорах, дополняя их. Экономический эффект от социального капитала в данном случае заключается в формировании этики внутрисетевых отношений, позволяющей оказывать широкий спектр неформальных услуг «для своих»: скидки, задержки оплаты, кредиты под низкий процент, veto на использование кабальных условий и применение силы при решении хозяйственных споров и т. д. В данном случае дополнение юридических (формальных) отношений межличностной системой взаимопомощи, основанной на общих этических принципах, позволяет повысить уровень экономической безопасности бизнеса, поскольку это является действенным способом снижения рыночных рисков и нестабильности, катализатором деловой активности.

- Совершенствования социально-экономических механизмов получения и использования информации хозяйственными субъектами за счет социального капитала как способа экономии транзакционных издержек. Неравномерность в распределении информации и, соответственно, неполнота обладания ею являются препятствиями развития экономической системы общества. Социальный капитал позволяет индивиду получить недостающую информацию путем обмена между участниками социальных сетей.
- Формирования новых посткапиталистических финансовых отношений на основе нравственных (в том числе и религиозных) принципов. В случае, если кредитные отношения внутри сообщества, обладающего достаточным для этого социальным капиталом, строятся на оптимальном сочетании формальных и неформальных финансовых институтов, подкрепленных едиными моральными позициями, они становятся более конкурентными, чем формальные финансовые институты, работающие в рамках классического капиталистического хозяйственного уклада. В первом случае расширяется ресурсная база кредитования, облегчается получение кредитов, когда залогом выступают не только (и не столько) материальные ресурсы, сколько доверие, т. е. социальный потенциал кредитополучателя. Для Республики Беларусь становление

новых посткапиталистических (нравственных) финансово-кредитных отношений может стать важным фактором обеспечения экономической безопасности как за счет роста устойчивости национальных кредитных институтов в условиях глобального финансового кризиса, так и в результате расширения возможных потребителей кредитных ресурсов – основы для роста внутреннего спроса и расширения экспортного потенциала.

В качестве одного из первых шагов в этом направлении может стать, например, создание христианских и исламских банков.

- Внедрения новых посткапиталистических механизмов общественной конфигурации управления персоналом (в хозяйственных субъектах и государственных учреждениях) на основе широкого использования социального капитала, накопленного как на уровне общества, так и на уровне отдельных экономических субъектов. Так, если на стадии поиска работы социальный капитал позволяет минимизировать асимметрию информации на рынке труда (т. е. снижает индивидуальные транзакционные издержки), то после трудоустройства социальные связи работника являются дополнительным ресурсом (социальным капиталом) для организации в целом. Для самого работника использование возможных социальных сетей создает условия роста его индивидуального социального потенциала, в том числе и за счет ресурсов организации, в которой он трудится, что выступает фактором повышения индивидуального профессионализма и дальнейшего карьерного роста. В современных условиях хозяйствования этого, однако, не достаточно для укрепления экономической безопасности страны. Необходимо, чтобы при использовании работником социального капитала и его накоплении перманентно присутствовал «нравственный фильтр», ограничивающий пределы возможного эгонального поведения.

**ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ (НРАВСТВЕННЫХ) ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОЖЕТ СТАТЬ ВАЖНЫМ ФАКТОРОМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Список использованных источников

1. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001.
2. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / редкол.: С. Ю. Солодовников (гл. ред.) [и др.]. – Минск: МФЦП, 2002.
3. Солодовников, С. Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки) / С. Ю. Солодовников. – Минск: Право и экономика, 2006. – 530 с.
4. Радаев, В. В. Социология рынков: к формированию нового направления / В. В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. Evans, P. B. Embedded Autonomy / P. B. Evans. – Berkeley: University of California Press, 1995.
6. Frye, T. The Invisible Hand and the Grabbing Hand / T. Frye, A. Shleifer // American Economic Review. Papers and Proceedings. – 1997. – Vol. 87, № 2. – P. 354–358.
7. Shleifer, A. The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures / A. Shleifer, R. Vishny. – Cambridge: Harvard University Press, 1998.
8. Радаев, В. В. Рынок как объект социологического исследования / В. В. Радаев // Социологические исследования. – 1999. – № 3.
9. Block, F. The Role of the State in the Economy / F. Block // The Handbook of Economic Sociology / N. Smelser, R. Swedberg (eds.).
10. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала в условиях глобализации / С. Ю. Солодовников // Демографический потенциал, человеческий и социальный капитал в условиях глобализации / С. Ю. Солодовников, Т. В. Кузьмицкая, А. А. Раков [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2006.
11. Солодовников, С. Ю. Эвристический потенциал и границы использования в экономической теории категории социальный капитал / С. Ю. Солодовников // Новое качество экономического роста: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 окт. 2007 г. – Минск, 2007.
12. Никитенко, П. Г. Инновационное социально-экономическое развитие Республики Беларусь и перспективы белорусско-молдавского сотрудничества / П. Г. Никитенко, С. Ю. Солодовников // Беларусь – Молдова: 15 лет дипломатических отношений: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Кишинев, 16 нояб. 2007 г. / Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы, Посольство Республики Беларусь в Молдове. – Кишинев, 2007.

Дата поступления в редакцию 15.05.2009.

В. К. Щербин

КОНЦЕПТ «НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ» СРЕДИ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

Существуют следующие формы научного знания: а) в виде системы научных знаний, б) в виде познавательной деятельности ученых, в) в виде специализированного социального института. При этом каждая из них имеет историю своего формирования, современное состояние и определенные перспективы будущего развития¹. Однако если прошлое, настоящее и будущее таких форм существования науки, как система научных знаний и познавательная деятельность ученых, обусловлены «внутренней» логикой развития науки, т. е. ее традициями, нормами, идеалами, научными уставами, кодексами и т. п.; то прошлое, настоящее и будущее развития науки как социального института во многом определяется «внешней» логикой развития науки, т. е. механизмами ее взаимодействия с обществом, властными структурами, иными сферами общественно-экономической деятельности (культурой, образованием, промышленностью, обороной и др.) и формами общественного сознания (философией, религией, идеологией и др.)². В зависимости от того, какие формы науки (система научных знаний, познавательная деятельность ученых, специализированный социальный институт), какие исторические аспекты науки (ее прошлое, настоящее или будущее) и какие логические аспекты науки (внутринаучные или обусловленные взаимодействием с внешней средой) рассматриваются в том или ином науковедческом исследовании, его авторами используются при описании перечисленных выше форм и аспектов науки различные теоретические конструкты: категории, концепты (ключевые понятия), константы, идеи, символы и др.

Щербін Вячаслаў Канстанцінавіч – кандыдат філалагічных навук, загадчык аддзела навуказнаўчага прагназіравання Цэнтра сістэмнага аналізу і стратэгічных даследаванняў НАН Беларусі. Лаўрэат Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь у галіне навукі і тэхнікі (1998). Аўтар больш за 250 навуковых прац, у тым ліку 12 кніг, па навуказнаўству, гуманітарныстыцы, мовазнаўству.

¹ Щербин В. К. *Общее науковедение и этапы развития научного самопознания.*

² Щербин В. К. *Социокультурные детерминанты развития логики научного познания.*

Так, если в науковедческом исследовании рассматривается прошлое и современное состояния науки, то чаще всего они описываются с помощью таких концептов, как «наука», «научное знание», «научная мысль», «научная картина мира» и т. п. Если же в исследованиях науковедов делается попытка оценить вклад в развитие общества, который может быть сделан наукой в будущем, то для описания так широко понимаемых ресурсов науки (уже использованных обществом научных знаний и знаний, содержащих в себе потенциальную возможность их использования в будущем) применяются более сложные по своему понятийному содержанию концепты, вербальные обозначения которых содержат в своем составе слово «потенциал»: *научный потенциал, научно-технический (научно-технологический) потенциал, инновационный (научно-инновационный) потенциал, образовательный (научно-образовательный) потенциал, интеллектуальный потенциал, кадровый потенциал науки (научно-кадровый потенциал)* и т. п. концепты. Понятийное содержание и объем перечисленных выше концептов существенно отличаются, поскольку с их помощью описываются разные формы и аспекты науки.

ДЛЯ ОПИСАНИЯ ТАК ШИРОКО ПОНИМАЕМЫХ РЕСУРСОВ НАУКИ (УЖЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ОБЩЕСТВОМ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ И ЗНАНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ В СЕБЕ ПОТЕНЦИАЛЬНУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В БУДУЩЕМ) ПРИМЕНЯЮТСЯ БОЛЕЕ СЛОЖНЫЕ ПО СВОЕМУ ПОНЯТИЙНОМУ СОДЕРЖАНИЮ КОНЦЕПТЫ, ВЕРБАЛЬНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ СОДЕРЖАТ В СВОЕМ СОСТАВЕ СЛОВО «ПОТЕНЦИАЛ»

В частности, одним из первых в отечественном науковедении начал использоваться для обозначения прошлого, настоящего и будущего развития науки концепт «*научный потенциал (потенциал науки)*». Первые работы, в которых рассматривался данный концепт, появились в СССР еще в конце 1960-х гг.³ Однако и десятилетие спустя отдельные белорусские исследователи считали данное ключевое науковедческое понятие слабо изученным в теоретическом отношении: «В последнее десятилетие в научный обиход широко вошло понятие «научный потенциал». Оно весьма часто используется чисто интуитивно, однако это обычно не мешает его правильному восприятию. Теоретическая разработка этого понятия значительно отстала от практической потребности в нем органов управления наукой на всех уровнях. Некоторые авторы делают попытки глубже раскрыть смысл этого понятия, представляя «научный потенциал» в виде совокупности ряда его составляющих: кадровой, материально-технической, информационной, организационной»⁴.

В середине 1980-х гг. в СССР стали появляться отдельные монографические исследования, посвященные изучению научного потенциала страны. В одном из них концепт «*научный*

В середине 1980-х гг. в СССР стали появляться отдельные монографические исследования, посвященные изучению научного потенциала страны. В одном из них концепт «*научный*

³ *Потенциал науки.*

⁴ *Шашков А. Г. О научном потенциале академического института. С. 36.*

потенциал» определялся как «совокупность кадровых, материально-технических, финансовых и информационных ресурсов, объединенных определенными организационными принципами и структурой управления»⁵. При этом авторы данного исследования раскрывали секторальную структуру научного потенциала страны: «Научный потенциал СССР сосредоточен в трех основных секторах: академическом, отраслевом (включая заводскую науку) и вузовском. В них проводится подавляющая часть фундаментальных, прикладных исследований и разработок»⁶, а также отмечали необходимость «использования для решения межотраслевых проблем мощного потенциала межотраслевой (и в этом смысле «межведомственной») науки. Речь идет, прежде всего, о науке академического и до некоторой степени вузовского сектора»⁷.

Всестороннее и комплексное определение данного концепта давалось также в монографии основателя киевской школы науковедения Г. М. Доброва: «Научный потенциал – конкретный и количественно определенный анализ комплекса параметров, характеризующих в своей совокупности способность научной системы решать настоящие и будущие проблемы научно-технического развития. Проведение подобного рода науковедческого анализа актуально как при оценке соответствия комплекса ресурсов науки предстоящим приоритетным задачам, так и при внутригосударственном и интернациональном сравнении достигнутого уровня научного потенциала. Важной частью этой проблемы является разработка принципов развития и размещения сети научных центров и ассоциаций учреждений науки и научного обслуживания. Очевидна тесная связь этой проблематики с научным обоснованием стратегии науки и с государственной политикой в области научно-технического развития»⁸. Изучалось понятийное содержание данного концепта и в работах белорусских исследователей⁹.

В частности, в начале 1990-х гг. белорусскими науковедами концепт «*научный потенциал*» рассматривался в качестве общепризнанного ключевого «понятия, отражающего способность сферы науки данного уровня (учреждение, отрасль, регион, страна) решать стоящие перед ней научные и научно-технические задачи»¹⁰. При этом уже в то время основатель минской школы науковедения Г. А. Несветаилов отметил наметившиеся негативные тенденции в развитии научного потенциала Беларуси: «Уровень отечественного научного потенциала не соответствует требованиям современного этапа НТР, особенно в вопросах квалификации кадров, стимулирования их труда... Распад научного

⁵ Варшавский А. Е. *Научный потенциал страны*. С. 7.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Добров Г. М. *Наука о науке...* С. 285.

⁹ Ермолаев В. *Научный потенциал Белоруссии*.

¹⁰ Несветаилов Г. А. *Введение*. С. 9.

¹¹ Несветайлов Г. А. Введение. С. 4.

¹² Барсученко Э. И. Сравнительная оценка...;

Китова Г. А. Научный потенциал республик бывшего СССР...

¹³ Варшавский А. Е. Научный потенциал страны. С. 9.

¹⁴ Сушчэня Л. М. Фундаментальная наука... С. 2–3.

¹⁵ Слонимский А. А. Региональный научный комплекс... С. 65.

¹⁶ Сушчэня Л. М. У рэспубліцы ідзе сур'ёзная работа па пераўтварэнню навуковага патэнцыялу. С. 2–3.

¹⁷ Слонимский А. А. Научный потенциал Республики Беларусь...;

Шкворець Ю. Ф. Державні науково-технічні програми...

¹⁸ Клочко Ю. А. Оценка состояния и использования научно-технического потенциала СССР...;

Рябченко С. Науково-технічний потенціал України...

¹⁹ Громека В. И. США: научно-технический потенциал...;

Научно-технический потенциал...

²⁰ Авдулов А. Н. Структура и динамика научно-технического потенциала России. С. 13.

потенциала затруднит создание новой и эксплуатацию уже имеющейся в стране техники, усилит отставание в сфере научно-технического прогресса, что станет в недалеком будущем очередным тормозом на пути решения социальных проблем»¹¹.

Отмеченные выше негативные тенденции в развитии советской науки стали еще более заметными в процессе проведения отечественными учеными сравнительного анализа научных потенциалов разных стран мира¹², а также в процессе углубленного изучения разных составляющих научного потенциала одной страны: кадровой составляющей¹³; потенциала фундаментальной науки¹⁴; потенциала высшей школы¹⁵ и др. Руководством академической науки того времени был намечен и магистральный путь преодоления указанных выше негативных тенденций – продуманное и взвешенное преобразование научного потенциала Беларуси¹⁶.

Реализация такого преобразования становилась реальностью при условии развития отечественной науки по пути еще более полного использования накопленного научного потенциала в интересах народного хозяйства страны, а также по пути максимального сближения науки с производством, образованием, социально-культурной сферой Беларуси¹⁷. В процессе активно идущего в перестроечные годы сближения отечественной науки с остальными сферами социально-экономической деятельности в стране установившиеся понятийные рамки концепта «научный потенциал» постепенно размываются, и на смену данному концепту в научных исследованиях 1990-х гг. приходит более широкий по своему понятийному содержанию концепт «научно-технический потенциал»¹⁸. Отметим, что в отдельных работах отечественных ученых по проблемам изучения науки наиболее развитых стран мира данный концепт («научно-технический потенциал») использовался уже в 1970–80-х гг.¹⁹

Вместе со сменой используемого концепта для описания уже реализованных и потенциальных возможностей современной науки пришло и новое понимание отечественными учеными указанных выше возможностей науки. В частности, российские исследователи А. Н. Авдулов и А. М. Кулькин следующим образом определяют концепт «научно-технический потенциал»: это «совокупность кадровых, материальных, финансовых и информационных ресурсов страны, а также организационно-управленческих структур, обеспечивающих функционирование сферы наука-техника»²⁰. В свою очередь Е. В. Водопьянова считает, что «важнейшим фактором успешного вхождения России в мировое (в том числе в европейское)

сообщество развитых стран является научно-технический потенциал. Под последним, как правило, понимается совокупность ресурсов, определяющих возможности решения конкретной страной задач научно-технического и промышленного развития»²¹. Далее в своей работе она конкретизирует понятийное содержание концепта «научно-технический потенциал» применительно к российской ситуации следующим образом: «В целом российский научно-технический потенциал, сформированный в XX в. преимущественно в советский период, это не только реальные интеллектуальные и технические результаты, но и людские ресурсы (только исследовательской деятельностью в России к концу 90-х гг. было занято 455 тыс. человек), а также научно-технический менталитет страны и сложившиеся традиции научных и инженерных школ»²². Во многом сходные определения концепта «научно-технический потенциал» представлены в работах украинских²³ и белорусских²⁴ исследователей науки.

Таким образом, концепт «научно-технический потенциал» вобрал в себя все понятийное содержание концепта «научный потенциал», обогащенное к тому же за счет понятийного содержания таких концептов, как «производственно-технический потенциал», «организационно-управленческий потенциал» и ряда других. Сегодня определения концепта «научно-технический потенциал» в указанной выше максимально широкой трактовке можно встретить даже в учебной литературе: «Научно-технический потенциал – обобщенная характеристика уровня развития науки, инженерного дела, техники в стране, возможностей и ресурсов, которыми располагает общество для решения научно-технических проблем»²⁵.

По вполне понятным причинам использование в науковедческих исследованиях, посвященных описанию самых разных сторон науки, исключительно концепта со столь широким понятийным содержанием было бы не совсем удобным. Поэтому в рамках современного науковедения началось выделение и описание отдельных составляющих научно-технического потенциала той или иной страны: *кадрового потенциала науки (научно-кадрового потенциала), интеллектуального потенциала, научно-образовательного потенциала, научно-технологического потенциала, научно-технологического потенциала отраслей* и др. Делаются также попытки оценить объем и наметить пути использования всего научно-технического потенциала и отдельных его компонентов для подъема экономики²⁶; отслеживается динамика показателей научно-технического потенциала

²¹ Водопьянова Е. В. *Европа и Россия на карте мировой науки*. С. 117.

²² Там же. С. 123.

²³ Науково-технічний потенціал України: стан, проблеми, перспективи розвитку; Лапко О. О. *Науково-технічний потенціал та його розвиток*.

²⁴ Гришанович А. *Научно-технический потенциал Беларуси...*; Щербин В. К. *Академическое науковедение...*;

Научно-технический потенциал Беларуси. С. 9–50.

²⁵ *Инновационный менеджмент...* С. 370.

²⁶ *Комплексный прогноз научно-технического прогресса Республики Беларусь на 2001–2020 годы*. С. 37–52.

²⁷ Соловьев В. П. Конкуренция в условиях инновационной модели развития экономики. С. 13 – 46.

²⁸ Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия... С. 54.

²⁹ Проблемы развития научно-инновационного потенциала Беларуси... С. 202.

³⁰ Карелина В. А. Коммерциализация интеллектуальной собственности и развитие инновационного потенциала науки. С. 205.

³¹ Карелина В. А. Составляющие инновационного потенциала экономики. С. 205.

³² Марков А. В. Государственная инновационная политика... С. 57.

³³ Там же.

конкретной страны по ряду факторов (организационная, кадровая, финансовая, материально-техническая, информационная и другие составляющие данного потенциала)²⁷. Конечным итогом проведения перечисленных выше науковедческих исследований, направленных на структурирование и всестороннее описание различных составляющих понятийного содержания концепта «научно-технический потенциал», стало дальнейшее повышение статуса данного концепта в ряду сопредельных понятий. В частности, российские науковеды рассматривают научно-технический потенциал страны в качестве «важнейшего элемента национального богатства России»²⁸.

Вместе с тем в последние годы в экономической литературе Беларуси наметилась тенденция по замене концепта «научно-технический потенциал» неравноценным ему по своему понятийному объему концептом «инновационный потенциал (научно-инновационный потенциал)»²⁹. Предпочтение, оказываемое данному концепту, В. Г. Дайнеко и Е. Ю. Дайнеко, к примеру, обосновывают тем, что «инновационный потенциал науки характеризуется не только креативными возможностями научных работников, создающих новые знания, но и существующими экономическими механизмами использования интеллектуальных продуктов»³⁰. Еще более широкое понятийное содержание вкладывает в концепт «инновационный потенциал» В. А. Карелина: «Инновационный потенциал экономики можно определить как способность хозяйственной системы страны использовать научные достижения для своего развития... По нашему мнению, инновационный потенциал государства в переходный период определяется совокупностью потенциалов производящих отраслей, науки, предпринимательства, политикой правительства»³¹. Проведен также «системный анализ инновационного потенциала»³², конечным результатом которого стало следующее определение данного новейшего концепта: «... инновационный потенциал следует рассматривать как совокупность материальных и нематериальных ресурсов, необходимых для создания, освоения и использования инноваций»³³.

К сожалению, в своем стремлении максимально широко использовать этот новейший концепт отдельные белорусские исследователи нередко идут путем чисто механической замены в своих работах традиционного концепта «научно-технический потенциал» более «модным» концептом «инновационный потенциал», не обращая при этом внимания на существующие между ними серьезные понятийные отличия. К примеру, Т. Садовская использует в своей статье восемь показателей,

отобранных японскими исследователями еще в начале 1980-х гг. с целью получения сравнительной интегральной оценки научно-технических потенциалов разных стран³⁴, для «самостоятельного» описания инновационных потенциалов этих же стран. И, как ни странно, получает идентичные результаты³⁵, чего в принципе быть не может. В частности, пятый используемый ею показатель – объем (в стоимостном выражении) торговли технологиями – при оценке научно-технического потенциала страны включает продажу любых технологий, в том числе и устаревших, а при оценке инновационного потенциала страны – продажу только новейших технологий, принадлежащих пятому и шестому технологическим укладам. Поэтому совпасть значения этого показателя для научно-технического и инновационного потенциалов страны никак не могут.

Концепт «научно-технический потенциал» включает как уже реализованные (в предыдущих технологических укладах), так и потенциально реализуемые в будущем (в новейших технологических укладах) научно-технические возможности страны, в то время как концепт «инновационный потенциал» ориентирован только на новейшие технологические уклады и возможности. Если соотнести сравниваемые концепты «научно-технический потенциал» и «инновационный потенциал» с представленными в народном хозяйстве Беларуси типами экономик, то первый из вышеупомянутых концептов всем своим понятийным содержанием отражает научно-технические аспекты функционирования *реальной экономики*, которая, как известно, охватывает подавляющую часть предприятий Беларуси. В то время как второй концепт раскрывает научно-технические возможности *инновационной экономики*, которая в настоящее время объединяет только инновационно активные предприятия, составляющие всего лишь 13,9% от общего количества белорусских предприятий³⁶. Весьма показательным является и тот факт, что раздел «Научно-технический потенциал Беларуси» в подготовленном совместными усилиями сотрудников ГКНТ и НАН Беларуси «Атласе науки Республики Беларусь» (2004) в числе прочих своих подразделов включает и такие, как «Белорусский инновационный фонд», «Отраслевые инновационные фонды», «Основные результаты научно-технической и инновационной деятельности», «Инновационное предпринимательство» и др. Поэтому механическая замена в различных контекстах более широкого по своему понятийному содержанию концепта «научно-технический потенциал» понятийно более узким концептом «инновационный потенциал» вряд ли оправдана.

³⁴ Авдулов А. Н. О методах сравнительного анализа национальных научно-технических потенциалов. С. 121–122.

³⁵ Садовская Т. Методологические аспекты оценки инновационного потенциала. С. 44–45.

³⁶ Недилько В. И. Инновации в Республике Беларусь: состояние и перспективы. С. 16.

БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУКОВЕДОВ НЕ ТОРОПИТСЯ МЕНЯТЬ В СВОИХ РАБОТАХ УСТОЯВШИЙСЯ И ХОРОШО СЕБЯ ЗАРЕКОМЕНДОВАВШИЙ КОНЦЕПТ «НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ» НА БОЛЕЕ «МОДНЫЙ» КОНЦЕПТ «ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ»

Отметим, что большая часть отечественных науковедов не торопится менять в своих работах устоявшийся и хорошо себя зарекомендовавший концепт *«научно-технический потенциал»* на более «модный» концепт *«инновационный потенциал»*. В частности, проведенный нами библиометрический анализ наиболее часто используемых в научной литературе концептов

для описания уже реализованных и потенциальных возможностей науки и ее практического применения показал, что почти в 40% работ употребляется концепт *«научно-технический потенциал»*, в 30% научных работ – концепт *«научный потенциал»* и только в 8% работ – концепт *«инновационный потенциал»*. В оставшихся 22% исследованных работ используются еще более узкие по своему понятийному содержанию концепты (*научно-кадровый потенциал, интеллектуальный потенциал, научно-образовательный потенциал* и др.).

Таким образом, сравнительный анализ выявленных в научной литературе определений концепта *«научно-технический потенциал»* позволяет уточнить его содержание. Это ключевое науковедческое понятие, отражающее совокупность существующих научно-технических ресурсов и потенциальных возможностей реальной экономики, таких, как 1) научные, научно-педагогические и инженерно-технические кадры, их менталитет, навыки и традиции; 2) производственно-техническая база страны; 3) национальная система научных, научно-образовательных и опытно-конструкторских организаций; 4) государственная система научно-информационного обеспечения; 5) органы государственного управления научно-технической сферой; 6) государственные, международные, частные и иные структуры финансового обеспечения научно-технической сферы; 7) национальная система законодательной поддержки субъектов научно-технической сферы и др.). Всестороннее описание такого сложного комплексного феномена, каким является научно-технический потенциал страны, требует для своей полноценной реализации выполнения следующих условий: 1) необходимо всемерно развивать отечественное науковедение; 2) в своих исследованиях белорусские ученые должны больше внимания уделять рассмотрению ключевых научных концептов, при помощи которых описываются уже реализованные и потенциальные возможности отечественной науки и ее практического применения.

Список использованных источников

1. Щербин, В. К. Общее науковедение и этапы развития научного самопознания / В. К. Щербин // Социология. – 2005. – № 1. – С. 27–40.
2. Щербин, В. К. Социокультурные детерминанты развития логики научного познания / В. К. Щербин // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2006. – № 2. – С. 4–21.
3. Потенциал науки / Г. М. Добров [и др.]; под общ. ред. Г. М. Доброва. – К., 1969. – 152 с.
4. Шашков, А. Г. О научном потенциале академического института / А. Г. Шашков, А. А. Слонимский // Вопросы управления исследованиями и разработками: сб. науч. тр. – Минск, 1979. – С. 36–47.
5. Варшавский, А. Е. Научный потенциал страны / А. Е. Варшавский, Л. Э. Миндели, Б. Г. Салтыков. – М., 1984. – 64 с.
6. Добров, Г. М. Наука о науке. Начала науковедения / Г. М. Добров; отв. ред. Н. В. Новиков. – 3-е изд. – К., 1989. – 302 с.
7. Ермолаев, В. Научный потенциал Белоруссии / В. Ермолаев. – Минск, 1987. – 63 с.
8. Несветайлов, Г. А. Введение / Г. А. Несветайлов // Научный потенциал республики / Под ред. Г. А. Несветайлова. – Минск, 1991. – С. 3–10.
9. Барсученко, Э. И. Сравнительная оценка научно-технических потенциалов СССР и развитых капиталистических стран / Э. И. Барсученко, Ю. А. Клочко, И. Б. Жилиев. – К., 1991. – 40 с.
10. Китова, Г. А. Научный потенциал республик бывшего СССР: особенности развития в новых условиях / Г. А. Китова // Проблемы прогнозирования. – 1994. – № 6. – С. 107–121.
11. Сушчэня, Л. М. Фундаментальная навука – аснова прыкладных даследаванняў, важнейшая ўмова захавання навуковага патэнцыялу краіны / Л. М. Сушчэня // Навіны Акадэміі навук Беларусі. – 1997. – 7 лют. – С. 2–3.
12. Слонимский, А. А. Региональный научный комплекс: содержание, структура, потенциал / А. А. Слонимский // Научный потенциал республики / Под ред. Г. А. Несветайлова. – Минск, 1991. – С. 51–65.
13. Сушчэня, Л. М. У рэспубліцы ідзе сур’ёзная работа па пераўтварэнню навуковага патэнцыялу / Л. М. Сушчэня // Навіны Акадэміі навук Беларусі. – 1994. – 11 лют. – С. 2–3.
14. Слонимский, А. А. Научный потенциал Республики Беларусь и проблемы трансформации технологической структуры ее экономики / А. А. Слонимский // Наука та наукознаўство. – 1997. – № 1–2. – С. 110–124.
15. Слонимский, А. А. Научный потенциал и технологическая структура экономики Беларуси: стратегия развития / А. А. Слонимский // Белорусский экономический журнал. – 1998. – № 1. – С. 39–50.
16. Шкворець, Ю. Ф. Державні навуково-тэхнічны праграмы як інструмент трансфармацыі навуковага патэнцыялу / Ю. Ф. Шкворець, Н. М. Шильська // Наука та наукознаўство. – 1999. – № 1. – С. 66–80.
17. Оценка состояния и использования научно-технического потенциала СССР: аналитический обзор / Ю. А. Клочко, Б. А. Малицкий, И. Б. Жилиев, А. В. Щур. – М., 1990. – 120 с.
18. Авдулов, А. Н. Структура и динамика научно-технического потенциала России / А. Н. Авдулов, А. М. Кулькин. – М., 1996. – 319 с.
19. Рябченко, С. Науково-тэхнічний потенціал України на етапі виходу з кризи / С. Рябченко // Вісник НАН України. – 1997. – № 7–8. – С. 43–49.

20. Громека, В.И. США: научно-технический потенциал: Социально-экономические проблемы формирования и развития / В.И. Громека. – М., 1977. – 245 с.
21. Научно-технический потенциал: структура, динамика, эффективность / Отв. ред. В.Е. Тонкаль, Г.М. Добров. – К., 1987. – 347 с.
22. Водопьянова, Е.В. Европа и Россия на карте мировой науки / Е.В. Водопьянова. – М., 2002. – 221 с.
23. Науково-технічний потенціал України: стан, проблеми, перспективи розвитку. – К., 2000. – 63 с.
24. Лапко, О.О. Науково-технічний потенціал та його розвиток / О.О. Лапко, В.П. Александрова // Економіка України: стратегія і політика довгострокового розвитку / За ред. В.М. Гейця. – К., 2003. – С. 373–391.
25. Гришанович, А. Научно-технический потенциал Беларуси: основные итоги и проблемы эффективности его использования / А. Гришанович // Вузовская наука, промышленность, международное сотрудничество: материалы 3-й Междунар. науч.-практич. конф.: в 2 ч. – Минск, 2000. – Ч. 2. – С. 3–7.
26. Щербин, В.К. Академическое науковедение и проблема эффективного использования научно-технического потенциала Беларуси / В.К. Щербин, В.К. Бонько // Наука – народному хозяйству: монография. – Минск, 2002. – С. 1041–1062.
27. Научно-технический потенциал Беларуси // Атлас науки Республики Беларусь / Под общ. ред. М.В. Мясниковича, Ю.М. Плещачевского. – Минск, 1994. – С. 9–50.
28. Инновационный менеджмент: учебник / Под ред. В.А. Швандара, В.Я. Горфинкеля. – М., 2004. – 382 с.
29. Василега, В.Г. Долгосрочное планирование отраслевой структуры научных кадров / В.Г. Василега // Научный потенциал республики / Под ред. Г.А. Несветайлова. – Минск, 1991. – С. 144–159.
30. Иванова, Н.И. Национальные инновационные системы / Н.И. Иванова. – М., 2002. – 244 с.
31. Калинин, В.А. Сущность и динамика интеллектуального продукта / В.А. Калинин. – Минск, 2003. – 56 с.
32. Бабосов, Е.М. Формирование единого европейского образовательного пространства: проблемы и перспективы (по материалам международных социологических исследований) / Е.М. Бабосов, Е.П. Сапелкин, А.В. Островская, Ю.Н. Никулина // Социология. – 2005. – № 1. – С. 62–70.
33. Маліцький, Б.А. Науково-технологічний потенціал України: сучасний стан та перспективи розвитку / Б.А. Маліцький // Наука та наукознавство. – 2005. – № 3. – С. 4–19.
34. Кулакин, Г.К. Научно-технологический потенциал отраслей: инновационная активность организаций / Г.К. Кулакин // Проблемы прогнозирования. – 2004. – № 1. – С. 133–145.
35. Комплексный прогноз научно-технического прогресса Республики Беларусь на 2001–2020 годы. – Т. 1. – Минск, 2000. – 123 с.
36. Соловьев, В.П. Конкуренция в условиях инновационной модели развития экономики / В.П. Соловьев; под ред. Б.А. Малицко-го. – К., 2006. – 165 с.
37. Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия (социально-экономические аспекты развития). – М., 2001. – 636 с.
38. Проблемы развития научно-инновационного потенциала Беларуси: сб. науч. тр. – Минск, 2004. – 163 с.

-
39. Дайнеко, В. Г. Коммерциализация интеллектуальной собственности и развитие инновационного потенциала науки / В. Г. Дайнеко, Е. Ю. Дайнеко // Наука и образование на пороге III тысячелетия: Тезисы докладов Международного конгресса: в 2 кн. – Минск, 2000. – Кн. 2. – С. 202.
 40. Карелина, В. А. Составляющие инновационного потенциала экономики / В. А. Карелина // Наука и образование на пороге III тысячелетия: Тезисы докладов Международного конгресса: в 2 кн. – Минск, 2000. – Кн. 2. – С. 205.
 41. Марков, А. В. Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации / А. В. Марков. – Минск, 2005. – 370 с.
 42. Садовская, Т. Методологические аспекты оценки инновационного потенциала / Т. Садовская // Наука и инновации. – 2006. – № 1. – С. 43–47.
 43. Авдулов, А. Н. О методах сравнительного анализа национальных научно-технических потенциалов / А. Н. Авдулов, А. М. Кулькин // Науковедение. – 2002. – № 1. – С. 119–131.
 44. Недилько, В. И. Инновации в Республике Беларусь: состояние и перспективы / В. И. Недилько // Инновационные ресурсы России и государств-участников СНГ. – М., 2005. – С. 15–18.

Дата поступления в редакцию 29.03.2010.

Лыч Г. М.

УДК 330.111.4:001

Наука, образование и производство: обеспечение их активного взаимодействия

Статья посвящена анализу негативных последствий, вызванных обособленностью развития науки, образования и производства. Данные последствия рассматриваются для каждого из компонентов триады и общества в целом. Автор обосновывает важнейшие преобразования, которые необходимо провести в производстве, науке и высшем образовании для того, чтобы обеспечить активное взаимодействие данных сфер общественной жизнедеятельности.

Вишневский А. Ф., Гончаренко М. Ф.

УДК 341.322.6

Правовое регулирование внесудебных полномочий репрессивных органов советского государства (1922–1934 гг.)

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования внесудебных полномочий специальных органов СССР в годы укрепления советской власти. Обосновывается мнение о том, что в рассматриваемый период правоохранительные органы стали послушным инструментом в деле становления и поддержки авторитарного режима и его превращения в конце 1920-х – начале 1930-х годов в тоталитарный политико-правовой режим.

Земляков Л. Е., Щекин М. С.

УДК 37:347.167.1(476)

Религия и образование в Республике Беларусь: политико-правовые аспекты

Политико-правовые особенности светского и религиозного образования в Республике Беларусь обусловлены антиномией светскости и свободы совести. Перспективы белорусской образовательной практики связаны с разработкой комплексного нормативно-правового акта, который восполняет пробелы политико-правового регулирования, унифицирующего законодательство, регулирует сферу обеспечения права на образование и свободы совести.

Беляцкий Н. П., Рудак И. К.

УДК 34.08

Влияние информационных технологий на управление персоналом

В статье анализируются проблемы влияния информационных технологий на управление персоналом. Рассматривается необходимость и важность разработки и внедрения либо выбор готовых автоматизированных систем хранения и учета данных о персонале. Обосновывается, что эффективность использования компьютерных систем зависит от дисциплины круга пользователей. Авторам представляется целесообразным своевременное и всестороннее развитие персонала организации и мониторинг мотивационных установок.

*Руденков В. М., Пилютик А. А.***Подходы к исследованию природы и истоков кризисов в мировой экономике**

В статье рассматриваются истоки возникновения кризисов, дается классификация их видов в мировой экономике. Особое внимание уделяется сложившимся научным школам, изучающим их природу, жизненный цикл и периодичность возникновения. Дается макроэкономическая оценка возможности их моделирования и безуспешности прогнозирования в краткосрочном периоде. Обозначены элементы эндогенного и экзогенного механизма длинного цикла по Кондратьеву. С учетом развития современной экономической мысли и накопленных знаний моделирования и прогнозирования процессов авторы предлагают подходы к построению комплексной системы прогнозирования кризисов и разработке эффективных антикризисных мер.

Ананько А. В. УДК 347.1:681.3

УДК 347.1:681.3

Юридические факты, порождающие электронные гражданские правоотношения

В научной статье исследованы юридические факты, порождающие электронные гражданские правоотношения. Автором проанализированы подходы к определению правовой природы юридических фактов касательно электронных гражданских правоотношений; исследованы особенности юридических фактов, порождающих гражданские правоотношения в Интернете; проведена классификация таких юридических фактов.

Ковкель Н. Ф.

УДК 340.113.1

Проблемы структурирования и единства правового языка

В статье на основе комплекса юридических, лингвистических и логических критериев определяется структура правового языка в виде следующей трихотомии: 1) тексты источников права; 2) прикладные правовые тексты и прикладная правовая речь; 3) научные и учебные правовые тексты, а также научная правовая речь и правовая речь образовательного процесса. Указанные элементы структурируются в различные группы, и на основании многообразия видов правовых текстов и правовой речи отрицается единство правового языка.

Маджарова В. А.

УДК 340.113.1

Этапы развития научных исследований в области языка и стиля нормативных правовых актов от Античности до периода Нового времени

Статья посвящена анализу научных исследований в области языка, стиля и терминологии нормативных правовых актов. Автор обосновывает целесообразность выделения двух основных этапов развития научных представлений: 1) от античности до начала XIX века, который делится на два периода: а) от Античности до буржуазных революций в Западной Европе; б) от эпохи буржуазных революций в Западной Европе до начала XIX века; 2) начало XIX века – 1917 г.

Паращенко В. В.

УДК 341.983.4

Доказательства в гражданском процессе: понятие, дискуссии

В статье анализируется понятие «доказательства», приводятся различные точки зрения ученых относительно сущности данного понятия, обосновывается положение о том, что информация о факте приобретает качество сведений о факте, превращается в доказательство только после его процессуальной обработки в судебном заседании с соблюдением установленной процессуальной формы.

Примачёнок Г. А.

УДК 341.22

**Пространство как всеобщая среда,
экономический ресурс и объект собственности**

В статье исследуется пространство как экономический ресурс, возможности и пределы его использования в хозяйственной деятельности в соответствии с действующим законодательством, регулирующим извлечение полезных свойств из различных обособленных объектов пространства, а также реализацию функций охраны, защиты и ответственности. Содержатся рекомендации по совершенствованию правового регулирования и повышению экономического эффекта использования пространства, способствующие развитию социальной свободы физических и юридических лиц, благосостоянию граждан.

Ханкевич Л. А.

УДК 342.536.5

Бюджетное право и бюджетное законодательство

Статья посвящена анализу таких юридических категорий, как «бюджетное право» и «бюджетное законодательство». Автор выделяет отличительные черты субъекта бюджетного права и бюджетных правоотношений, обращает внимание на вопросы правового регулирования отношений, возникающих в связи с разбалансированностью бюджета, и вопросы ответственности государственных органов и их должностных лиц за разбалансированность бюджета.

Чуприс О. И.

УДК 35.08 (476)

**Служба представительных органов
как вид государственной службы Республики Беларусь**

В статье анализируется служба депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и депутатов местных Советов депутатов (служба представительных органов) как вид единой государственной службы Республики Беларусь. В правовой системе она может быть представлена в качестве подотрасли комплексной отрасли законодательства – права государственной службы. С учетом данного представления вносятся некоторые предложения о совершенствовании правового регулирования данного вида государственной службы.

Говзич В. Г., Николаевский В. В.

УДК 340:330.322

**Инвестиционное право как регулятор
экономических инвестиционных отношений**

Эффективность государственного регулирования инвестиционных отношений и реализации инвестиционной политики во многом обуславливается соответствием существующей правовой базы решаемым экономическим задачам. В области инвестиционной деятельности предметом исследования юридической науки являются правовые отношения, которые возникают в связи с реализацией субъектами хозяйствования экономических отношений. Предлагается в качестве основного способа эффективного регулирования инвестиционных экономических отношений использовать специальное инвестиционное законодательство, перенося их, таким образом, в область правового исследования.

Солодовников С. Ю., Жуковская О. Ю.

УДК 330.1

**Влияние социального капитала на конфигурацию рыночной системы
Республики Беларусь в контексте национальной безопасности**

В статье исследуется влияние социального капитала на конфигурацию рыночной системы, указываются основные этапы, которые необходимо пройти в целях усиления продукционного эффекта социального капитала Республики Беларусь. Автор также обращает внимание на тенденцию к присвоению социального капитала на уровне общества классом государственных управленцев, которые в своих интересах снижают возможную отдачу от накопленного социального потенциала.

Щербин В. К.

УДК 001.11 (476)

**Концепт «научно-технический потенциал»
среди сопредельных понятий**

В статье рассматриваются основные концепты науковедения: научный потенциал, научно-технический потенциал, инновационный потенциал и др. Проводится сравнительный анализ понятийного содержания этих концептов. Делается вывод, что самый высокий статус и наибольший понятийный объем среди проанализированных науковедческих концептов имеет концепт «научно-технический потенциал».

G. Lych

Science, Education and Industry: Securing of their Active Interaction

The article is dedicated to the analysis of the negative consequences caused by isolation of the development of science, education and industry. The given consequences are considered for each component of the triad and a society as a whole. The author proves the main transformations, which must be carried out in, industry science and higher education to secure active interaction between given spheres of public life.

Vishnevskij A. F., Goncharenko M. F.

Legal regulation of extrajudicial powers of the repressive bodies of the Soviet state (1922–1934)

In the article the problems of legal regulation of extrajudicial powers of special bodies of the USSR are considered within strengthening of the Soviet authority. The opinion that during the considered period law enforcement bodies became the obedient tool in the business of formation and support of an authoritative regime and its transformation in the end of 1920 th – the beginning of 1930 th years in a totalitarian political legal regime proves.

L. Zemliakov, M. Shchekin

Religion and Education in the Republic of Belarus: Political and Legal Aspects

Political and legal features of conventional and religious education in the Republic of Belarus have been affected by an antinomy of secularism and freedom of worship. The future of Belarusian education policy is deemed to be determined by the comprehensive legislation to be developed and aimed at eliminating collisions and gaps in political and legal regulation to unify national legislation in this respect and ensure the right for education as well as freedom of worship.

N. Beliackij, I. Rudak

Influence of information technology on personnel management

The article investigates the problem how it influences information technology on personnel management. Necessity and importance of cultivation and introduction or selection of ready automatic systems of saving and calculation informations about personnel are studied. It is proved that efficiency of exploitation of computer systems depends on users' discipline. The authors consider the expediency of opportune and complete development of personnel of an organization and monitoring of motivating directions.

V. Rudenkov, A. Pilutic

Crises Nature and Origin Approaches in the International Economy

The article studies crisis origins, gives its classification in the international economy. The special attention is paid to the established scientific institutions which study its nature, life cycle and the periodicity of its origin. Macroeconomic estimation is given to the possibility of its model building and abortive prognoses in the short-term period. Endogenous and exogenous elements of long cycle mechanism of Kondratiev are marked. Due to the development of modern economic thought and accumulated knowledge of model building and process prognosis the authors suggest approaches to the complex system construction of crisis prognosis and development of effective anticrisis measures.

A. Ananko

The legal facts which engender electronic civil legal relationships

In the scientific article are researched the legal facts which engender electronic civil legal relationships. The author analyses approaches to definition of the legal nature of the legal facts concerning to electronic civil legal relationships; features of the legal facts, which engender the civil legal relationships on the Internet are researched; such legal facts are classified.

N. Kovkel

Problems of Structure and Unity of Legal Language

In the article on the basis of a complex of legal, linguistic and logic criteria the structure of legal language is defined: 1) texts of sources of the right; 2) applied legal texts and applied legal speech; 3) scientific and educational legal texts, and also scientific legal speech and legal speech of educational process. The specified elements are structured in various groups and on the basis of variety of kinds of the legal texts and legal speech the unity of legal language is denied.

V. Madzharova

Stages of the Development of Scientific Researches in the Field of Language and Style of Normative Legal Acts from Antiquity till the Period of New Time

The article is dedicated to the analysis of scientific researches in the field of language, style and terminology of normative legal acts. The author proves the expediency of division of two basic stages of the development of scientific representations: 1) from Antiquity to the beginning of XIX century which is divided into two periods: a) from Antiquity to bourgeois revolutions in the Western Europe; b) from the epoch of bourgeois revolutions in the Western Europe to the beginning of XIX century; 2) the beginning of XIX century – 1917.

V. Parashchenko

Proofs in Civil Process: Concept, Discussions

The article is dedicated to the analysis of the concept of «proof», the various points of view of scientists concerning essence of the given concept are discussed. The author

prove the statement that the information on the fact gets quality of data on the fact, turns to the proof only after its procedural processing in judicial sitting with observance of the established procedural form.

G. Primachenok

Space as the General Environment, the Economic Resource and the Object of the Property

We have investigated in this article the expanse as the economic resource, opportunities and limits of its using in economical activity according to the existing legislation. The existing legislation regulates the extraction of beneficial properties from different detached objects of expanse, as well as implementation of functions of safety, defence and responsibility. In addition, recommendations on improvement of legal regulation and on rise of economic effect of using the expanse are set forth in this article. These recommendations will promote the development of social freedom of natural and artificial persons, also citizens' welfare.

L. Khankevich

The Budgetary Right and the Budgetary Legislation

The article is dedicated to the analysis of such legal categories, as the «budgetary right» and the «budgetary legislation». The author determines distinctive features of the subject of the budgetary right and the budgetary legal relationship, pays attention to the questions of legal regulation of the relations arising in connection with disbalance of the budget, and questions of the responsibility of the state bodies and their officials for disbalance of the budget.

O. Chupris

Service of Representative Bodies as the Variety of Public Service of the Republic of Belarus

The article deals with service of representative bodies (deputy service) as variety of uniform public service of the Republic of Belarus. It can be presented in legal system of Belarus as sub-branch of complex branch of the legislation – the public service law. Offers on perfection of legal regulation of deputy service are made.

V. Govzich, V. Nikolaevskij

Investment law as a watchdog of economic investment relations

Efficiency of state regulation of investment relations and realization of an investment policy is in many respects caused by adequacy of existing legal base to solved economic problems. Regarding investment activity by a jurisprudence object of research, legal relations which arise in connection with realization by subjects of managing of economic relations are. It is offered to use such toolkit as the special investment legislation, transferring them thus to area of legal research as the basic way of effective regulation of investment economic relations.

S. Solodovnikov, O. Zhukovskaya

Influence of the Social Capital on a Configuration of Market System of the Republic of Belarus in a Context of National Safety

In the article influence of the social capital on a configuration of market system is investigated, the basic stages which are necessary for passing with a view of strengthening effect of the social capital of the Republic of Belarus are specified. The author also pays attention to the tendency to assume the social capital at a level of a society by a class of the state managers which in the interests reduce possible profit from the accumulated social potential.

V. Shcherbin

The Concept of «Science and Technology Potential» among the Adjacent Notions

The main science of science concepts (science potential, science and technology potential, innovation potential, etc.) are considered in the article. The comparative analysis of notional content of these concepts is carried out. The conclusion is made that the concept of «science and technology potential» has the highest status and largest notional capacity among other science of science concepts.

Рэдакцыя часопіса «Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні» запрашае да супрацоўніцтва аўтараў навуковых, вучэбных і метадычных матэрыялаў у адпаведных галінах ведаў. Правілы прадстаўлення матэрыялаў для публікацыі:

1. У часопісе публікуюцца артыкулы на беларускай і рускай мовах памерам да 1 аўтарскага аркуша (40 000 знакаў з прабеламі).
2. Рукапіс артыкула падаецца раздрукаваным у двух экзэмплярах (шрыфт 14 пт., праз два інтэрвалы), з подпісам аўтара на апошняй старонцы, а таксама ў выглядзе электроннага файла на дыскеце ці дыску ў фармаце “rtf” ці “doc”.
3. Ілюстрацыі (фатаграфіі, малюнкi, табліцы, схемы) дадаюцца ў выглядзе асобных файлаў, выкананых у адпаведных фарматах.
4. Спасылкі на выкарыстаныя крыніцы прыводзяцца ў тэксце ў дужках. Спіс выкарыстаных крыніц змяшчаецца ў канцы тэкста і афармляецца ў адпаведнасці з Інструкцыяй па афармленню дысертацыі, аўтарэферата і публікацый па тэме дысертацыі (Пастанова ВАК РБ №2 ад 22.02.2006). На першай старонцы артыкула павінен быць прастаўлены індэкс УДК.
5. Да артыкула таксама дадаюцца:
 - інфармацыя пра аўтара (аўтараў): месца працы, пасада, вучоная ступень, вучоная званне, кантактныя тэлефоны, галіна навуковых інтарэсаў, галоўныя тэарэтычныя ці практычныя дасягненні;
 - фатаграфія аўтара (калі магчыма, лічбавая);
 - анатацыя на рускай і англійскай мовах памерам 100-150 слоў.

Паштовы адрас:

220004, г. Мінск, вул. Караля, 3, БПІ – Інстытут правазнаўства.

E-mail: seipi@yandex.ru.

Адрас рэдакцыі:

г. Мінск, вул. Каліноўскага, д. 74-а, каб. 13.